

ДЕСЯТЬ НОВЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

А.К. СОКОЛОВ

**ЛЕКЦИИ
ПО СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИИ**

1917-1940

А.К. СОКОЛОВ **ЛЕКЦИИ ПО СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ 1917-1940**

Scan- nau;
Processing, OCR- walerij

ДЕСЯТЬ НОВЫХ УЧЕБНИКОВ
ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

Серия ориентирована
на студентов-историков,
исследователей и преподавателей,
всех интересующихся историей

Издание подготовлено
при содействии фонда
VOLKSWAGEN

ДЕСЯТЬ НОВЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

А.К. СОКОЛОВ

**ЛЕКЦИИ
ПО СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИИ
1917-1940**

МОСГОРАРХИВ
1995

**Десять новых учебников
по историческим дисциплинам**

Идея издания серии была инициирована в 1993 г. в результате развития сотрудничества исторического факультета Московского университета им. М.В. Ломоносова, ассоциации "История и компьютер", объединения "Мосгорархив" - с одной стороны, и Международной ассоциации "History and Computing", Института истории общества Макса Планка (Геттинген, Германия) - с другой стороны. Полученный в 1993 г. грант фонда Volkswagen создал возможности для реализации проекта. Важную роль на подготовительном этапе сыграли д-р В. Леверманн и д-р М. Таллер. Отбор десяти учебных пособий был произведен экспертной группой в составе докторов исторических наук Л.И. Бородкина (исторический факультет МГУ), Е.И. Пивовара (Историко-архивный институт РГГУ) и А.К. Соколова (Институт российской истории РАН). Издательско-полиграфические работы взяло на себя объединение "Мосгорархив".

ВВЕДЕНИЕ

В нынешних условиях в России, когда идет острая борьба по поводу событий, происходивших в недавнем по историческим меркам прошлом, создать какой-то единый и целостный курс ее истории в новейшее время - нелегкая задача. Положение усугубляется тем, что очень быстро падает общественный интерес к историческим знаниям, особенно заметный в последние годы. Можно сказать, что в настоящее время историческая наука находится в глубоком и затяжном кризисе, который вызван концом целой эпохи и созданной ею историографии, называемой советской.

Об истоках и причинах кризиса разговор долгий. Это задача особого курса. Нам нужно лишь извлечь из этого некоторые уроки и попытаться наметить пути объективного освещения истории, поскольку многие догмы исторического материализма, служившие раньше критериями постижения истины, подвергаются критике и пересмотру. Причем, проблема гораздо более серьезная, чем кажется на первый взгляд. Слишком глубокий след в нашем сознании оставила прежняя идеология в форме всяких "измов", абстрактных классовых схем, определений, с детства впитавшихся в плоть и кровь. Прежде в СССР никогда и нигде систематически не преподавалась иная философия истории, превратно и искаженно преподносились исторические школы, замалчивались или пылились на полках спецхранов труды крупнейших ученых. Нынешняя ситуация характерна тем, что вакуум, образовавшийся в результате краха коммунистической идеологии, заполняется обрывками идей самого разного толка. Обратим внимание на то, что за время, прошедшее после 1985 г., отечественная историография не сумела создать большо-

го числа солидных, заслуживающих уважения исторических трудов, в которых отражены новые концепции, новые подходы, новые темы. Чаще всего - это сборники статей, где каждый автор "обсасывает" какой-то отдельный сюжет, это - разного рода компиляции, публицистические рассуждения, переиздания трудов зарубежных авторов и эмигрантов, содержащих разные точки зрения по поводу того, что происходило с Россией и СССР в истории XX в.

Между тем потребность в объективном взгляде на историю страны в советский период ощущается все более настоятельно. Крутые и поворотные годы, когда происходит явная и скрытая борьба различных тенденций и стоящих за ними социальных и политических сил, вызывает необходимость критического переосмысления прошлого. В такие годы история в наибольшей степени должна выполнять свою основную функцию - роль социальной памяти общества. В ней общество ищет для себя нужные ему социальные ориентиры, духовные ценности, традиции, нормы поведения и т.д. Кризисная ситуация, в которой мы все находимся, заставляет искать в прошлом корни многих проблем, ошибок и трудностей, существующих противоречий. И чем больше мы занимаемся подобным поиском, тем дальше в глубь десятилетий уводит нас канва исторических событий. Центральный вопрос, на который нужно дать ответ в настоящее время, - был ли закономерен тот финал советской истории, свидетелями коего мы являемся, или же система, созданная в стране в 1917 г., имела все-таки какие-то потенции в исторической перспективе. Ответ на этот вопрос затрагивает интересы практически каждого.

Особенность всякой недавней истории состоит в том, что она как бы опалена горячим дыханием современности. Она служит оружием в политической борьбе, она находится на перекрестке столкновения различных мнений. На этой основе многие считают, что правдивую историю в такой ситуации создать невозможно. К сожалению, для такого вывода есть основания. Зависимость исторической науки от идеологии и политики подтверждается всем предшествующим опытом историографии. В ней существует направление, называемое презентизмом, которое призывает мириться с этой зависимостью. Главный тезис презентистов - каждое поколение переписывает для себя историю заново и извлекает из нее свой собственный опыт. Это - максималистский подход, хотя бы потому, что каждый раз, переписывая историю, новое поколение начинает не с чистого листа, а волей-неволей вынуждено опираться на опыт предшественников.

Марксизм, как известно, также устанавливает в качестве аксиомы зависимость исторических знаний от мировоззрения, от

убеждений, от господствующих в обществе идей. Но, по мнению марксистов, достаточно выбрать правильное и верное научное мировоззрение, которое опирается на самые передовые общественные идеи (для них они олицетворялись идеологией рабочего класса), и ключ к познанию прошлого обеспечен. Провозгласив свое учение абсолютно верным, и возведя классовый партийный подход в абсолютный принцип научного познания, приверженцы марксизма попали в ловушку догматического сознания и в неразрешимое противоречие своих же собственных постулатов. Действительно, положение, что "учение Маркса все-сильно, потому что оно верно", которое отражает скорее факт фанатической убежденности, плохо уживается с утверждением, что только практика, а значит и исторический опыт, могут служить критерием истины.

Нам необходимо зафиксировать это противоречие, чтобы выработать отношение к официальной советской историографии. Тем, кто интересуется проблемами истории новейшего времени, грех жаловаться на отсутствие научных трудов. Их гораздо больше, чем по остальным периодам истории России вместе взятым. Нужно ли нам сегодня их читать и изучать или же безжалостно выбрасывать из учебных планов и программ, как не соответствующих исторической правде и духу времени? Этот вопрос очень сложен. Мы прежде всего должны принять во внимание недостатки, свойственные советской историографии. Они очень существенны. История была служанкой примитивной идеи, призванной показывать пройденный советским обществом путь от победы к победе, от успеха к успеху. Эта история, лишённая противоречий, внутренних коллизий, приходящая в явное несоответствие с жизненными реалиями, которые были еще живы в памяти людей, или которые все могли наблюдать воочию, становилась псевдонаукой. В лучшем случае ей были присущи полуправда, фигуры умолчания об острых проблемах, иногда прямой подлог и фальсификация. Телеологический и утилитарный подход буквально пронизывал страницы исторических сочинений. Все оправдывалось высшей целью - поступательным движением к коммунизму. В наибольшей степени эти недостатки были свойственны огромным многотомным фолиантам, учебникам и учебным пособиям, построенным по шаблону. Они были малоудовлетворительны даже с точки зрения марксистских канонов, поскольку в них отчетливо были видны догматизм, т.е. насаждение непреложных истин и готовых формул, схематизм, т.е. подгонка под них исторических фактов, схоластика, т.е. отсутствие исторической рефлексии, опора не на конкретный исторический опыт, а на мыслительные понятия и конструкции. Такой сконструированной реальностью стал, напри-

мер, развитой социализм, созданный в кабинетах партийных идеологов, бдительно следящих за тем, чтобы вся концепция советской истории не выходила за рамки официально утвержденных установок. В результате внутренней борьбы в эшелонах партийного руководства из истории оказались выкинутыми, например, многие деятели революционного прошлого, имидж которых не совпадал с общепринятой версией событий или не устраивал по каким-либо причинам очередных властителей страны. Это относится не только к сталинским временам. До 1985 г. было запрещено всякое упоминание имени Хрущева, о котором, между прочим, все помнили, что порождало в обществе смешки и кривотолки. Единственной фигурой, возведенной на пьедестал, идолом и святым советской истории был Ленин. Его именем осенялось буквально все. Уместно подобранная цитата из ленинского наследия имела в ученом мире высший авторитет.

Тем не менее хотелось бы предупредить против огульного отрицания всей предшествующей советской историографии. Естественно встает вопрос: почему? Ведь мы имеем в сущности сфальсифицированную историю страны в угоду правившей партократии. Чтобы ответить на этот вопрос, надо, в свою очередь, ответить на другой. Возможно ли было в тех условиях какое-либо поступательное развитие исторических знаний? Напрашивается аналогия с темными и мрачными периодами средневековья, когда сквозь пути религиозных догм, бесконечные диспуты схоластов пробивал себе дорогу путь к научному знанию. Нечто подобное происходило и в условиях советской действительности. Естественно, с поправкой на ситуацию XX в., существование в этот период общепринятых научных норм и принципов, сложившихся в результате длительного развития общества, и большинство историков старалось все-таки их придерживаться.

В рамках официальной историографии происходило накопление новых фактов, вводились в оборот комплексы архивных документов, высказывались оригинальные идеи, обозначались нетрадиционные подходы, совершенствовались методы исследования, происходило развитие вспомогательных исторических дисциплин. Многие историки нарочито избегали обращаться к решению так называемых больших вопросов, углубляясь в дебри специализации, исследуя либо идеологически нейтральные, либо мелкие темы и сюжеты, постоянно подвергаясь риску быть обвиненными в отходе от марксизма. В ряде случаев советские ученые не отторгались научным мировым сообществом, находили контакт и взаимопонимание со своими коллегами за рубежом. Все это важно учитывать, так как встает вопрос о преем-

ственности в развитии исторической науки в современной ситуации.

Сегодня у нас есть возможность выбора в подходах к освещению истории. Задача состоит в том, чтобы выбрать из них такой, который позволил бы наиболее полно и объективно отражать исторические события, освободить историю от догм, вольных интерпретаторских наслоений, эмоциональной шелухи и заклинаний. Нынешнее состояние исторических знаний вряд ли кого может удовлетворить. Идет борьба самых противоречивых тенденций, в которой уже четко обозначились крайности. С одной стороны, отчетливо видная струя полного и нередко зрящего отрицания всего, что связано с советским периодом, его поношения и оплевывания, с другой - тенденция к реабилитации даже самых мрачных страниц советской истории. Между этими крайними точками существует достаточно широкий спектр представлений и мнений.

Некоторые скажут, что это даже хорошо. Есть плюрализм, свобода точек зрения, и каждый волен придерживаться своих позиций и убеждений. Но хотелось бы обратить внимание на другую сторону проблемы. Признание такого плюрализма равносильно признанию невозможности объективного освещения прошлого. Историков много; помимо них, множество дилетантов напропалую судят и рядят о том, что когда-то было. Между тем история, как порядок и система свершившихся исторических событий, одна и едина, и мы должны искать ключ к правильному ее пониманию. Если у нас не будет такого ключа, то возникает целый ряд нежелательных следствий социального, политического и морально-этического свойства. Происходит потеря социальных ориентиров, распад общественных связей, традиций. Прошлое в головах людей расплывается, становится аморфным и неопределенным, утрачивает свою цельность. Размывание социальной памяти как важнейшей компоненты общественной жизни грозит деградацией и дебилизацией общества.

Нужна добротная профессиональная история, занимающая подобающее место в нашей жизни, пользующаяся авторитетом и таким же влиянием, как, например, французская школа Анналов. Где и каким образом искать пути к подлинно научному объективному освещению прошлого? Попытаемся изложить некоторые принципы, которые будут пронизывать содержание курса и которые в нынешней ситуации было бы весьма полезно усвоить, если хотим выбраться из той ямы, в которой сегодня очутились.

Прежде чем обозначить первый принцип, необходимо спросить, чем отличается профессиональный историк или профессия историка от дилетанта? Очевидно, что прежде всего тем, что ис-

торик в отличие от последнего способен к историческому исследованию, владеет комплексом специальных знаний, представляющих собой творческую лабораторию, своеобразную "кухню" его профессиональной работы. У историка должно быть определенное мировоззрение, взгляд на мир, на его развитие. Взгляд этот может быть рациональным, признающим наличие объективных законов истории, и иррациональным, который такие законы отрицает, объясняет ход исторических событий волей случая, рока, судьбы, игрой слепых сил, добрыми или злыми помыслами людей, божественным провидением. Каждый историк может исповедовать свою философию истории, но главное, чтобы он делал это осознанно. Иначе неизбежны путаница, эклектика, не приводящие в познании истории к какому-либо реальному результату. К сожалению, в нынешней ситуации понимание этого отсутствует. Мы видим смешение различных подходов и понятий, образующих страный симбиоз в нашем понимании и объяснении истории прошлого, состоящий из множества элементов.

Во-первых, сегодня очевидно увлечение сегодня историософским или, как его еще называют, метаисторическим подходом. Здесь философия истории выступает практически в голом виде. Сами исторические факты не играют особой роли. Главное - понять смысл и назначение исторического процесса. Типичным образцом такого подхода является книга Н.А.Бердяева "Истоки и смысл русского коммунизма". В последнее время появилось множество публикаций подобного же рода, как извлеченных из архивов прошлого, так и написанных заново, в большей мере эпигонских, но иногда достаточно оригинальных. Их легко можно узнать сегодня в печати в виде размышлений о судьбах России, о русской идее, об особом предназначении русского народа, русской интеллигенции, евразийстве и т.п.

Во-вторых, явно видна сегодня непреодоленная марксистская струя, трактующая исторический процесс с точки зрения формационного похода в терминах: капитализм, социализм, коммунизм. Встает вопрос, исчерпаны или нет возможности исторического познания на базе марксистской методологии. Как свидетельствует мировой опыт, терпит крах лишь одна догматическая ветвь марксизма, называемая марксизм-ленинизм, т.е. марксизм в большевистской интерпретации, омертвевший и канонизированный в сталинский и послесталинский период. На деле же марксизм не стоял на месте. Существует множество направлений и оттенков марксистской мысли: леворадикальный неомарксизм, соединяющий в себе традиционные марксистские идеи с экзистенциализмом, фрейдизмом и неофрейдизмом, психоанализом, жив еще еврокоммунизм. Современные социал-демократические теории, если судить по программам одноименных политических

партий, не отрицают своего родства с марксизмом и ведут от них свое происхождение.

Однако в современном ученом мире более распространенным является другой подход, называемый цивилизационным. Между ним и марксизмом имеются определенные черты сходства, используются иногда однотипные понятия и категории. Да и сам марксизм рассматривается в рамках более общего цивилизационного подхода как частный случай, как теория, вполне применимая для некоторых специфических исторических условий, времени и места, например, для Европы XIX столетия. Согласно цивилизационному подходу, история распадается на два цикла: истории традиционных обществ и современных. Переход от одного общественного состояния к другому составляет сущность процесса модернизации. В настоящее время теория модернизации (или модернизаций) разработана в самых различных аспектах: экономическом, демографическом, социальном, политическом, культурном и т.п. Отголоски ее часто можно встретить и в нашей печати, хотя вряд ли кто из отечественных авторов делает это обдуманно и чаще всего путем выхватывания кусков из зарубежных работ.

Таким образом, сегодня перед нами существует возможность свободного выбора, обеспечивающего различные пути к постижению нашей истории. Какой из них предпочтителен, должен решить каждый сам за себя. И первый, основополагающий, принцип гласит, чтобы этот выбор был аргументированным и последовательным. Нельзя допускать, чтобы одни события рассматривались, например, как проявление классовой борьбы, другие - как "присики дьявола", третьи - как случайное стечение обстоятельств и т.д. Этим, к сожалению, нередко грешат начинающие историки, да и не только они. Немало людей, которые считают, что ничего стоящего, кроме занимательных рассказов о прошлом, из истории создать невозможно. Есть приверженцы такой точки зрения и среди профессиональных историков, или по крайней мере претендующих на эту роль.

Разумеется, встает вопрос, какой подход будет положен в основу данного курса. Поскольку задача состоит в том, чтобы понять и объяснить сложнейшие события первых десятилетий XX в., выбор остается за теорией, которая признает объективные законы истории, за теорией, в которой, как говорят, многие концы сходятся, многие точки зрения живут. Иначе говоря, мы сторонники научной истории. Содержание курса строится в соответствии с теорией модернизации. Можно воспользоваться теорией экономических циклов, которые позволяют понять, почему нельзя насилловать законы экономики, как это делали большевики, или почему нельзя немедленно ворваться в рыночные

отношения. Предлагаются такие непривычные прежде категории, как индустриальное и постиндустриальное общество, иное понимание общественных классов и слоев, правящих элит, референтных групп, взаимоотношений между ними, другое видение социальных конфликтов. Будут использованы незнакомые понятия промышленной, демографической, потребительской революции, которые раньше отвергались как чуждые марксизму, но отрицать которые было все равно что "плевать против ветра".

Выбор теории модернизации обусловлен тем, что она идеологически более нейтральна. Как уже говорилось, опыт предшествующей историографии показывает, что идеологической зависимости ей избежать не удалось. "Мертвый хватает живого," - гласит известный афоризм. Марксизм, провозглашая принцип партийности в науке, возводит эту зависимость в абсолют своим требованием жесткого классового подхода к истории, большевистской нетерпимостью, непримиримостью к так называемому буржуазному объективизму и выдает это за некое научное достоинство. Но спрашивается, почему то, что с точки зрения научного познания является недостатком, должно рассматриваться как преимущество? Поэтому второй принцип, обеспечивающий путь к правильному познанию прошлого, гласит: глупо было бы отрицать зависимость истории как науки от идеологии, но как только научное знание открывает возможность ослабить эту зависимость, историк обязан воспользоваться ею. Такова диалектика, и только так можно избавиться от влияния "резиновой" идеологии, от исторических трудов, скроенных по принципу "чего изволите!". Правда, здесь таится одна из самых трудных и болезненных проблем историографии.

Дело в том, что, как только начинается поиск способов к научному пониманию и объяснению истории, происходит ее усложнение и утяжеление, поскольку наука пользуется специальными терминами, методами, приемами. Сторонники описательной истории, истории, которая просто нанизывает факты, оставляя в стороне их анализ и осмысление, часто апеллируют к общественной роли истории, ее воспитательной функции. В этом смысле ее роль сводится к воспитанию человека-патриота, гражданина своего отечества. А раз так, - история должна быть проста, доходчива, доступна, должна широко использовать различные приемы воздействия на широкую аудиторию, не исключая чисто литературных, беллетристических. Хотя такие приемы зачастую приносят успех, они далеки от науки. Идеальным выходом из положения было бы, конечно, соединение в исторических трудах и науки и искусства, но такое встречается редко, ибо искусство, как говорится, божий дар и дается далеко не каждому, кто занимается историей. Есть ходячее выражение, что стать

историком легче, чем математиком, но стать хорошим историком невероятно труднее, чем хорошим математиком. Как бы то ни было, сегодня в мире наибольший авторитет имеют научно-исторические школы.

Необходимость научной истории, основанной на всех достижениях гуманитарного знания, для нас, людей XX столетия, диктуется еще и тем, что история может быть крайне опасным оружием. Подобно тому, как занятия физикой и математикой приносили своими открытиями не только благо человечеству, так и занятие историей может быть, например, прибежищем националистов всех мастей и оттенков, служить основой для экстремизма, выдвижения бредовых идей и теорий. Как это происходит?

Дело в том, что историку приходится встречаться с мириадами фактов, о которых сообщают исторические источники, значительных и малозначительных, правдивых и ложных. Все они находятся в определенной причинно-временной взаимосвязи. Нет ничего проще, как зацепиться за какой-нибудь фактик или случайно выхваченные связи и дать правдоподобное объяснение, которое неискушенный читатель примет за истинное, и примеров тому - несть числа, особенно в нынешних исторических "трудах" и исторических экскурсах, к которым любят прибегать различные деятели.

Существуют определенные процедуры и правила исторического построения, называемые методологией истории. Желательно, чтобы они приводили к определенному результату - созданию научной теории. Но в силу своей специфики история как наука чаще всего не претендует на слишком широкие обобщения, повествуя о том, что когда-то было в действительности. Как считал крупный американский историк Готтшальк, из шести типов генерализаций, свойственных научному мышлению, историческим сочинениям свойственны в основном три нижних наиболее эмпирических уровня. Но это не значит, что историк свободен от теоретических обобщений. Его стихия - это так называемые утверждения о характере исторических явлений и процессов, свойственных данному времени и месту, например, концепция индустриализации в России в конце XIX-нач. XX в. Как правило, их относят к теориям среднего уровня.

С точки зрения научной методологии наиболее распространенными являются позитивистская и марксистская ориентации в историческом познании. Первая апеллирует к позитивному, положительному, основанному на опыте знанию, вторая - к материалистической диалектике. В настоящее время различия между ними не столь уж существенны. Произошла своего рода конвергенция, неважно при этом, как она называется: постпозитивизм.

тивизмом или постмарксизмом. Обе требуют подходить к изучению исторических событий с позиций системного анализа (структурно-функционального анализа), опираться на систему фактов. Поскольку экспериментальной базой исторической науки является источниковедение, акцент в работе историка переносится на способы и методы работы с источниками, извлечение из них исторических фактов. Требования к построению исторической теории или объяснению в современной науке очень жесткие: если какой-либо факт не укладывается в предложенное объяснение, то оно должно быть отвергнуто. Это является критерием отделения истинной теории от ложной, что особенно важно подчеркнуть, так как сегодня приходится сталкиваться с великим множеством разного рода новых версий по поводу событий в истории XX в. Историкам, особенно неопитам, не следует впадать в неумеренный "телячий" восторг в связи с появлением в печати очередной новомодной теории, а постараться прежде всего испытать ее на прочность, на соответствие фактам. Кстати, здоровый консерватизм, скептицизм и здравый смысл всегда ценились в качестве непременных атрибутов в профессии историка.

Таким образом, выбор правильной методологии является третьим важнейшим условием объективного освещения прошлого. В свою очередь, методология - это достаточно сложный комплекс приемов и средств научно-исторического познания. Не будем касаться их всех, упомянем лишь те, без которых никак нельзя обойтись профессиональному историку, и которые являются вернейшим признаком его отличия от дилетанта, подчас даже брызжущего эрудицией, свободно порхающего от одного века к другому, направо и налево рассыпающего цитаты и т.п. Надо иметь в виду, что профессия историка весьма многотрудная. Это напряженная работа в архивах, требующая, как иные полагают, "каменной задницы". Но одной ее недостаточно, голова, конечно, намного важнее.

Одним из обязательных в истории является прием ретроспекции или ретроспективного познания путем последовательного и постепенного углубления в прошлое, чтобы найти корни или первопричины событий. В печати, например, прошел вал публикаций, посвященных отечественному бюрократизму, и где только не находили объяснения его природы и сущности: и в приказной волоките Московского царства, и в петровских преобразованиях, и в николаевской России. Если не нарушать требований ретро-анализа, то мы найдем объяснение этому гораздо ближе, в советском партийно-государственном устройстве, а прежние проявления бюрократизма будут выглядеть лишь в качестве его отдаленных исторических корней. Нужно обратить

внимание, что, если при ретроспекции мы идем к прошлому от настоящего, то построение исторической теории-объяснения следует в обратном порядке: от прошлого к настоящему в соответствии с принципом диахронии.

Другим обязательным условием является принцип историзма, т.е. представление истории как имманентно связанного закономерного процесса. Каждая последующая ступень истории есть результат предыдущей. Историзм предполагает умение вживаться в эпоху, смотреть на события как бы изнутри, глазами ушедших поколений. Без этого достичь понимания истории невозможно. Суждения только с позиций современности - проявление непрофессионализма, и нынешняя ситуация демонстрирует тому уйму примеров. Приобрести же чувство историзма можно только через исторические источники: другого способа не существует. Тем не менее взгляд на историю с позиций современности также необходим, но не в том смысле, как сейчас часто бывает: "большевики - гады", "Ленин - убийца", а в том, что многое ныне видится иначе, чем представлялось людям своего времени, что на многое сегодня открылись глаза, стали известны скрытые доселе факты.

Для подлинно научной истории крайне необходим историко-сравнительный анализ: исторические параллели и аналогии. При этом должны соблюдаться определенные условия. История, конечно, дает пищу для бесконечного числа аналогий, но нужно всегда задаваться вопросом, насколько правомерна та или иная из них, например: Сталин и Гитлер, Сталин и Иван Грозный, соблюдаются ли здесь, так сказать, правила игры, требования историзма, ретроспекции. Подобное предупреждение очень важно, потому что в сегодняшней ситуации ничем не сдерживаемый компаративизм получил прямо-таки вид болезни.

С историко-сравнительным подходом связана проблема альтернативности в истории. Она сегодня тоже имеет какое-то болезненное звучание, не имеющее ничего общего с наукой, а скорее с маниловскими мечтаниями: вот если бы, да кабы... Вообще говоря, рассматривать альтернативы полезно, чтобы понять суть происшедшего, но только такие, которые реально существовали в действительности, если за ними стояли реальные обстоятельства, общественные силы, интересы, действующие лица, да и то это скорее удел социальной научной фантастики. История многовариантна, но только в конкретный момент времени. Реализуется же всегда только один вариант, нет возможности ни переделать, ни подправить события, как бы этого ни хотелось. Анализ альтернатив помогает понять, почему так происходит. Но сегодня, например, есть возможность выбора. Сделать правильный выбор можно, опираясь на уроки истории. Говорят, история

учит, другие утверждают, что ничему не учит. Все зависит от того, как понимать исторический опыт. Простое заимствование из прошлого, обычно ни к чему не приводит. Было много дискуссий, например, об уроках нэпа. Можно ли переносить нэповские реформы, о которых пойдет речь в курсе лекций, на нынешнюю почву. На наш взгляд, историческое значение нэпа совсем в другом. Это прежде всего опыт выхода из кризисной ситуации, оснований, на которых он может быть осуществлен, принципов реформирования, приносящих весомые результаты, и несбывшихся надежд, но об этом подробнее в свое время.

Предлагаемый курс, видимо, будет необычным, в значительной мере экспериментальным, по своему содержанию не сходным с тем, о чем пишет современная литература на исторические темы. В нем будет сделана попытка реализовать исходные постулаты, которые изложены выше. Главное в содержании курса - вооружить слушателей определенным взглядом на историю России в XX в. В центре, разумеется, будет вопрос о той модели общественного развития, которая была реализована в СССР, какие стадии и этапы она прошла и чем был обусловлен ее крах. Не все сегодня понимают масштаб и значение этого события, нужна историческая дистанция, чтобы полностью его осознать. Первая часть курса посвящена причинам революции в России, становлению советской системы и охватывает события с 1917 по 1921 год. Вторая часть освещает сложные перипетии столкновения в 1920-е годы возникших в ходе революции элементов со старыми, унаследованными от прошлого. Третья, центральная часть курса, на издании которой мы пока останавливаемся, посвящена событиям 1930-х годов, когда в основном сложилась новая советская цивилизация. Учитывая то, что первая, ранее изданная часть курса "Становление советской системы" стала библиографической редкостью, и чтобы не разрушать целостности изложения, мы решили включить ее в настоящее издание. При этом приняты во внимание критические замечания, сделанные специалистами после ее публикации. Было высказано предложение дополнить изложение курса краткой библиографией. Думается, что в настоящем издании это будет сделать наиболее уместным.

I. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ 1917-1921 гг.

1. ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ

Самым крупным событием XX в. стала революция 1917 г. в России. Как бы кто ни относился к этому событию, отрицать этот факт он не может. Значение революции определяется теми последствиями, которые она имела для судеб страны и всего мира. В последние годы революция в нашей печати рисуется преимущественно в темных красках, как бы наперекор всей предшествующей советской историографии. Но, когда поостынут страсти, истинные масштабы происшедшего в России станут выглядеть более отчетливо и ясно, подобно тому, как это случилось в свое время с Французской революцией. Мы же, историки, должны, отставив в сторону эмоции, уже сегодня стремиться к непредвзятой оценке того, что произошло в России в начале века. Пасквиль на революцию, писал М.Булгаков, ввиду ее грандиозности, создать невозможно. Нет надобности с пеной у рта защищать святость ее идеалов или, наоборот, выливать на нее ушаты грязи. В революции смешалось все: великое и трагическое, возвышенное и низменное, иллюзии и горькая проза жизни. Нужно встать на почву реальных фактов и посмотреть, как же вышло так, что Россия оказалась свергнутой в революцию и последовавшую за нею пучину бедствий.

Революция 1917 г. в России представляется следствием сечения целого ряда объективных и субъективных обстоятельств. Советская историография вопрос об объективных предпосылках революции сводила чаще всего к анализу экономики, выискивая в ней основу для будущих социалистических преобразований. На самом деле объективный характер революционного взрыва в стране коренился в сплетении множества факторов, в ситуации, сложившейся в ней в связи с вступлением в новую эпоху.

Прежде всего следует отметить затянувшийся тугим узлом неразрешимых в рамках существовавшего в России строя против-

речий. На рубеже веков стали очевидны признаки вступления страны в стадию модернизации, накопленные в результате предшествующих десятилетий. Изменения были налицо как в экономике, так и в духовной жизни общества, прочно входили в сознание людей, вызывая к жизни новые потребности и интересы.

Российская империя в начале века обладала огромной территорией, второй после Британской империи, и занимала шестую часть суши на стыке Европы и Азии. Ее население накануне первой мировой войны составляло более 170 млн. человек, увеличиваясь ежегодно на два с половиной миллиона. Городское население составляло 18%. Урбанизационные процессы обозначались еще очень слабо, причем в них явно прослеживались специфические для России черты: это, во-первых, исключительно быстрый рост обеих столиц - Петербурга и Москвы, которые одновременно были и крупнейшими индустриальными центрами, и, во-вторых, - медленная эволюция сельских и заштатных центров в города, по мере того, как туда проникал капитал. Тем не менее значительная часть промышленного и промыслового населения страны продолжала оставаться в деревне. Границы между городом и селом не были жесткими. Это обстоятельство обычно не учитывалось всеми историками, которые писали о революции в России.

Народное хозяйство страны развивалось относительно быстрыми темпами. Интегральным показателем роста экономики является национальный доход или валовый общественный продукт. Если проследить изменение этого показателя за длительный период времени, то мы увидим, что Россия двигалась вперед быстрее, чем Англия и Франция, т.е. страны, раньше России вступившие на путь модернизации, и медленнее, чем Германия и США, стартовавшие с ней примерно в одно время. Если брать более короткие циклы, например, период с 1908 по 1913 год, то темпы прироста национального дохода (7% в год) были даже выше, чем где бы то ни было. Трудно сказать, сколь длительным был бы этот подъем, прерванный вступлением России в первую мировую войну, и какие факторы определяли экономическую конъюнктуру: долговременные или кратковременные. У.Черчилль, например, считал, что перспектива была благоприятная. Трагедия России, писал он, заключалась в том, что корабль пошел ко дну, когда показался берег. Однако предшествующие годы показывали, что экономическое развитие страны было крайне неравномерным. Периоды подъема перемежались периодами кризисов и спадов, нередко сопровождавшимися колебаниями политического маятника. Вот и накануне войны возникли симптомы политической нестабильности, которые в со-

ветской историографии были названы "новым революционным подъемом".

Но главная даже не в этом. Избрав догоняющую модель развития, Россия как бы обрекала себя на повторение пройденного и постоянное отставание от передовых стран. Темпы роста экономики России, учитывая размеры и масштабы страны, были явно недостаточны и не отвечали ее национальным интересам. Модернизаторские процессы оставались поверхностными и не везде еще затронули глубинные пласты народной жизни. Страна оставалась преимущественно аграрной. Сельское хозяйство давало 51% национального дохода, промышленность - 28%, остальное приходилось на торговлю и транспорт. На мировом рынке Россия выступала главным поставщиком сельскохозяйственных продуктов. Главной статьей экспорта были рожь, затем шли овес, ячмень, пшеница, т.е. хлебопродукты. Наверное, само по себе это было бы неплохо, если бы не отсталость российской деревни, где явно преобладали еще низко продуктивные экстенсивные формы земледелия и скотоводства и малопроизводительное мелкое крестьянское хозяйство.

Сопоставление России с передовыми странами Запада подогревало унижительное чувство отсталости в настроениях различных классов и слоев российского общества. Естественно вставал вопрос о причинах отставания и путях его преодоления, выхода из сложившейся ситуации.

Изменения, происшедшие в мире в начале века, не остались без внимания современников. Попытки осмыслить их рождали множество теорий развития новейшего капитализма. Марксизм, как одна из самых влиятельных экономических теорий того времени, утрачивает свою целостность, распадается на ряд оттенков социал-демократической мысли. Чем больше углублялись новые отношения в мире, тем явственнее обозначались противоречия в судьбе отдельных стран, в особенности таких, как Россия, сочетавших в себе и новейшее слово капитализма и элементы отсталости. Возникновение большевизма как особого ответвления марксизма на российской почве, конечно, не было случайным. Теоретики большевизма, прежде всего Ленин и Бухарин, предложили для новейшего времени такую экономическую категорию, как империализм. Теория империализма представляла собой любопытное сочетание верных и неверных наблюдений и выводов, особенно очевидных с высоты сегодняшнего дня. Так, сегодня можно с уверенностью сказать, что, определив империализм как последнюю стадию капитализма, как загнивающий и умирающий капитализм, как эпоху пролетарских революций, т.е. сделав ставку на насильственное ниспровержение капиталистических порядков, лидеры большевизма

ошиблись в оценке исторической перспективы, недооценили способность капитализма к органическому саморазвитию и самоорганизации в зависимости от складывающейся ситуации. Но справедливости ради следует сказать, что многие тенденции, свойственные началу века, действительно были чреватые серьезными угрозами и катаклизмами. Так, Бухарин в своей книге об империализме, написанной в 1915 г., блестяще показал возможность установления на базе существующего строя фашистских, тоталитарных режимов и диктатур.

Признаки, которые характеризуют наступление новой стадии капитализма, хорошо известны. Это интернационализация хозяйственной жизни, образование могущественных корпораций и фирм, соперничающих между собой и делящих сферы влияния, сращивание банковского и промышленного капитала, проникновение финансово-промышленных кругов в государственное управление и возникновение на этой основе новых правящих элит и другие признаки, обусловленные специфической ситуацией начала века - существованием колоний, вывозом капитала в них, борьбой за передел мира и т.д.

Хозяйственная жизнь России была представлена четырьмя основными укладами или, говоря более современным языком, секторами экономики: государственным, частным, мелкотоварным и патриархальным. Отметим эти уклады, как это сделал Ленин, совсем нетрудно, поскольку они существовали едва ли не с зарождения цивилизации. Главное же решить вопрос о том, как они взаимодействовали и как на них отражались новые веяния, на чем, собственно, "сломали зубы" не одно поколение исследователей. Достаточно вспомнить незаконченную дискуссию о многоукладности экономики России, прерванную в свое время вмешательством высоких партийных инстанций. Стало очевидным однако, что различные сектора экономики не остались без изменений, претерпевая довольно сложную эволюцию, суть которой до сих пор остается во многом неясной. В рамках каждого сектора, например, существовала тенденция к обобществлению или социализации. На этом, вообще говоря, и зиждились различные варианты экономических теорий социализма (общинного, кооперативного, корпоративного, государственного). Для большевиков единственно приемлемым оказался государственный социализм, впрочем, не только для них, но и для других марксистов, считавших крупную промышленность олицетворением прогресса, а занятый в ней пролетариат - новым мессией, призванным привести человечество к светлому будущему. Подобные идеи в то время подпитывались реальной действительностью, быстрыми шагами индустриализации, ростом городов, заводов и фабрик, концентрацией больших масс рабо-

чих в промышленных центрах и все более частыми их выступлениями со своими требованиями.

Имелись явные признаки того, что Россия вступала в стадию быстрой индустриализации. За короткий период с конца прошлого века до начала войны 1914 г. число промышленных предприятий и количество занятых в них рабочих удвоилось. Показатели индустриального производства в ряду других стран оценивались как средние: по углю, нефти, чугуну, стали и т.д. Не надо путать их со средним уровнем развития капитализма в стране. Такое представление, вслед за Лениным, прочно утвердилось в историографии. Однако у Ленина есть и совершенно иная оценка этого уровня, когда он определяет общественный строй России как новейший империализм, оплетенный особенно густой сетью отношений докапиталистических, что находится ближе к истине.

Если взглянуть на карту России того времени, то сразу бросятся в глаза резкие различия в экономическом развитии. Крупная индустрия была сосредоточена всего в нескольких местах в центре, на северо-западе, на юге страны. В стадии промышленной стагнации пребывал Урал. В начале XX в. начал быстро развиваться нефтепромышленный район в Баку. Высокая концентрация производства и капиталов вела к тому, что одни районы эксплуатировали другие, вырывались за счет этого вперед, тогда как в последних наблюдались застой и консервация ранее сложившихся отношений, их весьма своеобразное приспособление к новым условиям. Между центром и окраинами углублялась пропасть. Это накладывалось еще на национальные и религиозные противоречия. Какие только формы бытия можно было найти на огромной территории страны, вплоть до рабовладения и первобытного существования, которые тем не менее не избежали проникновения в их сферу "деловых людей".

Фактором, способствующим сожителству передовых и отсталых форм хозяйства, был иностранный капитал. Он, конечно, не был господствующим в экономике России. Иностранные фирмы, компании, банки помогали развитию производительных сил страны, ее индустриализации, но одновременно часть накоплений, которая могла бы приумножить национальное богатство страны, расширить возможности капиталовложений в экономику, повысить жизненный уровень населения, уплывала за границу в виде прибылей и дивидендов.

Начало века ознаменовалось укреплением позиций национального капитала, что в какой-то мере может служить отражением особенностей вступления России в новую эпоху, ее стремления к экономической самостоятельности. Более 70% инвестиций в экономику за период 1908-1914 гг. было сделано отече-

ственными предпринимателями. Значительно возросла их роль в общественной жизни страны, неуловимо изменился их облик. Большинство из них уже мало напоминало прежних "Колупаевых и Разуваевых". Многие имели за плечами высшее техническое, коммерческое и другое образование, вовсе не были олицетворением класса "паразитов", о чем настойчиво трубила социалистическая пропаганда, которая постоянно упрощала и схематизировала сложный характер экономических и социальных отношений и строила на них свою политическую стратегию и тактику.

Вследствие высокой концентрации производства и капитала в России получили распространение развитые типы монополистических объединений, банков, акционерного дела. Традиционно сильная роль государства и вмешательство его в экономическое регулирование вели к преобразованию государственного сектора в государственно-монополистический, составлявший значительный удельный вес в народном хозяйстве России. Частное предпринимательство в виде сравнительно небольших фирм и предприятий, созданных на отечественной почве, в отличие от других стран, еще недостаточно укоренилось в хозяйстве и не могло серьезно противостоять наступлению государства и монополий. В свою очередь, мелкое кустарное и полукустарное производство, широко распространенное по всей территории страны, сохраняло еще довольно примитивный уклад и не могло конкурировать с крупными предприятиями.

В российской деревне в начале века также наблюдались ростки новых отношений. На огромном пространстве было разбросано более 20 млн. крестьянских хозяйств и 130 тыс. помещичьих имений. Общий земельный фонд страны составлял 400 млн. десятин, из них треть приходилась на крестьянские наделные земли, 12% - на частновладельческие и помещичьи, остальное - государственные, удельные, церковные и т.п. Посевные площади составляли около 100 млн. десятин, и 90% из них - крестьянские посевы. Приведенные цифры хорошо показывают распределение земли, эффективность ее использования, наличие огромных земельных массивов, как бы лежавших под спудом, и демонстрируют существование серьезных противоречий. Естественно, что неизбежно было противостояние между двумя основными классами-сословиями: крестьянами и помещиками, особенно там, где они сосуществовали вместе и прежде всего в районах крестьянского малоземелья (Земледельческий Центр, Среднее Поволжье, Левобережная и Правобережная Украина). Крестьяне с вожделием смотрели на помещичьи земли, расположенные рядом с их наделами. Вдобавок, в начале века усилилась тенденция к расслоению внутри крестьянской общины, ко-

торая уже не могла сдерживать напор новых рыночных и денежных отношений, вовлекающих в свою орбиту самые глухие "медвежьи" углы. Деревня, действительно, становилась ареной борьбы, с одной стороны, - крестьян против помещиков, а с другой - крестьян между собой, поскольку уравнилельная психология общины препятствовала выделению зажиточной части крестьянства и его фермеризации. Зажиточный крестьянин в общине нередко определялся весьма нелестным словом "кулак" со всеми вытекающими из этого последствиями.

Столыпинская реформа еще более обострила эти противоречия. Недавно в нашей печати прошла активная кампания по реабилитации Столыпина и представления его чуть ли как не национального героя за его стремление сотворить в российской деревне крепкого хозяина типа американского фермера - опору новой, переустроенной России. За это честь ему и хвала! За это можно простить и столыпинские вагоны и столыпинские галстуки! Конечно, как реформатор, Столыпин был и умнее и дальновиднее нынешних. Он понимал, что фермера на пустом месте не сотворишь. Чего ему не хватало и о чем он просил общественность, так это двадцати лет спокойствия для осуществления реформ, в том числе аграрной, направленной на разрушение общины, создание земельного рынка и рынка свободных рабочих рук, переселение крестьян на новые свободные места. Но крутые и энергичные меры Столыпина, проводимые сверху, не могли не вызвать противодействия со стороны самых разных слоев российского общества и справа, и слева. Реформа в сущности не затрагивала помещичье землевладение - гвоздь аграрного вопроса в России, несмотря на весьма скептическое отношение Петра Аркадьевича к предпринимательским возможностям российского дворянства. Обратим внимание, что российская Вандея позже в годы гражданской войны вспыхивала именно там, где большей частью не было помещичьего землевладения. Таким образом, реформы Столыпина обещали деревне очень беспокойную жизнь, и в этом смысле приблизили революцию.

Между тем сельскохозяйственное производство в России накануне войны развивалось довольно энергично. В какой мере это было связано с аграрными реформами Столыпина, в какой - обусловлено благоприятным сочетанием ряда урожайных лет или другими факторами - трудный вопрос. Во всяком случае за 10 лет, т.е. за половину затребованного Столыпиным срока, число крестьянских хозяйств, вышедших из общины, достигло всего 2.5 млн. Община, сельский мир, не только выжила, но и сохранила свое влияние. Более 80% крестьянского земельного фонда регулировалось по правилам общинного землепользования, хотя вряд ли кто будет отрицать, что столыпинские рефор-

мы оставили в деревне заметный след. В то же время неоспоримо, что накануне революции в крестьянской среде продолжали преобладать общинные основы существования.

Не следует полностью охаивать переселенческую политику Столыпина, как это делалось ранее в нашей исторической литературе прежних лет. Она имела свои положительные и отрицательные стороны. Примерно пятая часть крестьян, благодаря реформе, продали свои наделы. В связи с этим усилилось переселенческое движение преимущественно в восточные районы, обладавшие резервами свободных земель: в Сибирь, Казахстан, на Дальний Восток. Правительство всемерно поддерживало переселенцев, оказывая материальную помощь, выделяя денежные ссуды. Однако громадный наплыв переселенцев, трудности первоначального обустройства на новых местах, противодействие со стороны старожилов, с подозрением относившихся к пришлым, привели к возникновению ряда проблем. Громадное число переселенцев не сумело адаптироваться в новых условиях. Многие возвращались назад, озлобленные и отчаявшиеся, пополняя армию люмпенизированных элементов и усиливая дестабилизацию общества. Город, растущая промышленность, еще не могли поглотить излишек рабочих рук. И в деревне, и в городе возрастала социальная напряженность.

По всей видимости, более подходящими для экономики деревни и ее менталитета были различные формы кооперации, на что справедливо указывали крупные российские ученые-аграрники и о чем свидетельствовал практический опыт развития кооперации в России в начале XX в., протекавший, по общему признанию, наиболее безболезненно в отличие от принудительных и насильственных мер, проводимых сверху и сопровождаемых бюрократическим произволом властей и чиновников различного ранга.

Новые процессы, которые обозначились в России, сказывались на социальной структуре ее населения, гражданского общества и власти. Эти вопросы относятся к числу наименее изученных и, как правило, чрезвычайно упрощаются, сводятся либо к соотношению численности городского и сельского населения, либо к элементарным классовым схемам. На самом деле в силу целого ряда исторических, национальных, политических факторов общественное строение России было очень пестрым и сложным. Несмотря на их очевидное размывание в начале века, сохраняли свое действие сословные перегородки, чиновная иерархия, установленная еще Петром I. Принадлежность к дворянам, мещанам, крестьянам, казакам, духовенству и т.п. оказывала свой отпечаток на социальный статус и образ жизни человека. На это накладывались новые отношения, вызванные к жизни

процессом модернизации и индустриализации страны. Между тем определение реальной социальной структуры весьма важно, поскольку через нее проявляются интересы, настроения, поведение различных общественных групп, а от их имени, в свою очередь выступают политические объединения, партии, союзы и т.д.

Как представляется, все население России с известной степенью условности можно разделить на четыре большие сильно отличающиеся друг от друга социальные категории:

I. Высший государственно-бюрократический аппарат, генералитет, крупные и средние предприниматели, акционеры, помещики-землевладельцы, высшие архиереи православной церкви, академики, профессора, врачи и т.д. (вместе с членами семей) 3%

II. Мелкие предприниматели, городские обыватели, кустари, ремесленники, учителя школ, гимназий, офицерский корпус, священнослужители, мелкие чиновники, служащие государственных и частных учреждений и др. 8%

III. Крестьянство (крестьяне-земледельцы, казаки, дехкане и т.п.) 69%
 в том числе зажиточное 19%
 среднее 25%
 бедное (малоземельное)..... 25%

IV. Пролетарское (неимущее) население (промышленные, транспортные, строительные, сельскохозяйственные рабочие, батраки, рыбаки, охотники, прислуга, люмпенские элементы: нищие, бродяги и т.п.) 20%

Итого 100%

Более детальную группировку российского населения дать весьма затруднительно, ввиду тесного переплетения различных социальных категорий. В самом деле, дворяне-помещики, они же зачастую оказывались и представителями высшего чиновничества и генералитета, предприниматели, они же - представители акционерного, банковского капитала, они же - лица, занимавшие крупные административные должности. И те и другие

имели отношение к формированию высшей интеллектуальной элиты, занимавшей особое положение в государстве. Академики и профессора, например, приравнялись к тайным и статским советникам в государственной иерархии. Они же нередко были владельцами частных имений. Подобные цепочки связей можно проследживать бесконечно, что обесмысливает более детализированную статистику и вынуждает пользоваться вербальными описаниями при анализе социальной структуры.

Общее впечатление от приведенных цифр: явное преобладание крестьянства в социальной структуре населения. Это во-первых. Во-вторых, значительный удельный вес малоимущих и неимущих слоев населения как в городе, так и в деревне (пролетарии + бедняки). Уже этот факт наводит на ряд размышлений, но остановимся более подробно на характеристике отдельных групп.

Первая категория - это правящая элита страны, имущие или, по марксистской терминологии, эксплуататорские классы, связанные между собой тесными узами. Хотя среди них постоянно возрастал предпринимательский и буржуазный элемент, однако именно эти узлы определили общий консервативный характер правящей верхушки, слабую реакцию ее на вызов времени, а значит, - культивирование отсталости.

В историографии утвердилось представление о слабости российской буржуазии, ее неспособности играть самостоятельную роль в общественной жизни страны и осуществлять политическое руководство. Подобное представление является не то что бы неправильным, но, в свете сказанного, нуждающимся в существенной корректировке. Иначе трудно будет понять истоки и причины той ожесточенной гражданской войны, которая более чем 3 года после революции сотрясала Россию. С социальной природой имущих классов оказывалось тесно связанным их политическое лицо. В России фактически не было буржуазных партий в классическом понимании термина "партия". (Кстати, вопрос о социальной подоплеке различных партий в России изучен очень плохо). Если взять для примера партию октябристов, то это было скорее региональное объединение московских финансово-промышленных и помещичьих кругов, чиновной и военной бюрократии. Точно так же нужно рассматривать понятие "Прогрессивный блок", но относящееся уже к другой столице. Или же взять партию конституционных демократов - кадетов, которая представляла собой скорее объединение либерально-настроенных российских интеллектуалов, чем политическую партию буржуазии. Любопытно, что даже у кадетов - самой левой партии этого политического спектра программные требования не шли дальше установления конституционной монархии.

Весьма влиятельными в среди правящих классов были позиции союзов и объединений монархического и шовинистического толка. Все упомянутые политические объединения господствовали в III и IV созывах Государственной думы, деятельность которых пришла на годы, предшествующие революции.

Политические настроения находились в сильной зависимости от многочисленной бюрократии, заинтересованной в сохранении существующих государственных устоев. Только в государственных учреждениях России накануне революции было занято 576 тыс. чиновников. Это была по тем временам огромная армия, содержание которой ложилось огромным бременем на государство.

В последние годы в литературе активно обсуждалась проблема средних слоев и их роли в общественной и политической жизни. Сюда обычно включают различные по своему положению группы населения: мелких предпринимателей, служащих, большую часть работников образования, здравоохранения, высококвалифицированную часть рабочего класса - "рабочую аристократию" и т.д. Эти ^{слои} средние слои рассматриваются как основа общественной стабильности и демократии. В положении средних слоев в России необходимо отметить несколько моментов. Во-первых, их относительную малочисленность - всего 8% (см. табл.), во-вторых, их крайнюю пестроту, в-третьих, невысокий уровень материального существования, в четвертых, политическую неустойчивость и аморфность. Не случайно в этой среде гнездились ядро большинства политических партий и группировок так называемого социалистического свойства от неонародников до анархистов.

В связи со средними слоями следует затронуть вопрос о российской интеллигенции. Нерусское слово "интеллигенция", как ни странно, понятие чисто русское, родившееся на российской почве, и вокруг этого термина накручено столько теорий, размышлений, концепций, взглядов, что в них подчас очень трудно бывает разобраться. Если речь идет о социальной структуре общества, под интеллигенцией понимают лиц умственного труда высокой квалификации, требующего, как правило, высшего образования, т.е. тех, кого на Западе обычно называют интеллектуалами. Все было бы просто и хорошо, если бы с самого начала и до сих пор в принадлежности к интеллигенции не было отказано огромному количеству людей, занимающихся умственной деятельностью. Дело в том, что в России со времен разночинско-народнического движения понятие интеллигенции нередко суживалось до круга тех представителей умственного труда, кто

сознательно избрали удел служения народу и выполнения перед ним особой миссии, общественного долга. На этой основе постоянно возникали и возникают путаница и смешение понятий, бесконечные споры о роли и месте интеллигенции в судьбах России. Чтобы не нарушать традиции, мы будем пользоваться термином "интеллигенция", но имея ввиду под ним прежде всего представителей умственного труда. При этом следует помнить что умственный труд гораздо более диверсифицирован, чем труд физический, и интеллигенция никогда не составляла некоей единой и однородной массы. Согласно Ленину и его последователям, интеллигенцию делили по классовому признаку: на буржуазную, мелкобуржуазную, пролетарскую и т.п., что является грубым и, как мы увидим далее, опасным упрощением.

Накануне революции в России сложились довольно значительные группы работников умственного труда: лиц свободных профессий (адвокатов, журналистов, писателей и т.д.), инженеров, ученых, преподавателей, врачей. Далеко не все из работников умственного труда имели высшее образование и потому не могли быть с полным основанием отнесены к интеллигенции. Не случайно в России широко употреблялся термин "полунинтеллигенция" для обозначения многочисленных отрядов учителей, учащихся, чиновников, средних медицинских работников и т.д. Общая тенденция, характерная для XX в., быстрое превращение работников умственного труда в служащих государственных и частных учреждений, была свойственна и для России.

Из чисто российского определения интеллигенции следовала ее ангажированность в политической жизни. Из рядов интеллигенции и полунинтеллигенции вербовались руководящие кадры политических партий, их интеллектуальный мозг, вне зависимости от того, от имени какого класса или общественной группы выступала та или иная партия: от имени крестьянства (эсеры) или рабочего класса (большевики и меньшевики).

Крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения России, как уже говорилось, продолжало оставаться под сильным влиянием сельской общины. Что бы ни говорили нынешние "деревенчики", российская деревня оставалась в целом запущенной и бедной, несмотря на ростки новых отношений. Это означает, что в крестьянстве очень сильны были настроения коллективизма, уравнительной справедливости. Революционная

социалистическая пропаганда в этом аспекте находила здесь отклик. Само крестьянство в силу условий своего существования, разрозненности, распыленности сельских миров слабо организуется политически. Организации, представлявшие их интересы (Крестьянский союз, трудовики), выдвигали весьма нечеткие политические требования. Поэтому один из главных вопросов российской действительности заключался в том, за кем, за какой политической партией пойдет основная масса крестьянства, какие лозунги и требования, отвечающие его интересам, она выдвинет.

Партия эсеров, выступавшая от имени крестьянства, но по сути, как уже было сказано, представлявшая прежде всего городских интеллигентов, рассматривала крестьянство как единую трудовую массу и на этом строила свою программу. Между тем признаки расслоения деревни были налицо. Однако в этом расслоении большое значение имели не столько социальные, сколько природные, демографические и другие факторы. Поэтому провести четкую грань между различными слоями российской деревни, например выделить ее зажиточную часть, среднюю и бедняцкую, очень трудно. Российские же марксисты традиционно исходили из жестких классовых критериев, что сыграло в отечественной истории XX в. роковую роль.

Российский пролетариат, который в советской историографии провозглашался главным вершителем революции и судьей страны в XX в., составлял примерно пятую часть населения. Его ядром считались промышленные рабочие, которых в России было 3.6 млн. человек. Это было меньше, чем в США, Англии, Германии и примерно столько же, сколько во Франции. Как бы то ни было, пролетариат не представлял в России большинства населения. Согласно классической марксистской схеме рабочий класс не должен брать власть (революционным или парламентским путем), пока он не составит такого большинства, а это невозможно без длительного развития капитализма на основе крупной промышленности, проведения, так сказать, подготовительной работы для перехода к социализму. В этой схеме сразу следует отметить два исторических заблуждения. Во-первых, преувеличение количественной стороны дела. В вопросах завоевания власти большинство не имеет принципиального значения, как показывает исторический опыт. Во-вторых, ни Маркс, ни его последователи в различных странах не могли предвидеть,

какими путями пойдут развитие производительных сил и изменения в общественной жизни. Как стало очевидно сегодня, представление о роли крупного фабрично-заводского производства, перманентно преобразующего мир, оказалось иллюзией. Под влиянием научно-технического прогресса вступили в действие другие факторы. В свете современных тенденций очевидно, что удельный вес рабочего класса в его традиционном понимании в ведущих странах начинает сокращаться, а увеличивается роль как раз средних слоев.

Заблуждения классического марксизма в какой-то мере были присущи российской социал-демократии, выступавшей от имени пролетариата, и прежде всего меньшевикам. Позиции другой партии - большевиков, сторонников Ленина, были несколько иными. Ленин, как главный теоретик большевизма, обладал большой смелостью, иначе сформулировав задачи пролетарской революции и установления пролетарской диктатуры применительно к условиям России, соединив марксистскую теорию с некоторыми положениями крестьянско-эсеровского социализма, причем взгляды Ленина складывались и постоянно менялись в ходе революционной борьбы и самой революции.

Бесспорно, что роль городских рабочих в истории новейшего времени чрезвычайно возрастает. В крупных центрах концентрируются громадные массы рабочих. Возникают предпосылки для их организации, консолидации и коллективных солидарных действий в защиту своих интересов. Такая масса представляет собой огромную силу, о чем неоднократно свидетельствовала история XX в., в том числе и российская. Однако для социал-демократов, как уже было сказано, типично преувеличение общественной и политической роли пролетариата. Понятие пролетариата в их построениях зачастую выглядит ходульным и абстрактно облагороженным. Достаточно взглянуть на произведения большинства теоретиков социал-демократии, чтобы это понять. Причем, данная черта присуща в большей мере для большевиков, чем меньшевиков, поскольку последние, отрицая необходимость захвата пролетариатом власти, указывали на его неразвитость, некультурность, неготовность к социализму. Таким образом, вопрос о пролетарской или социалистической революции в России во многом упирался в социальный облик российского пролетариата. Что же он представлял собой в реальности?

Прежде всего необходимо отметить, что кадры рабочих России формировались за счет крестьянского населения, беднейших пролетаризирующихся слоев деревни. В промышленное производство вовлекалась прежде всего деревенская молодежь. В силу того, что индустриализация России насчитывала небольшой срок, это означает, во-первых, что большинство рабочих были относительно молодого возраста, во-вторых, пролетариями первого поколения, полностью не оторвавшихся еще от крестьянской среды, ее сознания и общинной психологии. Только относительно начала XX в. можно говорить о складывании в российском пролетариате устойчивой группы квалифицированных рабочих, принадлежащих целиком и полностью городской культуре.

В сравнении с рабочими Запада российские рабочие значительно уступали первым по уровню образования. Например, женская часть российского пролетариата была более чем наполовину неграмотна, да и среди рабочих мужчин уровень образования был невысок, ограничиваясь пределами начальной школы и овладением элементарными навыками грамотности. Наблюдалось несоответствие требованиям современного производства и культурно-технического уровня рабочих - еще одно противоречие российской действительности, которое нужно было решать.

Невысоким оставался уровень материального положения рабочих, особенно на фоне других стран, плохими были жилищные и бытовые условия, больше была продолжительность рабочего дня и ниже оплата труда. Но, пожалуй, более всего отличало их политическое бесправие, различные препятствия для участия в политической жизни, для создания рабочих организаций, профсоюзов, клубов и т.д. Именно в этот период рабочие на Западе добиваются в этой области крупных успехов, и это был живой пример для рабочих России.

Суммируя все эти обстоятельства, нельзя не признать, что облик российских пролетариев был далек от марксистского идеала, но в то же время невозможно отрицать и то, что в их среде существовали объективные предпосылки революционности и радикализма, и что в массе своей рабочие склонны были поддерживать ту партию, которая выдвигает наиболее революционные требования, т.е. большевиков. Не случайно, как признавал впоследствии лидер меньшевиков Л.Мартов, большевизм в России имел глубокую почву.

Встает вопрос, в какой мере большевики осознавали противоречие между характером и масштабом поставленных ими задач и реальным положением дел. Для Ленина, главного их теоретика, как убеждает логика его действий, этот вопрос всегда занимал второстепенное место, подчиненное главному - вопросу о власти. В этом случае низкий культурный уровень и небогатый профессиональный опыт рабочего класса не имел решающего значения. Ставя на повестку дня простые и доходчивые тактические лозунги в 1917 г., Ленин и его сторонники сумели мобилизовать и завоевать на свою сторону массы. Однако взять власть и осуществить социализм на практике - две совершенно разные вещи, и то, что может сыграть на руку революционерам на определенном этапе, впоследствии может сыграть и против них.

Задаче завоевания власти служил своеобразный вклад Ленина в развитие марксистской теории - его учение об авангарде пролетариата - пролетарской партии, состоящей из профессиональных революционеров. Оно не возникло на пустом месте и, пожалуй, наиболее наглядно демонстрирует учет Лениным опыта предшествующей революционной борьбы в России и прежде всего народнических организаций. Но если принять во внимание сказанное выше, то понятие авангарда неизбежно идентифицируется не с рабочими, а с интеллигентской верхушкой партии. Накануне революции партия большевиков численно была невелика - всего несколько десятков тысяч, из которых многие были разбросаны по тюрьмам, изолированы на каторге, в поселениях для ссыльных, рассеяны в эмиграции. Конечно, в рядах большевиков были рабочие, но не они делали погоду в партии. Частые обвинения Ленина и его сторонников в приверженности бланкистско-заговорщической тактике, тоже не лишены оснований, особенно когда понятие авангарда суживается до логики действий небольшой группы лиц, стоящих у руководства партии.

Взрывной миной в основании государственного устройства России был национальный вопрос. Процессы, происходившие в стране, вели к быстрому пробуждению национального самосознания народов империи. Не случайно в начале века происходит быстрое оформление национальных партий, борющихся либо за отделение от России, либо за автономию в ее составе. Политика правительства оставалась в целом великодержавной и шовинистической. Попытки реформирования национального устройства

не шли дальше проектов, лежавших без движения в канцеляриях государственных учреждений. Чем более были стеснены национальные чувства отдельных наций, тем более склонны они были поддерживать радикальные требования. Этим обстоятельством объясняется, например, очень значительный еврейский элемент в руководстве практически всех социалистических партий.

Одним из феноменов, знаменующих вступление России в стадию модернизации, стали изменения в сфере культуры. Одним из ее показателей является массовое образование населения. Часто, чтобы подчеркнуть безграмотность и отсталость населения России используются сведения переписи 1897 г., согласно которой более 75% жителей страны были неграмотными. Подобный подход неправомерен, потому что игнорирует процессы, которые происходили в области образования в начале XX в. Прежде всего следует отметить, что в среде всех классов и слоев усилилась тяга к образованию. Отвечая на эту потребность, правительство резко увеличивает государственные расходы на эту сферу (с 1900 по 1915 гг. более чем в 5 раз). Среднее число учащихся доходит до 5% от всего населения. Численность учеников в начальных школах возрастает вдвое и достигает цифры порядка 8-9 млн. человек. Главную роль начинают играть городские и сельские гражданские учебные заведения, которым по числу учащихся значительно уступают церковно-приходские школы. Реформами Столыпина было предусмотрено введение в России всеобщего начального образования, однако до революции оно так и не было осуществлено. Не хватало школ. К имеющимся примерно 50 тыс. нужно было втрое больше. Необходимы были более значительные средства, надо было подготовить кадры учителей. Такие проблемы не решаются одним махом. Помимо начальных школ в России было 1724 гимназии с 558 тыс. учеников, 324 реальных училища и 95 тыс. учеников, более 2 тыс. различных специальных и профессиональных учебных заведений с 240 тыс. учащихся, в том числе 91 вуз и 130 тыс. студентов.

Необходимо добавить, что система образования в России унаследовала от прошлого очень много пережитков и была построена таким образом, чтобы обеспечить преимущество имущим классам и затруднить продвижение по социальной лестнице представителям низов населения (сословные перегородки, предоставление привилегий, плата за обучение и т.д.). В складываю-

щейся в стране ситуации и тяги к образованию это выглядело уже как серьезная дискриминация. В силу указанных факторов в стране имелись очень сильные социальные, демографические, национальные и географические различия в уровне грамотности и образования. Молодежь была намного образованнее, чем старшее поколение, мужчины грамотнее женщин, жители центра - образованнее, чем жители окраин, русские - намного грамотнее, чем, например, узбеки и т.д.

Вступая в XX век, Россия дала миру новые достижения в области культуры, науки, искусства, не меньшие, чем в прошлом столетии. Однако эта культура стала более утонченной, рафинированной, а значит менее доступной для социальных низов, воспринимающих ее зачастую как чуждую в отличие от демократически направленной культуры XIX в. Назревало еще одно противоречие: между пробуждающимся массовым сознанием и его способностью осваивать достижения отечественной культуры, которое сильно повлияло впоследствии на культурные процессы послереволюционного периода. Но уже накануне революции большинство радикально настроенных политических деятелей враждебно встретило духовные искания российской интеллигенции, способствуя углублению пропасти между ней и народными массами.!

Таким был расклад социальных, политических и культурных сил страны накануне революции. Как видим, он весь как бы состоял из острых углов и требующих разрешения конфликтов. Насколько же способна была государственная власть в России ответить на вызов времени? История дает на это отрицательный ответ. Государственный строй России в начале века подвергся некоторым изменениям. После революции 1905 г. она сделала несколько шагов в сторону конституционной монархии, но явно недостаточных. Институт императорской власти фактически не был поколеблен. Представительное учреждение - Государственная дума имела скорее законосовещательные функции, чем законодательные. Многие важнейшие акты государственного управления вообще проводились в обход этого органа. Но дело даже не в монархическом устройстве. Сегодня среди "патриотов" раздаются голоса о том, что именно монархия является идеалом для российской государственности. Именно монархия сможет примирить интересы различных противоборствующих сил и проводить для всех приемлемую политику. Может быть и так, но то, что случилось в России, этого не подтверждает. Политика царского правительства вызывала недовольство в различных классах и слоях населения. Требовались более глубокие реформы, как говорят, по всем азимутам. Власть же цеплялась за прошлое, шла только на вынужденные уступки, тут

же пытаюсь вернуть status quo. Даже то, что было задумано, проводилось медленно с присущими для бюрократического государства проволочками. Буржуазной монархией, опутанной особенно густой сетью бюрократических учреждений и извращений, называл Россию Ленин, и был прав. Взаимоотношения общества и власти становились все более враждебными, общественная атмосфера гнетущей и безысходной, особенно после революции 1905 г. Широко распространились апокалиптические настроения, предчувствия беды и катастрофы. Россия была беременна революцией, которую одни ожидали со страхом, другие - с надеждой.

1 августа 1914 г. Россия вступила в первую мировую войну на стороне Антанты. Не касаясь всех событий хода войны, остановимся на том влиянии, которое она оказала на общее развитие ситуации. В традиционной трактовке советской историографии война рассматривалась как "могучий ускоритель" революции. Сегодня же, в связи с тем, что и революцию, и вызванные ею катаклизмы многие авторы склонны рассматривать как трагедию и катастрофу, наблюдается тенденция "обелять" эту войну, представлять ее в облагороженном романтико-трагическом ореоле. Если раньше писали о мировой империалистической бойне, то теперь чаще - о справедливом характере войны со стороны России, о подлой роли большевиков-пораженцев, о замечательных людях, которые ярко проявили себя на полях сражений и т.п. В одном подобные авторы правы: для советских историков первая мировая война была "чужой", и в силу этого ее объективная история не была написана.

Говоря о значении войны для судеб России, необходимо прежде всего признать несколько непреложных фактов.

Война складывалась для России неудачно. Особенно тяжелым был 1915 год, когда русская армия вынуждена была оставить Польшу и Литву и была вытеснена из австрийской Галиции. Военные поражения оказали гнетущее воздействие на общественное мнение, усилили критическое отношение к правящему режиму, способствовали падению его авторитета.]

Война потребовала от России громадного напряжения ее материальных и людских ресурсов. Три четверти промышленных предприятий работало на нужды войны; 16 миллионов людей, преимущественно крестьян, за период войны было мобилизовано в армию и были оторваны от своих основных занятий. Война заметно ухудшила жизнь различных слоев населения, особенно средних и низших в связи с сокращением производства в гражданских отраслях и милитаризацией экономики.]

Война для России была сопряжена с большими жертвами и людскими потерями: около 2 млн. убитых, миллионы раненых,

искалеченных, пленных. Для многих семей это означало потерю кормильца, обострение нужды и бедствий.

Огромное количество людей, поставленных под ружье, не могло не привести к возрастанию армии в жизни общества, и от ее позиции многое зависело в развороте политических страстей. Что бы ни говорили сегодня об этой войне, во-многом ее цели и задачи оставались не ясными, не дошедшими до сердца каждого солдата, чем искусно пользовалась большевистская пропаганда. Зачем, мол, мужику Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы.

Длительное пребывание в окопах, кровь, грязь, лишения вызывали озлобление и озверение, падение морали, нравственных устоев, травмировали людей и оставляли глубокий след в обществе. Ценность отдельной человеческой жизни стремительно падала.

Постоянно возрастала общественная нестабильность, усиливалось социальное противостояние. Множество людей были вырваны из привычных гнезд, находились как бы в подвешенном состоянии из-за непрерывных мобилизаций, передвижений, эвакуаций и т.д. Увеличивалось число люмпенизированных элементов. Население все более становилось подверженным влиянию различных слухов, панике, импульсивным непредсказуемым действиям.

Война показала неспособность правящей верхушки справиться с обрушившимися на страну напастями. Она ответила на них чехардой в правительстве и министерствах, приближением ко двору разного рода сомнительных и авантюристических личностей, проходимцев вроде Григория Распутина, которые окончательно подрывали авторитет власти.

Можно перечислять и другие явления, связанные с влиянием войны на ситуацию в стране. Но уже из сказанного очевидно, что война до предела обнажила и обострила свойственные России противоречия, и ее государственный механизм не выдержал.

2. 1917 ГОД

Вряд ли общественное брожение, критическое метание стрел с думской трибуны в годы войны в адрес царя и правительства следует считать признаками наступления революции. Революция началась снизу и явилась полной неожиданностью для правящих кругов. Вот как описываются события конца февраля 1917 г. в Петрограде в дневнике градоначальника фон Балка, отражающего типичные менталитет и психологию тех, против кого были направлены революционные действия. Дневник интересен своими деталями и тем, как видится революция в глазах властей предрежащих. Сначала волнения в столице представляются Балком всего лишь как продовольственный бунт, вызванный слухами о неподвозе хлеба и наступающем голоде, которые неминуемо рассеются, как только будут приняты решительные меры. Однако постепенно тональность дневника меняется...

24. 12 часов дня. На Литейном и Знаменской площади по Невскому от Николаевского вокзала до Полицейского моста и Садовой улице сосредоточились сплошные массы народа. Прекратилось движение трамваев и участились случаи ссаживания извозчиков... Хулиганы сворачивали кладь с ломовых. Движение через Неву увеличивалось с каждой минутой. Массы плотнели, и наряды полиции растворились в толпе... Я передал об этом генералу Хабалову. Военное начальство все же решило воздержаться от применения в дело оружия.

25... Утро благоприятное. Уборка идет вовсю. Трамваи ходят, магазины открыты. Сенная площадь переполнена продуктами. Колбасная битком набита колбасами, дешевыми и вкусными... Однако рабочие уходят с работы толпами... Во многих местах стали появляться ораторы с призывом низвергнуть преступное, предавшееся на сторону немцев правительство... Состав толп стал уже иной, чем в предыдущие дни, преобладали подонки, интеллигентная молодежь с немалым процентом

молодых евреев. Многие поняли, что игра в прогулку превращается в торжество черни... По адресу прилично одетых сыпались остроты и ругань. Из лавок тащили припасы, ну и, конечно, били фонари и стекла в окнах. Появлялись и красные флаги, но все еще было разрозненно... Воинские чины у Государственной Думы дали несколько выстрелов: убито 4, ранено 12. [Эти выстрелы] дали руководителям понятие, куда надо направить все свои усилия. Всю ночь они агитировали в казармах Волынского и Преображенского полков и достигли решительных результатов: штыками солдат завоевали так называемую великую бескровную революцию...

26 февраля... Беспечного и веселого настроения нет. У объявлений толпятся кучки. Часов около 10 началась стрельба войск по толпам. Убитых 50 - ранено около 100, на 3 миллиона жителей процент ничтожный.

27 февраля. Сведения неутешительные. Солдаты отказываются стрелять в народ, предпочитают в воздух. Вся эта вооруженная орда слушает каждого проходимца и ждала только руководителя... Скоро таковой нашелся в лице унтер-офицера Кирпичникова, а затем с Выборгской стороны примчались на автомобилях товарищарбочие. Тогда крики и стрельба прекратились, перешли к грабежам по квартирам и поджогам. Для меня стало ясно - мы теряли власть.

С 2 часов дня события протекали с подавляющей быстротой. Часов не помню. Настроение сгущалось. Началась агония власти... Войска не противостояли бунтовщикам, перешли на их сторону, в лучшем случае бездействовали. Чины полиции переоделись в штатское платье и разбежались. Толпа всюду преследовала их: издевалась, замучивала и, натешившись, убивала.

Распуценная Государственная Дума была пуста. Затем растерянные депутаты в количестве 30-50 человек устроили заседание [Временный комитет Государственной думы], и тут же на их глазах начали собираться субъекты, совершенно им неизвестные. Вначале они робко бродили и застенчиво смотрели по сторонам, а затем, освоившись и увеличившись числом, потребовали отвести им особое помещение. Испуганные думцы не смели перечить. Так получил жизнь первый совет рабочих и солдатских депутатов...

Так представляется начало революции одним из деятелей старого режима, создание новых органов власти в том числе и Петроградского Совета. По сути это не было новое учреждение, а

возрождение Совета, сыгравшего свою роль в революции 1905 г. с некоторыми отличиями, продиктованными новой обстановкой. Во-первых, новый Совет был более многочисленным, а во-вторых, он обладал значительно более широкими полномочиями по сравнению с 1905 г. Ввиду многолюдства и аморфности состава Совету понадобился руководящий орган. Был сформирован Исполком, образованный по принципу пропорционального партийного представительства, в котором были представлены и эсеры, и меньшевики, и большевики, хотя это не было предусмотрено системой выборов. Тем самым с самого начала деятельность Совета была сильно политизирована его руководителями, и не случайно этот орган сыграл такую большую роль в политической борьбе 1917 г.

Первым мероприятием Петроградского Совета стал приказ №1 "О демократизации армии", в котором уравнивались в гражданских правах офицеры и солдаты, предоставлялась возможность политической деятельности, создания различных организаций, отменялись унижительные формы обращения.

На фоне разворачивающегося народного движения Временный комитет Государственной думы во главе с М.В.Родзянко, поддерживаемый либеральной оппозицией, предпринял ряд действий по превращению России в конституционную монархию, потребовав от царя создания правительства, ответственного перед Думой. Несколько дней после событий в Петрограде представителями комитета велись переговоры, ставившие своей целью сохранить трон. Удалось добиться отречения Николая в пользу сначала своего сына Алексея, а затем брата - великого князя Михаила. Но в это время революция ушла уже далеко вперед, и сохранение монархии стало уже невозможным. Понимая это, Михаил, в свою очередь, отрекся от престола. Постепенно вызревало решение отложить вопрос о будущем государственном устройстве России до созыва Учредительного собрания.

Параллельно думский комитет приступил к формированию Временного правительства. В сложившейся обстановке этот шаг не мог быть сделан без одобрения Исполкома Петроградского Совета, обладавшего реальной властью в столице. Большинство Исполкома в то время считало, что, поскольку революция является буржуазной, то и власть должна принадлежать буржуазии. Правда, соглашаясь с созданием такого правительства, Исполком заявил о его поддержке лишь постольку, поскольку оно будет проводить демократическую политику и тем самым намере-

вался оказывать давление на него. Так возникла основа для двоявластия.

Весть о падении самодержавия быстро разнеслась по России и практически повсеместно была принята восторженно, в том числе и в армии. Практически во всех крупных городах возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, в деревнях - крестьянские Советы, создавались различные органы и организации. Обозначилось тяготение к двум центрам власти. Левые силы, "революционная демократия", группировались вокруг Советов. К революционной демократии относились рабочие, крестьяне, солдаты, значительная часть интеллигенции и полуинтеллигенции, средних слоев. Ее интересы выражали социалистические партии: эсеры, меньшевики, большевики и множество более мелких политических организаций. Организационной основой революционной демократии стали не только Советы, но и многие другие быстро растущие объединения: профсоюзы, фабзавкомы, кооперативы, женские, молодежные организации. В войсках ее опорой стали солдатские комитеты различных уровней. По всей стране происходили съезды, конференции, собрания, митинги. Политический курс левых - требования демократических преобразований, аграрной реформы, "мира без аннексий и контрибуций". Правые силы концентрировались вокруг Временного правительства. Ему подчинялись все старые структуры на местах.

Сформированное Временное правительство во главе с князем Г.Е.Львовым одним из первых своих шагов провозгласило верность союзническим обязательствам и взяло курс на продолжение войны. Этот шаг не встретил поддержки среди измученного войной населения и разлагающейся, состоявшей в основном из крестьян, армии. Странникам продолжения войны - министру иностранных дел П.Н.Милюкову и военному министру А.И.Гучкову скоро суждено было стать одиозными фигурами. Под давлением революционной демократии Временное правительство проводит ряд реформ: провозглашает амнистию политическим заключенным, свободу слова, печати, собраний и т.д., отменяет сословные, национальные, религиозные ограничения, обещает как можно более в короткий срок созвать Учредительное собрание на основе всеобщего равного избирательного права, вводит 8-ми часовой рабочий день. Казалось, Россия в одночасье, сразу и вдруг, стала самой демократической страной в мире. Однако очень скоро, по мере того как проходила революционная эйфория, выяснилось, что это не более, чем иллюзия. Последу-

ющие события показали, что Февраль не снял, а, напротив, обнажил копившиеся десятилетиями глубинные противоречия и привел в действие опасные разрушительные силы.

Состояние экономики продолжало ухудшаться, росли цены, увеличивались очереди, распространялись спекуляция, мародерство, преступность. Бедствовали и город, и деревня. Провозглашенные свободы имели и свою обратную сторону: усиление хаоса и безвластия. Поднималось национальное движение, подрывавшее единство государства. Многие стали ощущать себя лишенными привычных основ существования. Имущие классы, поддержавшие февральский переворот, с Временным правительством связывали свои надежды, посчитав, что оно сможет противостоять разгулу революционной стихии и сохранить государственные устои. Не обнаружив в разворачивающихся событиях политической стабильности и осуществления своих расчетов, "верхи" до поры-до времени затаились. Таким образом, недовольными чувствовали себя все, что вызывало взаимное озлобление, ощущение неустойчивости, зыбкости происходящего. Вектор общественных настроений указывал на продолжение политической борьбы, в которой все время возрастающую роль играли большевики.

В февральских событиях эта роль была не столь заметной, хотя советская историография старалась ее всячески преувеличить. Политическое лицо партии на общем фоне было невыразительным. Многие находились кто в тюрьмах, кто в ссылке, кто в эмиграции. Но с объявлением амнистии в революционную столицу стали стекаться известные партийные лидеры. Заметной фигурой стал вернувшийся из ссылки Л.Б.Каменев, который всегда слыл осторожным большевиком, склонным к компромиссам. Самостоятельной политической линии партия еще не определила и в общем порыве проявляла готовность к сотрудничеству с другими силами. На состоявшемся в конце марта Всероссийском совещании Советов большевики были близки к объединению с меньшевиками.

3 апреля в Петроград прибыл Ленин, которого с нетерпением ждали как признанного и видного революционного деятеля. Пробраться в воюющем мире из Швейцарии в Россию Ленину было далеко не просто. Страны Антанты наотрез отказывались пропустить туда этого "пораженца" и обличителя "мировой империалистической бойни", предоставив, между тем, возможность проезда "оборонцу" Плеханову. Разрешение, правда с опреде-

ленными условиями, неожиданно было получено от германского правительства, которое к тому времени стало опасаться за результаты войны и было заинтересовано в антивоенной агитации. "Запломбированному вагону", в котором Ленин с группой других большевиков, среди которых находился и Г.Е.Зиновьев, пересек Германию, скоро суждено будет стать в центр политических страстей, поводом для обвинения Ленина и его соратников в шпионаже в пользу Германии. Кстати, в то время подобная шпиономания была типичной в атмосфере поиска виновников военных неудач и приемом очернения идейного противника. Нечто аналогичное происходило и в другие периоды, когда разворачивалась "охота на ведьм".

Прибытие Ленина в революционную столицу было обставлено с большой помпой. Встречать его вышли толпы народа. Официальную встречу возглавлял председатель Петросовета Н.С.Чхеидзе, который в приветственной речи выражал надежду, что приезд Ленина принесет сплочение в ряды революционной демократии. Ленин же, глядя мимо официальных представителей, обратился прямо ко всем собравшимся с краткой речью, которую закончил призывом "Да здравствует всемирная социалистическая революция!". Те же слова прозвучали потом с броневики, куда вознесла Ленина восторженная толпа.

Поначалу никто не придавал особенного значения ленинскому призыву, приписав его ораторской запальчивости. Однако в опубликованных на следующий день "Апрельских тезисах" были обнародованы положения, которые знаменовали переход Ленина на совершенно иную стратегию и тактику революции. Была выдвинута идея перерастания ее в социалистическую с опорой на пролетариат и беднейшее крестьянство. Был предложен комплекс радикальных мер, буквально взрывающих обстановку. "Никакой поддержки Временному правительству!", "Вся власть Советам!" - гласили тезисы. В них содержались требования немедленного мира без всяких аннексий, создания единого национального банка при контроле Советов, национализации земли и создания вместо помещичьих имений образцовых хозяйств, организации общественного производства и распределения продуктов. Выдвигалось требование разрыва с социал-демократией II Интернационала, скатившейся на позиции оппортунизма и социал-шовинизма, образования Коммунистического Интернационала и Коммунистической партии.

Большинство революционной демократии решительно и резко отмежевалось от тезисов Ленина. Даже среди большевиков при их обсуждении в редакции "Правды" они встретили противодействие. А.А.Богданов назвал их "бредом сумасшедшего", Ю.М.Стеклов выразился в том роде, что это, дескать, абстрактные схемы тов. Ленина, от которых он откажется, ближе узнав обстановку в России. Не тут-то было! Случилось как раз обратное. Ленин развернул яростную агитацию за утверждение своих взглядов. Буквально через несколько недель его точка зрения побеждает в партии и получает полную поддержку на созванной в 20-х числах апреля VII Всероссийской конференции большевиков.

Новые большевистские лозунги выносятся на улицы и начинают овладевать сознанием масс. Ряды партии стремительно расширяются. Ее численность к моменту созыва VI съезда в июле 1917 г. по сравнению с февралем увеличивается в 10 раз (с 24 тыс. до 240 тыс.), и она становится одной из самых массовых и влиятельных в стране.

Причины успеха ленинской линии можно понять, если, во-первых, учесть расстановку социальных сил в стране и настроения различных классов и слоев общества, о чем уже говорилось ранее. Во-вторых, надо принять во внимание продолжающееся ухудшение жизни в стране и продолжение войны. Война и экономика были двумя главными стержнями, вокруг которых "крутились" события. Требования решительных мер по изменению ситуации, которые выдвигали большевики, находили благодатную почву. В-третьих, Временное правительство обнаружило полную неспособность справиться с нарастающими трудностями, проводя непоследовательную и противоречивую политику и вызывая на себя огонь критики со всех сторон. Не удивительно, что за несколько месяцев страна пережила три правительственных кризиса, сопровождаемые перетряской всего кабинета. В-четвертых, партии, поддерживающие Временное правительство, как бы разделяли с ним ответственность за происходящее, за что и получили в народе презрительную кличку "соглашателей".

В этой обстановке каждый ход на политической шахматной доске оказывался в пользу большевиков, под руководством Ленина смело и сознательно шедших на обострение социальной и политической борьбы.

18 апреля министр иностранных дел Милюков обратился к союзникам с нотой, где содержались заверения вести войну до победного конца. Это расходилось с позицией Петроградского Совета, стоявшего за справедливый мир без аннексий и контрибуций. Состоялась массовая демонстрация под лозунгами "Долой войну!", "Долой Милюкова!". Силы, поддерживающие Временное правительство, организовали контрдемонстрацию. Кое-где начались вооруженные стычки - первые предвестники гражданской войны.

Со стороны революционной демократии была выдвинута идея создания коалиционного правительства. В него, помимо А.Ф.Керенского, были включены еще 6 министров-социалистов - все члены Петросовета. Милюков и Гучков ушли в отставку. Новое правительство провозгласило линию на дальнейшую демократизацию, борьбу с хозяйственной разрухой, подготовку аграрной реформы и достижение всеобщего мира. Однако эти положения остались на бумаге. Попав в тиски прежней государственной машины и принятых обязательств, правительство по сути продолжало следовать прежним курсом, теряя свой авторитет и популярность, компрометируя поддерживающие его партии "соглашателей". Меншевики и эсеры, добившись путем давления уступок и войдя в правительство, заняв ответственные посты и должности утрачивали реформаторский пыл, начинали тянуть со своими обещаниями. 6 июня закончила работу Комиссия по подготовке избирательного закона по выборам в Учредительное собрание, однако сами выборы откладывались. Обсуждение аграрной реформы завязло в комиссиях и комитетах. Перспектива заключения мира становилась неопределенной и туманной, особенно после провала так называемой Международной социалистической конференции. Проповедь революционного оборончества и революционной войны против германского империализма не пользовалась успехом и не без оснований подвергалась нападкам большевиков как ширма для продолжения военных действий. Крупным просчетом правительства было решение о подготовке наступления на фронте, которому оно придавало большое значение и с помощью которого надеялось переломить общественные настроения, устранить радикальные и экстремистские формы в вопросе о прекращении войны, поднять боевой дух и укрепить дисциплину в разваливающейся армии.

На этом фоне большевики продолжали "зарабатывать очки" и предъявлять претензии на власть. Впервые об этом было от-

крыто сказано на заседании I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г. В ответ на заявление И.Г.Церетели, что нет в России такой партии, которая согласилась бы взять власть в руки целиком, Ленин заявил, что "партия большевиков готова сделать это каждую минуту".

По решению президиума съезда и Исполкома Петросовета на 18 июня было назначено провести массовую демонстрацию в поддержку решений эсеро-меньшевистского большинства съезда о доверии Временному правительству. Большевики решили принять участие в демонстрации, но под своими лозунгами, главным из которых был - "Вся власть Советам!". Подавляющая масса демонстрантов, заполнивших площади и улицы Петрограда, шла под этими лозунгами. Выяснилось, что шкала общественных настроений смещается в пользу большевиков.

19 июня началось наступление войск Юго-Западного фронта, которое закончилось полным провалом. Вся затея Временного правительства и лично Керенского, затративших на подготовку наступления невероятные усилия, обернулась катастрофой.

Огромное влияние на развитие ситуации оказали кровавые дни 3-5 июля в Петрограде. Поводом для них послужили попытки под предлогом военных нужд вывести из столицы революционно настроенные части, начавшиеся поступать слухи о провале наступления под Тарнополем в Галиции. Обострению ситуации способствовало заявление министров-кадетов о выходе из состава правительства под предлогом своего несогласия с признанием автономной краевой власти на Украине - Генерального секретариата Центральной Рады. Расчет был на то, чтобы меньшевики и эсеры, входящие в правительство, сами выпутывались из создавшегося положения или же пошли на то, чтобы действовать решительно в пользу установления твердой власти.

3 июля огромная толпа, в которой было немало вооруженных солдат и матросов, собралась у Таврического дворца, где заседал Всероссийский ЦИК, избранный на I съезде Советов, с требованиями устранения Временного правительства, передачи власти Советам и назначения ответственных перед ВЦИК министров. Ситуация оказалась крайне неопределенной и смутной. Не было единства по этому поводу и у большевиков. Часть их считала выступление преждевременным, другая часть, особенно члены военной организации партии, ряда районных комитетов города открыто призывали к вооруженному захвату власти, многие колебались, не выражая определенной точки зрения, и ждали, как

повернутся события. Двойственность и противоречивость проявлялась в выступлениях ораторов. Одни призывали к спокойствию, другие шли по пути возбуждения толпы. Как бы то ни было, ВЦИК наотрез отказался от взятия власти. Движение зашло в тупик. Его участники стали разбредаться.

На следующий день однако все началось как бы сызнова, причем стихийно и неорганизованно, с участием преступных и хулиганствующих элементов. На волне стихийных выступлений вскипала ультралевацкая анархистская пена. Раздавались призывы к вооруженному восстанию, реквизиции предприятий, банков, складов, магазинов. Начались грабежи, погромы, появились убитые и раненые. Ораторы, которые уговаривали прекратить бесчинства, получали пинки и зуботычины. В Таврическом дворце под угрозой расправы толпа требовала от депутатов ВЦИК "прекратить сделки с буржуазией". Симптомы и облик гражданской войны обозначились явственней. Именно под влиянием июльских дней М.Горький начал создавать свои знаменитые "Несвоевременные мысли".

5 июля Временное правительство при поддержке ВЦИК сумело взять ситуацию под свой контроль, вызвав с фронта верные войска. Демонстранты были расстреляны и рассеяны. Вся вина за сложившуюся ситуацию была возложена на большевиков. Были арестованы ряд их видных руководителей, которым надлежало предстать перед судом. Ленин и Зиновьев скрылись в подполье. Одновременно была запущена в ход версия о них как о немецких агентах. Была разгромлена редакция "Правды".

Баланс сил после июльских событий снова сместился. Керенский объявил себя главой правительства спасения революции и принял на себя чрезвычайные полномочия. 24 июля было объявлено о составе нового коалиционного кабинета, олицетворяющего собой хрупкое равновесие между кадетами и социалистами. Двоевластие фактически кончилось. ВЦИК превратился в орган, поющий с голоса правительства. Влияние большевиков временно ослаблено. VI партии снял с повестки дня лозунг "Вся власть Советам!" и взял курс на тайную подготовку вооруженного восстания с целью захвата власти. Несколько усилились позиции правых, появились признаки их консолидации. Крепла идея создания сильной власти. Но Керенский, несмотря на некоторые присущие ему диктаторские замашки, все же, по мнению правых, не годился на роль человека, способного твердой рукой установить порядок. Мнения сходились на личности гене-

рала Л.Г.Корнилова, отличившегося на полях сражений в Галиции. В середине июля он был назначен главнокомандующим Юго-Западного фронта, а в 20-х числах - Верховным главнокомандующим. Керенский на первых порах поддерживал Корнилова, стремясь укрепить свою власть и получить опору в армии. Но Корнилов и его окружение имели собственные замыслы. В особой записке, составленной Корниловым для Временного правительства, фактически предусматривалось введение военного положения в стране. Ознакомившись с документом, Керенский занял уклончивую позицию. В то же время сведения об идеях Корнилова и его переговорах с Керенским проникли в прессу. Левые газеты забили тревогу. Началась кампания за смещение Главковерха. Правые организации из Республиканского центра, "Совещания общественных деятелей", правая печать, напротив, повели активную борьбу в поддержку Корнилова.

12 августа в Москве открылось Государственное совещание, на котором присутствовали представители многих партий и организаций, предпринимательских союзов, офицерского корпуса и генералитета. Совещание открыл Керенский, заявивший, что основными задачами правительства являются продолжение войны, водворение порядка в стране и армии и организация твердой власти. Выступивший с речью Корнилов предупреждал, что если в ближайшее время не будут приняты решительные меры, то фронт рухнет. Донской атаман генерал А.И.Каледин поддержал Корнилова и выставил следующую программу: армия должна быть вне политики; Советы и армейские комитеты должны быть упразднены; декларация прав солдата должна быть отменена; офицерам должна быть предоставлена полная власть.

Речи, прозвучавшие на совещании, вызвали протесты и возмущение в стране. В связи с этим правые силы решили несколько отложить свое выступление.

В конце августа Керенскому, по некоторым свидетельствам, был предъявлен ультиматум о передаче власти Верховному главнокомандующему. В ответ Керенский объявил о смещении Корнилова. Последний не подчинился и приказал войскам генерала А.М.Крымова двигаться на Петроград. Так начался корниловский путч.

Обстановка в столице была крайне напряженной. На экстренное совместное заседание собрались ВЦИК Советов и Исполком крестьянских Советов (Руководящий центр крестьянских Советов, возникший еще в мае 1917 г.). Был образован чрезвычайный

чайный орган - Комитет народной борьбы с контрреволюцией. В состав Комитета вошли и представители большевиков. Неожиданно возникло политическое единство ведущих социалистических партий и Временного правительства. Это обстоятельство определило быструю и решительную победу над "корниловщиной". На стороне правительства и революционной демократии был огромный перевес. Особенно поднялся в эти дни авторитет большевиков. Им удалось мобилизовать на борьбу с Корниловым с помощью фабрично-заводских комитетов, районных Советов до 40 тыс. человек, в том числе 25 тыс. - в вооруженных отрядах Красной Гвардии. Железнодорожники практически парализовали пути, ведущие к столице. В войсках мятежников успешно действовали большевистские агитаторы. Мятеж был подавлен быстро и практически бескровно. Генерал Крымов застрелился. Корнилов и другие генералы, принимавшие участие в заговоре, были арестованы.

Подавление "корниловщины" означало полное поражение правого лагеря. Шансы левых сил, особенно большевиков, утверждавших, что политика правительства и соглашателей ведет к только к консолидации контрреволюции, стремительно пошли вверх. Ленин, находившийся в это время в Финляндии, но внимательно следивший за событиями, пишет статьи ("О компромиссах", "Задачи революции" и др.), в которых предлагает вернуться к доикюльскому лозунгу "Вся власть Советам!", означавшему мирный курс на развитие социалистической революции либо в сотрудничестве, либо в соперничестве с другими советскими партиями. К идее однородного социалистического правительства, составленного только из представителей революционной демократии, склонялись отдельные лидеры и из других партий.

1 сентября Керенский провозгласил Россию республикой. Для подтверждения легитимности власти был провозглашен созыв Демократического совещания. Этим названием предусматривалось подчеркнуть его принципиальное отличие от Государственного совещания, где преобладали "цензовые", т.е. правые элементы. Тем временем наступало время перевыборов Советов. Новые выборы приносили явный перевес большевикам. Потерпев поражение в ряде ведущих Советов, в том числе в Петрограде и Москве, меньшевики и эсеры заколебались в вопросе о коалиции, боясь потерять свои насиженные гнезда в правительственных кабинетах и перейти в оппозицию.

14 сентября состоялось открытие Демократического совещания. В зале заседаний были обильно развешаны красные полотнища. На совещании был представлен широкий круг различных демократических организаций: Советов, местных самоуправлений, кооперативов, профсоюзов, армейских комитетов и т.д.

Позиции большевиков по отношению к Демократическому совещанию разделились. Ленин призвал к его бойкоту, который раз обескуражив своих соратников, так как еще недавно призывал к политическим компромиссам. Но, кажется, Ленин тонко почувствовал новый расклад сил. В то время как Советы быстрыми темпами большевизировались, Демократическое совещание, за счет органов, находившихся под влиянием меньшевиков и эсеров, могло дать перевес сторонникам "соглашения с буржуазией". Так и вышло. Среди делегатов обозначилось три течения: правое крыло меньшевиков и эсеров взяло курс на коалицию с "цензовыми" элементами и кадетами. Меншевики-интернационалисты и часть эсеров выдвигали идею демократического правительства. Большевики колебались от позиции сотрудничества с другими партиями до немедленной передачи власти Советам. Работа Демократического совещания происходила в долгих и утомительных дебатах. Голосование по вопросу о власти показало полную неразбериху во взглядах. Было решено передать этот вопрос постоянному органу, избранному совещанием: Совету республики или Предпарламенту, куда в большинстве попали сторонники коалиции. Это позволило Керенскому сформировать новое, третье по счету коалиционное правительство.

Между тем ситуация в стране осенью 1917 г. находилась на грани катастрофы, что было главной причиной радикализации масс, требовавших уже самых решительных действий. Ни мира, ни земли, ни хлеба страна не получила. Углубляющийся развал промышленности сопровождался локаутами, увольнениями рабочих. В ответ рабочие организации через органы рабочего контроля на производстве все чаще пытались вырвать управление из рук предпринимателей, воспрепятствовать им в действиях, направленных на установление "порядка". В деревнях полыхало крестьянское движение, осуществлялись погромы, захваты помещичьих имений. Крестьянские выступления подогревались дезертирами, которых становилось все больше по мере развала армии. Продовольственное снабжение ухудшилось настолько, что кое-где пришлось ввести карточки и нормированное распре-

деление. Цены пошли круто вверх. Начался спонтанный распад общества на враждующие слои и группы. Власть обнаруживала полное бессилие. Временное правительство, потеряв после "корниловщины" опору справа, показало неспособность обеспечить ее и со стороны левых сил.

Создание нового коалиционного правительства совпало с началом деятельности нового созыва Петроградского Совета. Председателем его Исполкома стал Л.Д.Троцкий - одна из ключевых фигур развернувшихся событий. С мая 1917 г., т.е. с момента своего возвращения из эмиграции, Троцкий постоянно находился в самой гуще политической борьбы в качестве бесспорного лидера. После июльских дней он примкнул к большевикам и сильно способствовал росту популярности партии.

В рядах большевиков шли оживленные споры по вопросу о власти. Примерно с середины сентября Ленин решительно выдвигает на повестку дня задачу вооруженной борьбы за немедленную передачу власти Советам, вернее скорейшего захвата власти большевиками путем вооруженного восстания. Об этом свидетельствует его письмо в ЦК, известное под названием "Большевики должны взять власть". Поначалу курс Ленина не встретил понимания среди остальных членов большевистского руководства. По вопросу о власти среди большевистских лидеров прослеживалось скорее брожение умов, чем определенные тактические установки. Часть большевиков связывала решение вопроса с созывом II съезда Советов, намеченным на 20 октября. Зиновьев назвал предстоящий съезд новым "хозяйном земли русской". (Прежде так любил называть себя царь, потом это определение по наследству перешло к Учредительному собранию). Ближе всех к взглядам Ленина была позиция Троцкого, который, не отрицая необходимости вооруженного захвата власти, в то же время стремился придать ему форму легальности в лице съезда Советов. Подобные мнения, доходившие до Ленина, встретили с его стороны резкое противодействие. В очередном письме Ленина членам ЦК, ПК, МК и Советов говорилось: "Ждать съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить недели, а недели или даже дни решают теперь все..." Относительно позиции Троцкого в письме было сказано: "Созывать" съезд Советов на 20 октября для решения "взять власть" - чем же это отличается от "назначения" восстания по-глупому??" Таким образом, все содержание ленинских посланий пронизывает ощущение решительности момента.

Позднее Троцкий объяснял торопливость и настырность Ленина незнанием реальной обстановки в Петрограде. Действительно, казалось, что власть как бы сама собой падает в руки большевиков. Петроградский Совет фактически становится легальным штабом по подготовке вооруженного восстания. Однако и опасения Ленина можно понять в связи с наличием в большевистском руководстве сильной оппозиции по вопросу о восстании.

7 октября открылось заседание Предпарламента. На нем Керенский призвал к консолидации всех сил для выхода из тяжелейшего кризиса, в который все больше погружалась страна. Однако конкретных шагов для выхода из него предложено не было. На заседании Троцкий огласил декларацию большевиков, где Предпарламент сравнивался с Булыгинской думой и заявлено об их уходе с заседаний. Это означало, что в борьбе за власть Советов партия большевиков взяла курс на окончательный разрыв с другими советскими партиями.

Все эти дни являли собой свидетельства триумфа Троцкого. На его выступления стекались огромные толпы народа, его буквально носили на руках. Тем временем в Петроград нелегально вернулся Ленин. На заседании ЦК партии большевиков 10 октября под воздействием Ленина и Троцкого было принято решение о непосредственной подготовке к восстанию. Против выступили только Зиновьев и Каменев.

Органом подготовки восстания стал созданный при Петроградском Совете Военно-революционный комитет (ВРК) во главе с левым эсером П.Е.Лазимиром. (Левые эсеры в это время были близки большевикам по вопросу о власти). Официально орган был создан для противодействия выводу революционных частей из Петроградского гарнизона. ВРК открыто заявлял о неправомерности действий правительства без подписи комитета, назначал комиссаров на предприятия и в учреждения, вооружал отряды рабочих - Красную Гвардию. Силами этих отрядов, а также гарнизона и кронштадтских моряков осуществлялся планомерный захват ключевых объектов города. Расчет был на то, что к моменту открытия II съезда Советов эта задача будет решена и тому останется лишь санкционировать реальный переход власти к Советам.

В ответ на действия ВРК министры Временного правительства обратились с жалобой в Предпарламент. 24 октября Керенский потребовал от него особых полномочий в борьбе с больше-

виками. В ответ депутаты потребовали объявить о начале аграрной реформы и мирных переговоров и тем самым сбить накал страстей. Эти дни продемонстрировали беспомощность и бессилие Временного правительства. В решительный момент у него фактически не оказалось опоры. Наличные силы, которыми оно могло располагать в Петрограде, - несколько небольших отрядов юнкеров, отряд инвалидов и женский батальон. Все эти силы были в основном сосредоточены в Зимнем дворце. Не уповая на них, Керенский утром 25 октября выехал из Петрограда, чтобы привести на помощь верные войска.

Тем временем в ночь на 25 октября по приказу ВРК были заняты вокзалы, мосты, а утром - телефон и телеграф. В 10 часов ВРК распространил обращение о низложении Временного правительства и переходе власти к Советам. К вечеру были осаждены Главный штаб и Зимний дворец. В ночь с 25 на 26 дворец был взят. Находившиеся в нем министры были арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость.

Когда весь город фактически находился в руках большевиков, 25 октября в 10 час. 40 мин. вечера открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Согласно спискам, на съезд было избрано 670 делегатов, представлявшим около 17 млн. избирателей: 338 делегатов были большевики, еще 100 составляли их союзники - левые эсеры. Меньшевики и правые эсеры огласили декларацию о непризнании полномочий съезда и удалились в помещение городской Думы, где вместе с частью депутатов ВЦИК Советов прежнего созыва, Исполкома крестьянских Советов и членами других организаций заявили о создании "Комитета спасения родины и революции".

В их отсутствие съезд принял Декрет о мире, в котором предлагалось всем воюющим сторонам заключить мир на основе восстановления довоенного *status quo*. Был принят также Декрет о земле, составленный на основе сводки 242 крестьянских наказов, в которых излагались представления крестьян об аграрной реформе. В декрете отменялась частная собственность на землю. Она передавалась в ведение земельных комитетов (крестьянских организаций, возникших в 1917 г.).

На другом заседании 26 октября съезд избрал ВЦИК нового созыва. В него вошли 62 большевика и 29 левых эсеров. Определенное количество мест было зарезервировано на случай возвращения других советских партий. Был утвержден состав нового правительства - Совета народных комиссаров (СНК), состояв-

шего сплошь из большевиков, поскольку левые эсеры еще колебались по вопросу о вхождении в СНК. Председателем СНК стал Ленин.

Победа восстания в Петрограде еще не означала победы большевиков в масштабах всей страны и была, с учетом хаоса и безвластия, царивших в ней, поверхностной и верхушечной. Дальнейший процесс распространения большевистской власти не был легким и безболезненным, хотя, вслед за Лениным, и назывался раньше "триумфальным шествием советской власти". Это было своеобразным отражением победной эйфории. На самом деле все было не так просто. Процесс постепенно перерастал в гражданскую войну с определенной расстановкой борющихся в ней сил.

Установление советской власти происходило в условиях усиливающихся центробежных тенденций и распада страны, углубляющегося экономического хаоса, роста социальной и политической напряженности. Эти факторы, как правило, недостаточно учитываются историками. Провозглашение советской власти в крупных городах и промышленных центрах еще не означало распространения ее на уезды и волости. Далеко не везде еще были Советы, существовали и действовали прежние органы. В ряде мест новую власть приходилось насаждать путем вооруженных экспедиций из центра и опорных пунктов большевиков.

В первые же дни после восстания удалось отбить наступление на Петроград войск Керенского-Краснова и подавить в столице выступление юнкеров.

Одной из первых задач, которую надо было решить большевикам, было окончательное завоевание на свою сторону армии, как действующей на фронтах, так и расквартированной в тыловых гарнизонах. Северо-Западный фронт, проходивший по территории Прибалтики и Финляндии, а также Балтийский флот и Петроградский гарнизон еще до октября находились под сильным влиянием большевиков и в момент переворота фактически составили его вооруженную опору. При участии войск происходило установление советской власти на северо-западных границах России и образование советских республик (Эстляндской, Латгальской). Огромную роль в этих событиях, сыграл корпус латышских стрелков, вся дальнейшая судьба которого оказалась тесно связанной с большевиками. Латышские стрелки стали ударной силой нового режима и кузницей его руководящих кадров.

В соответствии с Декларацией прав народов России, принятой СНК 2 ноября 1917 г., провозглашалось право народов России на самоопределение вплоть до отделения. При этом, по всей видимости, у большевистского руководства, находившегося в плену классовых догм и идей мировой революции, с самого начала присутствовала задняя мысль о том, что охваченные революционным порывом трудящиеся национальных районов этим правом не воспользуются. Однако вышло не совсем так, что и определило на долгие годы вперед двусмысленность национальной политики большевиков. Им пришлось столкнуться с гораздо более сильными национальными и региональными сепаратистскими движениями, чем они могли рассчитывать.

Первый симптом этого проявился в Финляндии. Большевистское руководство надеялось на быстрое и успешное установление здесь советской власти ввиду сильного большевистского влияния и размещения там революционно настроенных частей. Однако финляндский сейм путем переговоров с СНК добился признания независимости Финляндии. Выступление же пробольшевистских элементов после ожесточенной борьбы, которую можно рассматривать как один из сценариев гражданской войны, было жестоко подавлено, правда не без помощи германских войск. И впоследствии при неблагоприятном для большевиков развитии событий на основе той же Декларации приходилось признавать независимость отдельных государств, отпадавших от России.

Вопрос о завоевании армии на сторону революции во многом решался на Западном фронте, где находилась Ставка. Новый Главнокомандующий генерал Н.Н.Духонин в свете происходивших событий заявил о своем нейтралитете. Однако симпатии его были не на стороне большевиков. Не без участия Ставки был организован побег на Дон из Быхова группы генералов и офицеров, арестованных за участие в Корниловском мятеже. Все они вскоре станут главными фигурами гражданской войны на Юге России. Сами же воинские части, расположенные на территории Белоруссии, были настроены весьма революционно. Фактически вопрос об установлении советской власти решался не столько местным населением, сколько воинскими частями и гарнизонами. Воспользовавшись отказом Духонина подчиниться декрету об установлении перемирия на всех фронтах, СНК сместил его с поста и назначил вместо него прапорщика Н.В.Крыленко. Дальнейшие события в старой армии - это история ее распада и развала, повального дезертирства, моральной деградации и массо-

вых бесчинств. Возвращающиеся с фронта солдаты принимали активное участие в борьбе за власть в российской "глубинке".

Вторая столица - Москва оказалась под властью большевиков уже через неделю после Октябрьского переворота в Петрограде, хотя здесь не обошлось без некоторой заминки. Местный ВРК под влиянием умеренных большевиков из Московского комитета партии колебался по вопросу о необходимости вооруженного восстания. Он стремился предотвратить столкновения и решить вопрос о передаче власти мирным путем. С этой целью начались переговоры большевиков и Московского Совета с городской Думой. В поддержку последней антибольшевистские силы образовали "Комитет общественной безопасности", в распоряжении которого имелись верные ему войска. Вскоре население второй столицы стало свидетелем кровавых и продолжительных стычек, дотоле ей известных только понаслышке. Победу большевикам в значительной мере обеспечили действия молодых решительно настроенных революционеров из Московского областного бюро партии большевиков (Н.И.Бухарин, А.П.Смирнов и др.), которые без устали агитировали в рабочих кварталах. Бои в Москве продолжались вплоть до 2 ноября.

В Центральном районе советская власть в целом была установлена быстро и относительно безболезненно. Здесь были сосредоточены основные кадры рабочих России, в массе поддерживавшие большевиков. Здесь же находилось малоземельное крестьянство, наиболее заинтересованное в аграрной реформе и ликвидации помещичьего землевладения. Здесь существовала самая густая сеть советских органов, многие из которых были под влиянием большевиков. Пожалуй, единственное исключение составляла Тамбовская губерния. В Тамбове у большевиков не заладилось с самого начала. Вооруженная борьба за власть продолжалась в нем до февраля 1918 г. И потом, вследствие многих ошибок и извращений, допущенных местными коммунистами, обстановка оставалась неустойчивой, а закончилось все это "антоновщиной" и беспощадным подавлением восстания местного населения против большевистского режима.

По раскладу социальных и политических сил крестьянское и торговое Поволжье заметно отличалась от Центра. Как показали выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г., общественные настроения здесь склонялись в пользу партии эсеров, отражавших позиции местного по большей части зажиточного крестьянства. Советская власть устанавливалась здесь намного труд-

нее, зачастую путем вооруженных походов, и, как показали дальнейшие события, оказалась весьма зыбкой.

Урал, как один из промышленных районов России, оказался как бы разделенным между "пролетарски настроенными" центрами и зажиточным казачеством на юге. Главную роль в событиях стал играть Екатеринбург, где находился Уральский Совет, сыгравший роковую роль в судьбе династии Романовых, которые после ряда сложных перипетий оказались на Урале. Оренбургские казаки создали собственное войсковое казачье правительство во главе с атаманом А.И.Дутовым. Против него были направлены отряды Красной Гвардии, руководимые будущим полководцем гражданской войны В.К.Блюхером, которому удалось оттеснить Дутова в дальние станицы.

Непрочной и верхушечной оказалась власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке, хотя в большинстве крупных центров она была провозглашена вслед за событиями в Петрограде. В самих Советах здесь было заметным влияние меньшевиков и эсеров. Очень скоро в этих районах обнаружилось сепаратистские тенденции и образование своих независимых от центра правительств.

Острые столкновения сопровождали установление нового режима на Дону, Кубани и Северном Кавказе. В сущности эта территория становится очагом собирания правых антибольшевистских сил. Сюда стекались офицеры старой армии, монархисты, кадеты и т.д. Очень многое в этом районе зависело от позиций донского и кубанского казачества. Первоначально большевикам удалось привлечь их на свою сторону путем ряда уступок, в частности местному сепаратизму. Было объявлено об образовании Донской, Терской, Черноморской, Горской и других республик. Благодаря этому, донское казачество, например, не поддержало своего атамана Каледина, выступившего против советской власти. Одновременно в этом районе началось формирование Добровольческой армии во главе с Корниловым, которая с боями уходила на юг от наседавших на нее красных войск. Картина на Юге России оставалась крайне пестрой и противоречивой. Вскоре большевики своей политикой разказачивания и поддержкой "иностранцев" восстановили против себя местное население и вызвали всеобщее восстание на Дону против советской власти.

Еще менее прочными оказались позиции большевиков в Закавказье. Пребывание в регионе частей Кавказского фронта, далекого от политических бурь, не оказывало заметного воздей-

ствия на обстановку. После Октября на территории Закавказья была провозглашена власть Закавказского комиссариата, который фактически продолжал политику Временного правительства. Главный пункт влияния большевиков в регионе был Баку, где в марте 1918 г. была провозглашена Бакинская коммуна, проводившая весьма своеобразную и отличную от Центра политику. В конечном счете власть в Закавказье оказалась в руках местных национальных правительств: в Грузии - местных социал-демократов-меньшевиков, в Армении - дашнаков, в Азербайджане - партии "Муссават".

В Средней Азии наблюдалось своеобразное противостояние между Советами, чаще всего объединявшими некоренное население и солдат, и местными организациями мусульманского толка, находившимися в зачаточном состоянии и борющимися за создание так называемой "Кокандской автономии". Основная же масса местного населения была темна и безграмотна и активного участия в политической жизни не принимала. Взаимное противостояние закончилось в апреле 1918 г. провозглашением Туркестанской советской республики. Сохранялась также власть бухарского эмира и хивинского хана. В своей дальнейшей политике СНК Туркестанской республики, возглавляемый большевиками и левыми эсерами и остававшийся в сущности инородным образованием в регионе, наделал столько ошибок, что потребовалось едва ли не десять лет, чтобы хоть как то нейтрализовать их негативные последствия.

Но, пожалуй, наиболее сложной после октябрьских событий была обстановка на Украине. Развитие ситуации определялось здесь несколькими факторами. Во-первых, сильным национальным движением, проявившим себя еще до октября 1917 г. Во-вторых, резкими различиями между районами в социальном, этническом и культурном отношениях. В-третьих, прохождением по территории Украины и Бессарабии двух фронтов: Юго-Западного и Румынского, концентрировавших наиболее значительные силы действующей армии. Немаловажное значение принадлежало также Черноморскому флоту (командующий - адмирал А.В.Колчак, будущий диктатор Сибири). В-четвертых, ходом переговоров по поводу заключения мира с Германией и Австро-Венгрией.

После событий в Петрограде один за другим города Украины провозглашали власть Советов. В Киеве в результате вооруженного восстания власть Временного правительства была свергну-

та, но перешла в руки Центральной Рады, которую поддержали фронтовые части, состоявшие главным образом из украинцев. 7 ноября было объявлено об образовании Украинской народной республики. По всей Украине развернулись столкновения между Советами и Центральной Радой, причем на востоке победа склонялась в пользу большевиков, на западе - на сторону националистов. Тем не менее созванный в начале декабря Всеукраинский съезд Советов принес перевес Раде. Тогда сторонники большевиков переехали в Харьков, где вместе с Советами Донбасса и Криворожья провели другой съезд и провозгласили на нем Украинскую советскую республику. На Украине возникли две столицы, два правительства, две армии. Большевики из Центра, инспирируя Советы и их деятельность, вели одновременно осторожную игру, которая зависела от успеха той или другой стороны. В январе советские войска развернули наступление на Киев. Территория, контролируемая Центральной Радой, неумолимо сокращалась. 22 января ею был принят знаменитый IV Универсал, который объявлял Украину независимой, а уже через несколько дней Киев был занят советскими войсками. Тем не менее правительство Ленина признало полномочия Рады на мирных переговорах в Бресте, где 9 февраля ею был заключен сепаратный мир с немцами. С помощью германских войск Раде удалось освободить от большевиков большую часть Украины. Однако и самой Раде не удалось устоять. Вместо нее на Украине было создано марионеточное прогерманское правительство во главе с гетманом Скоропадским.

Так разворачивались события на огромном пространстве бывшей Российской империи в первые месяцы после октябрьских событий в Петрограде. Примерно к марту 1918 г., когда большевикам в результате длительных переговоров с представителями центральных держав удалось заключить мир, их власть распространилась уже на достаточно обширную территорию. Наступил короткий период относительного затишья, использованный большевиками для решения своих внутренних проблем.

3. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

Захватив власть в Петрограде, большевики сразу же приступили к осуществлению революционного переустройства общества. В связи с этим следует сказать о характере и сущности проводимых ими преобразований. Они имеют узловое значение для понимания всего периода советской истории и, к сожалению, почти не затрагиваются в современной отечественной историографии.

Вместе с революцией на сцену исторического действия вышли обычные рядовые люди или, как назвал их писатель А.Платонов, "массы, стремящиеся в даль истории". Но простых и ясных лозунгов, языком которых раньше говорила революция, теперь уже было недостаточно. Предстояла огромная, каждодневная, будничная работа по налаживанию хозяйства, упорядочению всех сфер общественной жизни. Однако понимание этого трудно входило в сознание победителей. Легкость, с которой была одержана победа, пьянила революционеров. Будущее казалось светлым и безоблачным. Не за горами виделась мировая революция. Мы, дескать, уже начали, теперь дело за трудящимися других стран. В этом общем хоре, звучащем на митингах, собраниях, съездах, почти не были слышны отрезвляющие голоса, говорившие о том, что победителей ждут впереди невероятные трудности и испытания. Это, в частности, один из первых чутко уловил Ленин и отметил в своей речи на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. Но даже он не мог предполагать, с каким числом тяжелейших испытаний вскоре придется встретиться новому режиму и какое хилое и уродливое детище появится в родовых муках революции.

При анализе первых мероприятий большевиков необходимо постоянно иметь в виду, что в их действиях шло снизу, непосред-

редственно от самих масс, что было продиктовано марксистской доктриной, что из всего этого получалось в реальной действительности. Видимо, не уйти от постановки вопроса о том, представляли или нет марксистские идеи некую утопию, неосуществимые мечтания, тем более в условиях тогдашней Советской России. Нельзя отметать этот вопрос с порога, как часто это делается сегодня, а нужно разобраться в нем по существу, хотя бы потому, что все, что делалось в Советской России, освящалось именем Маркса.

Надо отдать справедливость "Бороде", как уважительно и ласково называли большевики своего Учителя, в том, что в его трудах можно найти оправдание многому из того, что произошло в России и в ряде других стран. Этот вариант не был исключен "классиками" из перспектив развития мирового революционного процесса и движения к коммунизму. Если обратиться к основным положениям учения Маркса, что сегодня мало кто делает, предпочитая говорить о крахе коммунизма или продолжая настаивать на прежних догмах, то вкратце следует напомнить следующее.

Согласно марксизму, развитие человеческого общества имеет цель - коммунизм. В основе движения к коммунизму лежит развитие производительных сил. Определенному уровню развития производительных сил должны соответствовать некоторые производственные отношения. Их единство образует общественную формацию. Одна формация сменяет другую, причем процесс идет по восходящей линии: от низшей формации к высшей. Это, так сказать, линейная схема общественного развития, причем суть ее составляет именно движение, а один из интерпретаторов марксизма Э.Бернштейн специально подчеркивал этот момент тезисом: "Движение - все, конечная цель - ничто!". В процессе поступательного движения и рождаются контуры будущего более прогрессивного общественного устройства.

Изначальная идея учения Маркса - постижение человеком сущности своего бытия и преодоление (снятие) на этой основе отчуждения. На различных ступенях истории возникают те или иные формы отчуждения: отчуждение человека от природы, от средств производства, от общества, от власти. Коммунизм, в конечном счете, призван снять все эти формы отчуждения. Таким образом, коммунизм - это не общество поголовных коммунистов, изобильно потребляющих материальные и духовные блага, как его представляли у нас, а общество, в котором человек живет в согласии с природой, своим окружением, самим собой.

Трудно возражать против такой перспективы, ибо она весьма привлекательна. И пока она живет, вряд ли можно говорить о

крахе коммунизма как идеи. Однако сегодня говорят именно о крахе коммунизма. Так о чем же идет речь?

Необходимо заглянуть в теорию поглубже. Главной причиной отчуждения, а значит и главным препятствием для его преодоления, движения к коммунизму Маркс, а затем и его многочисленные последователи считали институт частной собственности, который является исторически преходящим. В историческом развитии общества постепенно нарастает противоречие между все возрастающим общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов. Своего апогея это противоречие достигает при капитализме. И вот Маркс и его рьяные сторонники обрушиваются с критикой на частную собственность, на товарно-денежные отношения, на закон стоимости, на капитализм. Анатомия капитала, которую дал Маркс в своем гигантском труде, была воспринята большевиками в России как катехизис, причем зачастую в весьма упрощенном и утрированном виде, игнорировавшем другие части марксистского учения. Достаточно, мол, ликвидировать частную собственность, и путь к коммунизму обеспечен.

Но тот же Маркс предупреждал, что единовременно упразднить частную собственность нельзя. Общество должно пройти через нее, как бы "переболеть" ею, пройти через испытание частной собственностью. Сегодня в печати идет ее возвеличивание "до небес". Говорится о вечности и неизменности этого института, его происхождении от Бога, о соответствии его реальной природе человека. Но, думается, что это такая же догма, как и многие, ранее царившие в умах. Особенно превозносить, видимо, не стоит. Общество, основанное на "священном праве частной собственности", имеет свои изъяны и недостатки, и аргументы против него имеют свои основания. К тому же история демонстрирует нам два совершенно неоспоримых факта: во-первых, что на заре человеческого существования не было частной собственности, которая возникла только на определенной ступени разделения общественного труда; во-вторых, что опыт, особенно последних десятилетий, постоянно показывает развитие этого института в сторону обобществления и возрастания удельного веса общественной собственности. Можно видеть также, как эволюционирует частная собственность в условиях научно-технических революций, как возникают новые социально-экономические категории на основе измененных понятий собственности (народный капитализм, например). Можно почти наверняка предугадать, что произойдет с этим институтом в грядущих информационных, "зеленых" и т.д. революциях, которые уже сегодня маячат на горизонте.

Большое заблуждение - отождествлять общественную собственность с государственной, что под влиянием свойственных началу века тенденций произвольно произошло в умах теоретиков большевизма. Государство - всего лишь один из общественных институтов. Огосударствление собственности может быть одним из возможных этапов на пути превращения частной собственности в общественную, причем сопряженном с крупными для общества издержками. Частная собственность при этом руками государства как бы конституируется во всеобщую частную собственность. Она принадлежит вроде бы всем и никому в отдельности. Государство становится ее верховным распорядителем и считает своим долгом и обязанностью в соответствии с принципами равенства и справедливости наделять своих граждан результатами общественного труда. Для этого создается необходимый аппарат учетчиков, контролеров, надсмотрщиков и т.д. Тем самым этот аппарат встает в особое отношение к государственной собственности. Он, как говорят, находится поближе к "кормушке" и при благоприятных обстоятельствах не преминет воспользоваться этим своим преимуществом.

В природе и обществе, как известно, равенства нет, и обеспечить его на практике становится эфемерной задачей. Неизбежно возникает система приоритетов, основанная на близости к основным рычагам власти и распределительному механизму государства. На этой основе создается общество взаимного недоверия, всеобщей зависти, догляда друг за другом, поощряемого доносительства. Чтобы удерживать такое общество в нормальном состоянии, снимать постоянную напряженность, необходима сильная власть в лице диктатуры или деспотии. Маркс называл такой вариант бюрократическим или деспотическим социализмом, который вполне вероятен на пути к коммунизму и который, несмотря на очевидные свои несовершенства, все же обладает преимуществами по сравнению с капитализмом. Судя по тому, что происходило в так называемых социалистических странах, предвидения подобного рода оправдались. Они же послужили исходным материалом для создания многочисленных коммунистических антиутопий.

Странное дело, но предупреждения о вполне вероятном и в какой-то мере неизбежном результате воплощения на практике коммунистических идей не принимались в расчет. Более того, имеющие место изъяны, которые нуждались в критическом осмыслении и преодолении, выдавались за достижения. Наблюдалась своеобразная подмена понятий. На этой основе рождались различные концепции: построения социализма в основном, полной и окончательной победы социализма, развитого, реального, зрелого социализма, в которых закреплялись в общем-то несо-

вершенные общественные формы. Слов нет, были достижения и великие свершения, но достигались они ценой огромных издержек и жертв, ставящих под сомнение правомерность самой цели и коммунистических идей вообще. Но, справедливо отмечено, что идеи правят миром. Но верно и то, что очень часто, как показывает история, из их реализации в действительности выходит совсем не то, что замысливалось.

Считалось, что гениальным открытием марксизма было учение о классовой борьбе, которая является главным двигателем истории. Она-де служит способом разрешения противоречий. При этом возможны варианты: эволюционный или реформистский и революционный, радикальный. Из этого положения собственно и выросли два направления социал-демократии. Экстремистский радикальный путь в силу целого ряда причин, о которых уже говорилось, был взят на вооружение большевиками в России, утверждавшими, что именно они являются истинными и последовательными марксистами. Революция для них стала делом всей жизни. Классовая борьба была возведена ими в абсолют, превратилась в единственный и законченный смысл истории.

Сам основатель марксизма много писал о классовой борьбе, о грядущей пролетарской революции, и, видимо, прав был Ленин, указывая, что из логики его сочинений непреложно вытекает вывод о необходимости революции и установления диктатуры пролетариата на весь переходный период от капитализма к коммунизму, хотя у самого Маркса на этот счет сказано немного, и учение о диктатуре пролетариата детально было разработано самим Лениным.

Для понимания логики и характера революционных преобразований большевиков и создания ими нового государственного устройства важное значение имеет книга Ленина "Государство и революция". Сегодня ее не нужно откладывать в сторону, а наоборот, необходимо ее новое прочтение, так как она лучше всего говорит о том, как представляло себе большевистское руководство направление и смысл будущих революционных преобразований как раз тогда, когда появилась реальная возможность захвата власти. Именно в этом труде Лениным дается его понимание диктатуры пролетариата. Диктатура - ничем не ограниченная власть. Как всякая власть она имеет два лица: разрушительное и созидательное. Она использует различные средства господства и подчинения: насилие, принуждение, убеждение и др. Диктатура пролетариата, по Ленину, есть власть одного класса, власть полная и ничем не ограниченная, реализуемая через целую систему государственных и негосударственных общественных институтов. С большим пафосом Ленин пытается

доказать, что диктатура пролетариата отвечает интересам всех трудящихся. Любое государство, утверждает он, является орудием классового господства, инструментом насилия и принуждения. Эта роль государства реализуется через такие государственные учреждения, как армия, полиция, суд, тюрьмы, и т.д. Задача пролетариата в революции состоит в том, чтобы первым делом разрушить старую государственную машину, сломать ее как орудие принуждения и насилия. Но чем ее заменить? Цель коммунизма - всеобщее управление народа, общество без государства и государственных функций. Но сразу достичь такого состояния нельзя, в противовес требованиям анархистов немедленно отменить государство. Взамен Ленин выдвигает положение о постепенном отмирании государственных функций. Если Маркс говорил о государстве-коммуне, которая уже не является в полном смысле государством (опыт Парижской коммуны), то Ленин обращает внимание на Советы как органы народовластия. На место бюрократии как главного атрибута государственного управления предлагается постепенное вовлечение трудящихся в управление государством через Советы; вместо армии - всеобщее вооружение народа; полицейские и судебные функции тоже будут вершиться самим народом; вместо тюрем будут созданы специальные воспитательные учреждения. Предполагалось, что в руки Советов, рабочих и крестьянских организаций перейдут фабрики, заводы, земля, прочее имущество. Для организации производства и распределения намечалось ввести повсеместный учет и контроль, осуществляемый Советами и специально созданными ими комиссиями. Таков был план-схема будущего общественного устройства, и надо сказать, что поначалу большевики действовали в соответствии с этими предназначениями.

Прежде чем говорить о самих мероприятиях большевиков, следует затронуть еще один важный пункт в построениях марксизма. Ну хорошо, путем революционного насилия захвачена власть, начался процесс разрушения старой государственности и создания новой. Но что должно стать побудительным мотивом, мотором, позволяющим приводить в движение общество, заставлять его двигаться к коммунизму? Здесь в марксизме обнаруживаются явные слабости. Что касается капитализма - вопрос ясен. Его движущей силой является рынок, товарно-денежные отношения. Марксизм же апеллирует к сознательности людей, познающих законы общественного бытия. Тем самым преувеличивается общественный характер человека. Но человек еще и личность сам по себе. Человек к тому же еще и существо биологическое со свойственными ему инстинктами. Человек плохо укладывается в общественные схемы, имеет свою внутреннюю ме-

ру. Что если у людей нет или не хватает сознательности, нет стремления к тем благам, которые сулят ему светлое будущее?

Советская историография постоянно твердила, что в момент революции марксистские идеи широко распространились в массах в результате неустанной агитационно-пропагандистской работы большевиков. Их сторонники, как свидетельствует язык революции, назывались "сознательные рабочие и крестьяне", противники - "враги трудового народа", "буржуи", "эксплуататоры" и т.п., остальные - "несознательные граждане". Вряд ли можно отрицать тот революционный экстаз, который охватил многомиллионные слои населения России. Но многое еще зависело от того, как и каким образом воспринимали коммунистические идеи люди малообразованные с низким уровнем культуры или при почти полном отсутствии знаний. Большинство усваивало их весьма своеобразно, а как именно - в стущенных красках показал уже упоминавшийся А.Платонов, писатель гениального социального видения, в своем романе "Чевенгур". Коммунизм выступал скорее как новая религия, где подчас смешивались и парили самые нелепые и смутные образы. И не случайно даже в официальных источниках проповедники новой власти назывались "апостолами пролетарского евангелия".

Практическая реализация большевистских идей осуществлялась под лозунгами диктатуры пролетариата, государственной формой которой провозглашались Советы. Но Советы по своему происхождению не были таковыми. Поэтому первая задача, которую решали большевики - окончательное превращение Советов в орудие своей политики. Она решалась следующими способами. Во-первых, объединением различных типов советских органов, повсеместным насаждением единой иерархически организованной советской системы власти и управления сверху донизу, упорядочением, подчинением и слиянием с Советами всех других органов центрального и местного управления. Все это трактовалось как слом старой государственной машины и строительство нового советского аппарата. Во-вторых, обеспечением всеми правдами и неправдами большинства в Советах за коммунистами. На первых порах после Октябрьского переворота в Советы допускались представители других партий, но к ним предъявлялось жесткое требование - следовать в русле большевистской политики. Выступления против нее трактовались как антиреволюционные действия со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Советы, бесспорно, были органами народовластия, но органами весьма специфичными, которые могли появиться только на российской почве. Даже с внешней стороны их устройство было связано со способами организации представительной влас-

ти в России - с традициями соборности, коллективного разума, общинного мышления и существования. Этому была подчинена и система выборов в Советы: пропорциональная, многоступенчатая, путем открытого голосования за выдвинутых кандидатов на съезды (делегатов) и исполкомы (депутатов). Это было в сущности представительство разного уровня учреждений и организаций, а не народных избранников. Если говорить о демократии, то Советы были органами скорее прямой ("митинговой") демократии, чем представительной. Эти особенности Советов были искусно использованы большевиками и обращены ими в свою пользу.

С точки зрения демократии и полноценного народного представительства Советы с самого начала заключали в себе ряд ограничений и несовершенств. Первое - это исключение из советской системы так называемых "эксплуататоров". И хотя Ленин считал подобное ограничение необязательным условием пролетарской диктатуры, продиктованной спецификой классовой борьбы в России, тем не менее оно стало одной из главных опор советской власти на долгие годы вперед. Круг "лишенцев", т.е. людей, выброшенных из политической жизни, расширялся по мере обострения обстановки и общественного противостояния. Второе - это неравные права в Советах для жителей города и деревни. Это стало очевидным после присоединения крестьянских Советов ко всей советской организации, происшедшее на III Всероссийском съезде (январь 1918 г.). Дело в том, что городские и крестьянские Советы избирались по разным нормам представительства. Чем выше был уровень советского органа, тем больше оказывалось преимуществ для городских избирателей. В таком виде советская организация была закреплена в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой на том же съезде, а затем и в первой советской конституции, утвержденной на V Всероссийском съезде Советов в июле 1918 г. Так, Всероссийский съезд составлялся из расчета 1 делегат на 25 тыс. городских избирателей и 1 - на 125 тыс. сельского населения, т.е. всех жителей. Поскольку понятия "житель" и "избиратель" не равны, то реальное преимущество для первых составляло примерно три к одному. Это обстоятельство также было использовано для нужд "диктатуры пролетариата" и проведения большевистской линии. Обладая подавляющим большинством в верхних этажах советской системы: на Всероссийском съезде, ВЦИК, в центральном государственном аппарате, коммунисты получали возможность осуществлять диктатуру сверху. Тем самым создавались предпосылки для централизации и стеснения прав местных органов. Принцип демократического централизма, т.е. централизма, который держится на инициативе снизу и привер-

женцами которого заявляли себя большевики, оказался извращенным в самом основании.

Главные усилия большевиков в организации власти с самого начала были направлены на конструирование системы центральных распорядительных органов. По идее они также должны были быть подконтрольны и подотчетны Советам и формироваться при непосредственном участии Советов. Уже говорилось, что на II Всероссийском съезде был образован СНК, состоявший из одних большевиков. Попытки ряда партий и организаций вытеснить Ленина и его сторонников из правительства, создать коалиционное или однородное социалистическое правительство были решительно пресечены.

Декретом об образовании СНК определялся список народных комиссариатов и возглавлявших их комиссаров. Народные комиссариаты поначалу представляли собой по сути прежние министерства Временного правительства. Революционным новшеством стало, помимо изменения названия, образование коллегий наркоматов. Коллегия представляла собой народного комиссара, т.е. большевика, более или менее смыслившего в той или иной отрасли управления, и его помощников. Задачей коллегии было обеспечить преемственность в управлении, подавить саботаж, которым чиновники встретили установление нового режима, преобразовать аппарат, изгнать из него враждебные элементы, привлечь к управлению рабочих ("оработить аппарат") и революционно настроенных специалистов, которых в распоряжении новой власти было крайне мало. Поэтому проблема специалистов неизбежно должна была всплыть на повестку дня и в центр оживленных дискуссий.

Постепенно большевики приступают и к созданию "своих" революционных органов. Пожалуй, лучше всего демонстрирует то, как мыслили себе большевики новый аппарат, образование Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ), который в советской литературе назывался "главным штабом социалистической промышленности". В революционных преобразованиях большевики вообще отводили особое значение созданию хозяйственных органов.

ВСНХ был учрежден декретом ВЦИК 2 декабря 1917 г. и формировался как выборный коллегиальный орган, предназначенный для организации всего народного хозяйства и финансового дела Советской республики. В его состав вошли Всероссийский совет рабочего контроля, Центральный совет фабрично-заводских комитетов, представители отраслевых профсоюзов. Во главе Президиума ВСНХ стоял Н.Н.Осинский (Оболенский), а с февраля 1918 г. - А.И.Рыков. В аппарат ВСНХ были включены прежние государственно-регулирующие органы, правления

крупнейших трестов и синдикатов. На местах создавалась сеть территориальных СНХ (областных, губернских и т.д.), обладавших относительной самостоятельностью. Самым высшим органом, решения которого были обязательными для всех субъектов хозяйственной деятельности, был съезд советов народного хозяйства. Таким образом, система хозяйственных органов создавалась в соответствии с представлениями большевиков о демократии в сфере производства. Никто не предполагал, что очень скоро из этой системы вырастет ужасающий бюрократический монстр, но об этом несколько позже.

Первоначально большевики не планировали создание каких-либо органов насилия, подавления сопротивления свергнутых классов. Подобно тому как в области военной предполагалось оборонять республику в случае опасности всеобщим вооружением народа, так и в случае возникновения внутренней угрозы ожидалось, что существующие органы народовластия - Советы, выборные суды, народная милиция вполне справятся с этой задачей. Надежды на это не сбылись. Постановлением СНК от 20 декабря 1917 г. при нем была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК). Из названия видно, по какому поводу был создан этот чрезвычайный орган. Возглавлял коллегию ВЧК большевик польского происхождения Ф.Э.Дзержинский. Однако объем деятельности ВЧК стал очень быстро возрастать за рамками наспех сформулированных функций комиссии. ВЧК очень быстро стала обретать образ грозного и беспощадного орудия советской власти в борьбе со своими противниками. Главную роль при этом играли формы и методы работы комиссии, отсутствие законной основы ее деятельности. Рассказы об ужасных расстрелах, тюрьмах и концлагерях, которые якобы с самого начала были характерны для ВЧК, сильно преувеличены. "Карающий меч диктатуры пролетариата" разворачивался по мере обострения обстановки. В арсенале средств борьбы ВЧК, согласно постановлению, были конфискация имущества, выдворение за пределы Советской республики, лишение продуктовых карточек, включение в список "врагов народа". В положении о революционных трибуналах, которым ВЧК должна была передавать задержанных, максимальное наказание, которое было предусмотрено, - до 4 лет тюремного заключения. Однако не было гарантий против злоупотребления властью. ВЧК и местные чрезвычайки были органами, которые должны были формироваться преимущественно из рабочих, но, вследствие своего особого положения, они, как магнит, стали притягивать массу разнородных, случайных, своекорыстных элементов.

Пожалуй, быстрее всего был развенчан миф о возможности обойтись без регулярной армии, опираясь только "на вооруженный народ", поскольку большевики пришли к власти в момент противостояния современных армий. Отряды Красной Гвардии, находившиеся в распоряжении ВРК, не могли выполнять функции защиты государства. Поэтому встал вопрос о судьбе старой армии и не только ее, но и всего огромного военно-регулирующего механизма старой России в лице министерств, штабов, военно-учебных заведений, особых совещаний и т.д. Сразу же отпал вопрос об использовании старой армии, поскольку в нее самими большевиками был запущен вирус разрушения. После Октября никакие попытки не могли уже остановить процесс ее полного распада. Только состояние мирных переговоров с Германией и ее союзниками, достигнутое большевиками перемирие позволяли в какой-то мере удерживать фронт.

В декабре 1917 г. СНК признал необходимость создания новой армии, а 15 января 1918 г. специальным декретом СНК провозглашалось создание Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) на добровольных началах. В апреле была организована сеть военных комиссариатов на местах. К маю РККА насчитывала в своих рядах около 300 тыс. человек. РККА, как выясняется сегодня, возникла на обломках старой армии за счет ее кадрового состава. Поляризация сил, характерная для русского общества, коснулась и профессиональных военных. Кроме того, в рядах любой армии, имеется немалое число людей совершенно индифферентных к политике, для которых главное - стабильность положения и стабильные гарантии. Определенная их часть оказалась в Красной Армии, продолжала работать в военных учреждениях. Чтобы обеспечить революционный классовый характер в строительстве новых вооруженных сил проводился процесс их политизации через институт политкомиссаров. Управление военным ведомством было сосредоточено в руках коллегии Народного комиссариата по военным и морским делам (Наркомвоена), политическое управление - Революционного военного совета (Реввоенсовета, РВС). Во главе обоих учреждений стал человек сугубо гражданский, но чрезвычайно популярный в стране - Л.Д.Троцкий. Его вклад в строительство Красной Армии еще далеко не изучен. С его именем связан дальнейший процесс профессионализации РККА, отмены принципа выборности командиров, привлечения военных специалистов, учреждения и преобразования системы военно-учебных заведений, отказа от добровольности и перехода на всеобщую воинскую обязанность.

Многие закономерности, свойственные строительству высших и центральных органов, повторились на местах. Правда, необхо-

димо учесть, что здесь наблюдалось подчас гораздо больше самостоятельности и самостийности до тех пор, пока Наркомат внутренних дел (НКВД), орган, ответственный за местное управление, не сумел примерно к весне 1918 г. придать этому процессу какое-то единообразие. Еще с дооктябрьских времен на местах оставалось пестрое разнообразие органов управления и самоуправления: земств, городских дум, комитетов, союзов и др. Они продолжали существовать и после Октября. Их взаимоотношения с Советами строились в зависимости от расстановки политических сил. Если на местах верховодили большевики и сотрудничавшие с ними партии, то особых проблем не возникало: местные органы поглощались Советами на правах соответствующих отделов. В иных случаях нередки были конфликты, сопротивление и саботаж, чреватые постановлениями о ликвидации или роспуске старых органов, передаче их имущества Советам.

Таким выглядел "слом старой государственной машины и строительство нового советского аппарата" в первые месяцы после Октября, известные в литературе как "период Смольного", т.е. пребывания руководящего штаба большевиков в Петрограде, в "колыбели пролетарской революции". (С марта 1918 г. функции революционной столицы переходят к Москве после переезда туда главных государственных учреждений). Можно убедиться, что масштабы "слома" в литературе сильно преувеличены. Свойственные любому государственному организму функции либо сохранились, либо были восстановлены в новой видоизмененной форме. Некоторые ведомства (земледелия, финансовое, почтово-телеграфное, путей сообщения и др.) практически полностью под иными названиями "перелились" в новую систему, функции других, например народного образования в лице Наркомпроса, были существенно расширены в связи с новыми политическими и культурными задачами. В строительстве "нового здания" было использовано значительно больше "кубиков" прежнего государственного устройства, чем можно было предполагать.

Необходимо учесть, что в момент революции в стране существовало огромное число различного рода общественных организаций, объединений, союзов: производственных, профессиональных, кооперативных, женских, молодежных и пр. Одних профсоюзов всероссийского и местного уровня насчитывалось до 2 тыс. Во всех этих организациях происходила борьба за политическое влияние, аналогичная той, которая шла в Советах. После революции вектор этой борьбы резко поворачивается в сторону большевизации, хотя общественные организации еще долгое время служили последним прибежищем для представителей других партий. Общее направление развития общественных организаций в послеоктябрьский период - это их централизация

и "осоюзивание". Как они происходили, нагляднее всего проявлялось в профессиональных объединениях. Уже в период октябрьских событий в стране сложилось мощный Всероссийский союз рабочих-металлистов (ВСРМ), находившийся под сильным влиянием большевиков. Он и послужил образцом для организационной перестройки профсоюзов по единому производственному принципу, утвержденному на I Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. Другим мощным профессиональным объединением, сложившимся к Октябрю, был профсоюз железнодорожников, возглавляемый его исполнительным органом - ВИКЖЕЛем, где главную скрипку играли меньшевики. После Октябрьского переворота ВИКЖЕЛЬ заявил о своей политической нейтральности и потребовал создания однородного социалистического правительства, грозя в случае отказа парализовать забастовкой все железные дороги. Ценой больших усилий удалось подавить конфликт, известный в литературе как "викжеляние". Дальнейшие шаги очень примечательны для характеристики действия большевиков в отношении профсоюзов. Под предлогом, что ВИКЖЕЛЬ не отражает подлинных интересов рабочих-железнодорожников был "запущен" параллельный орган - ВИКЖЕДОР, функцией которого стало "перетягивание каната" на сторону большевиков. Такими способами к концу 1918 г. в республике была создана единая система профсоюзных организаций. Она состояла из 21 больших производственных союза, каждый во главе со своим ЦК и территориальными комитетами на местах. Общее руководство профсоюзами осуществлял ВЦСПС (Всероссийский центральный совет профсоюзов) и его региональные советы. Такое устройство позволяло большевикам легко контролировать профсоюзы. Дальнейший процесс централизации профсоюзного движения вел к установлению принудительного членства, быстрому установлению аппаратных структур, бюрократизации деятельности профсоюзов. Примерно то же самое происходило в других общественных организациях.

Если обратиться к судьбам политических партий после революции и их взаимоотношениям, то здесь нельзя не отметить несколько принципиальных моментов. Большевики, конечно, были заинтересованы в расширении политической базы революции и в поиске союзников. Иначе и быть не могло, ибо в тогдашних условиях другая тактика была бы равносильна политическому самоубийству. Однако очень скоро политическая власть в Советской республике обретает зримые черты однопартийной диктатуры. Почему это произошло?

Если внимательно присмотреться к теории пролетарской диктатуры, стройном здании новой государственности, начертанным на бумаге Лениным и его соратниками, то в ней не уви-

деть места для других партий. В самом деле, ядром пролетарской диктатуры, объединяющим деятельность всех государственных и негосударственных органов, объявлялась коммунистическая партия большевиков. [Официальное название партии с момента ее VII съезда в марте 1918 г. - РКП(б)]. Претворение на практике этой идеи вело к однопартийной системе. Первоначально большевики обуславливали участие в политической жизни других партий признанием советской власти. Многие из социалистических партий после Октября в принципе не были против признания ее легитимности и готовы к сотрудничеству, оговаривая его рядом условий. Поэтому пользоваться термином "антисоветские выступления" применительно к этому времени, нужно осторожно. Скорее речь идет о противодействии политике большевиков. Не могла не вызвать неприятие других партий та роль, которая им отводилась, а именно - жалких соглашателей со всеми большевистскими импровизациями. Первыми жертвами на пути к однопартийной диктатуре стали меньшевики и эсеры, исключенные из Советов декретом ВЦИК от 14 июня 1918 г. После "мятежа" левых эсеров в начале июля 1918 г. и их "выдворения" из Советов, последние становятся почти однородными в партийном отношении. Особого смысла в существовании партий или их остатков, уготованных на роль придатков к большевикам, не было, и, забегая вперед, можно увидеть, что все они были поглощены правящей партией или самораспустились. Тем же, кто продолжал упорствовать в своей оппозиции, предстояла нелегкая судьба.

В целом однако, говоря о первом периоде революционных преобразований, вряд ли можно сказать об окончательном утверждении большевистской диктатуры. Процесс ее утверждения требовал времени. Новая власть была еще слишком слабой. Она напоминала скорее грубо и наспех сколоченное сооружение, чем стройное здание государственного устройства. Ей еще предстояла длительная и упорная борьба за выживание, в ходе которой возникли еще более странные и причудливые формы, характеризующие новое общество и государство. Говоря об этом времени, трудно, например, определить, особенно на местах, в чьих же руках была сосредоточена реальная власть: то ли советского исполкома, то ли партийного комитета, то ли ревкома, то ли местной чрезвычайки. Источники предоставляют обильный материал для размышлений. Окончательное оформление однопартийной диктатуры выходит за рамки революции и гражданской войны.

Необходимо сказать несколько слов о действующих лицах первых революционных преобразований, людях безымянной массы с буйством чувств и незрелостью мысли. Они олицетворя-

ли собой неразвитую, незрелую демократию, близкую к власти толпы, оклократии. Этим объясняются многие эксцессы революционного времени, которые трудно оправдать и от которых вынуждено было отмежевываться само большевистское руководство: массовые расправы, погромы, грабежи и т.п. У такой неразвитой и незрелой демократии есть особенность - она некомпетентна, плохо разбирается и ориентируется в событиях, следует за своими инстинктами и побуждениями, а не доводами разума и здравого смысла. Это лежит в основе такого явления, как вождизм. Люди ищут того, кто умел бы говорить на их языке, умел переложить в доступные лозунги их чаяния и надежды. Чем выше уровень некомпетентности масс, тем более они склонны полагаться на своих вождей вплоть до создания образа безусловного "харизматического" лидера.

Революция сумела выдвинуть немало вождей из рядов различных политических партий. Что имело решающее значение: умение улавливать общественные настроения, излагать их просто и доходчиво. Почти все вожди революции были пламенными ораторами, известными публицистами, более или менее образованными людьми. Их выдвижение на роль вождей - явление закономерное. Только развитым формам демократии претит вождизм. В условиях же незрелой демократии вождь и массы образуют единое целое. Если читать протоколы и отчеты о массовых сборищах революционного периода, то это - сплошные речи вождей, сопровождаемые оглушительными аплодисментами, выкриками, топаньем и свистом рядовых участников событий.

Вряд ли стоит рассматривать подобные явления как свидетельство выхода на историческую сцену так называемой тоталитарной личности, хотя, бесспорно, что авторы, которые придерживаются концепции тоталитаризма для объяснения некоторых событий в истории XX в., правы, отмечая общую тягу масс к участию в политической жизни и формирование определенных стереотипов массового сознания. Однако каждый человек в любых исторических условиях остается прежде всего личностью, которую массовое сознание до конца никогда не сможет подавить. В этом, собственно, и заключается источник сложностей и противоречий в историческом процессе и невозможность подвести его под какой-то один знаменатель.

Опасность вождизма на первых порах революционных преобразований состоит в том, что очарованные революционными лозунгами массы могут быть легко обмануты и введены в заблуждение, когда вожди подменяют их лозунги на собственные идеи и представления. Вождизм опасен тем, что вожди становятся в особое положение и составляют в обществе особую привилегированную группу. Вождизм внушает пример для подражания,

рождает основу для возникновения культов и культиков. Симптомом этого проявились едва не сразу, но многие опасности вождизма были еще впереди. Пока же революция говорила языком масс и вождей. Уходила в прошлое эпоха, усваивались новые понятия, новая терминология, новый язык, которым вынуждены были пользоваться соперники и противники большевиков.

Фокус внимания необходимо сосредоточить на большевистских лидерах, хотя сегодня надо отдать должное и вождям других политических партий, среди которых было немало ярких фигур, таких как П.Милюков, В.Чернов, Л.Мартов, М.Спиридонова и др., незаслуженно вычеркнутых из истории советской историографией. Но цели и задачи курса требуют обратиться к большевикам, которые вознеслись на высшие посты в государстве и проводили в жизнь революционные преобразования. Как видели они свое место в истории, осознавали ли те опасности и трудности, подводные камни, которые могли встретиться на их пути? Уместно было бы освободиться от позднейших оценок и напластований, политических штампов, за которыми исчезает личность. С этой точки зрения любопытным документом эпохи являются "Революционные этюды", написанные одним из большевистских комиссаров - наркомом просвещения А.В.Луначарским в 1919 г., где дается характеристика видным вождям большевистской революции и прежде всего Ленину и Троцкому. Вот некоторые из них:

... Огромная властность и какое-то неумение быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого как вождя на некоторое одиночество...

... Для работы в политических партиях Троцкий казался мало приспособленным, зато в океане исторических событий, где совершенно не важны личные организации, на первый план выступали положительные стороны Троцкого...

... Главное дарование Троцкого его ораторский и писательский талант...

... Троцкий несомненно более ортодоксален, чем Ленин, всегда руководствуется буквой революционного марксизма. Ленин чувствует себя творцом и хозяином политической мысли и очень часто давал совершенно новые лозунги, которые нас всех ошарашивали, которые казались нам дикостью и которые давали богатые результаты. Троцкий такой смелостью мысли не отличается...

... О Троцком принято говорить, что он честолюбив. Это, конечно, совершеннейший вздор... В нем нет ни капли тщеславия. Он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властью... Ему бесконечно дорога ... его историческая роль. Ленин тоже нисколько не честолюбив. Он никогда не оглядывается на себя, никогда не смотрится в историческое зеркало, никогда не думает, что о нем скажет потомство, он просто делает свое дело. В отличие от него Троцкий часто оглядывается на себя, чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов бы был принести какие угодно жертвы, не исключая вовсе и самой тяжелой жертвы своей жизнью, чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя...

... Не надо думать, однако, что второй вождь русской революции во всем уступает своему коллеге. Троцкий более блестящ, более ярк, более подвижен. Ленин как нельзя более приспособлен к тому, чтобы сидя в председательском кресле Совнаркома, гениально руководить мировой революцией..., но не мог бы справиться с той титанической задачей, которую взвалил на свои плечи Троцкий...

... Когда происходит великая революция, то великий народ всегда находит на всякую роль подходящего актера. Одним из признаков величия нашей революции является то, что она выдвинула из своих недр или заимствовала из других партий столько выдающихся людей и двоих сильнейших среди самых сильных Ленина и Троцкого.

Помимо Ленина и Троцкого, среди большевистских вождей было еще ряд выдающихся личностей: Я.Свердлов, Г.Зиновьев, Л.Каменев, Н.Бухарин, Ф.Дзержинский и др. Другие, по условиям того времени и личным данным, еще не могли выдвинуться на роль вождей, но страстно желали ими стать. Общей чертой главных большевистских комиссаров была их принадлежность в прошлом к так называемой "старой партийной гвардии", т.е. профессиональным революционерам, имевшим опыт агитационно-пропагандистской и организационной работы в условиях подполья и эмиграции. Но теперь, встав у кормила власти, им пришлось иметь дело с совершенно иной ситуацией, где прежнего багажа явно не доставало. Революционных идей - было сколько угодно, но навыков практической работы по управлению государством - никаких. Поэтому поначалу большевики были склонны полагаться на созданные ими институты власти и

управления, на революционное творчество самих масс, которые, в свою очередь, были заражены революционными идеями. Взаимное подхлестывание создавало ситуацию революционного нетерпения, желания, не считаясь ни с чем, стремиться к смутным идеалам, тянуть растение за верхушку, чтобы скорее выросло. Мудрость же политического руководства состоит зачастую в том, чтобы сдерживать порывы и импульсивные действия, но этого большевистским вождям явно не хватало. Пожалуй, ярче всего это обнаружилось в области социально-экономических преобразований, закладывавших фундамент нового общественного строя.

При анализе экономических мероприятий большевиков необходимо учесть несколько факторов. Во-первых, ситуацию в стране, которая диктовала определенную логику действий. Народное хозяйство было подорвано многолетней войной. Еще до Октября начался распад хозяйственных связей, натурализация экономики, стремительная инфляция. Во-вторых, следует учитывать, что экономика практически полностью была мобилизована на нужды войны. Попытки осуществить ее демобилизацию совпали с началом гражданской войны и необходимостью перевести ее снова на военные рельсы. Это "пересаживание с одного коня на другого" способствовало дезорганизации и развалу хозяйства, усугубленных революционными импровизациями и снизу, и сверху.

Переделку экономических отношений новая власть начала с национализации казенного имущества и передачи его в руки государственных органов. Были национализированы банки, финансовые учреждения, железные дороги. На этой основе был создан государственный сектор, названный социалистическим. Отождествление государственного и социалистического сектора, о чем уже говорилось выше, вело к преувеличению роли государственного капитализма. В работе Ленина "Очередные задачи Советской власти", которая считается экономической программой большевиков начального этапа, государственный капитализм рассматривается как союзник социализма в деле налаживания учета и контроля. В рядах самой партии существовала влиятельная группа, близкая к меньшевикам, которая вообще считала, что, прежде чем говорить о строительстве нового строя, следует пройти хорошую школу государственного капитализма. Другая группа, представлявшая самое мощное оппозиционное течение в партии за всю ее историю - "левых коммунистов", возражала против использования вообще каких-либо форм госкапитализма, уповая на самих рабочих и рабочие организации в вопросах экономического строительства.

В такой обстановке происходило наступление на частный сектор в промышленности и торговле, конфискация предприятий у прежних владельцев рабочими коллективами, местными и центральными органами. В советской историографии утверждалось, что процесс национализации носил главным образом карательный характер и был ответом на саботаж капиталистов. Однако не меньшее значение имели революционное нетерпение и иллюзии насчет того, что сами рабочие, отвечая на призыв скорее сбросить иго капитала, сумеют наладить производство. Подобные иллюзии были быстро развеяны: ни организовать производственный процесс, ни снабдить предприятия сырьем, топливом, полуфабрикатами рабочие, не знающие ни технологии, ни рынка, конечно, не могли. Там, где рабочие коллективы брали предприятия в свои руки, наблюдался полный разгул самодельности, прикрываемый пышными революционными фразами. Чтобы не допустить окончательного развала промышленности, государственные органы вынуждены были вмешиваться в управление национализированными предприятиями, стремясь придать ему организованный характер. На предприятия высылались комиссары с особыми полномочиями.

Очень непросто складывались отношения с предпринимателями и специалистами. Противодействие национализации, как правило, влекло за собой увольнения директоров, управляющих, технического персонала и образования правления, состоящего из рабочих. Многие специалисты вынуждены были оставлять производство, становились безработными, пополняли ряды эмигрантов. Другие, которые оставались, чувствовали себя неуютно во враждебной среде, находясь под постоянным подозрением со стороны рабочих. Политика государства по отношению к специалистам была двойственной. В "Очередных задачах..." Ленин писал о необходимости привлечения специалистов, назначения им высоких окладов, невозможности обойтись без их помощи. "Левые коммунисты", отражая настроения части рабочих, выступали против этого.

Различного рода проекты первых месяцев существования Советской власти, содержавшие попытки наладить ее сотрудничество с предпринимателями, вроде проекта создания государственно-частного треста во главе с А.П.Мещерским, переговоров с группой И.Стахеева и др., закончились неудачно. В конечном счете они были сметены революционной волной.

Вплоть до принятия декрета от 28 июня 1918 г. процесс национализации оставался неорганизованным и неупорядоченным. Декрет как бы закреплял сложившееся положение на производстве, но после него национализация стала приобретать более планомерный, централизованный и ускоренный характер. К

осени 1918 г. почти все крупные предприятия были национализированы, хотя до конца разнотой и хаос в этом деле не были преодолены. Национализированные предприятия передавались в ведение ВСНХ и его местных органов. В системе ВСНХ образовались отраслевые центры и главные управления (главки), в ведении которых находились национализированные предприятия.

Таким образом, в удивительно короткий срок на производстве была проделана эволюция от рабочего контроля к рабочему самоуправлению, развеяны связанные с ним иллюзии, от него к рабочему управлению под государственным контролем и, наконец, к централизованному государственному управлению.

Преобразования Советской власти в деревне исходили из Декрета о земле. Но сам декрет был скорее декларативным актом, чем практическим руководством. С вхождением левых эсеров в правительство (после III съезда Советов) было поручено через возглавляемый ими Наркомзем (нарком А.Колегаев) разработать соответствующий закон и провести его в жизнь. В задачи аграрной реформы входило: провести раздел помещичьих земель, осуществить новое землеустройство, обеспечить крестьянские хозяйства инвентарем, рабочим скотом и т.д. на уравнительно-трудовых началах. Постепенно, однако, большевистское руководство начинает все больше вмешиваться в крестьянские дела, что привело к его столкновению с левыми эсерами.

Поводом для энергичного вмешательства большевиков в деревенскую жизнь, которую они знали плохо, явилось дальнейшее ухудшение продовольственного положения в стране, угроза голода в крупных промышленных центрах. С целью борьбы с голодом вводится продовольственная диктатура. Специальным органом ее осуществления становится Наркомпрод (нарком А.Д.Цюрупа) и его комиссары, обладавшие огромными властными полномочиями по заготовке продовольствия. Наркомпроду подчинялись все снабженческие и распределительные органы на местах, кооперация. В деревню рассылались продовольственные отряды, состоявшие из рабочих, а иногда и из весьма разношерстной городской публики.

Для поддержки своей политики в деревне специальным декретом в июне 1918 г. были учреждены комитеты бедноты (комбеды), зачастую в противовес существующим Советам. В комбедах всем заправляли коммунисты и беднейшие, нередко люмпенские, элементы деревни. Официальное назначение комбедов - перераспределение хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий в пользу бедноты. В то же время комбеды служили своеобразной базой для деятельности продотрядов, проведения заготовительных кампаний, реквизиций и конфискации продовольствия. Введение комбедов вызвало

повсеместное недовольство крестьян, послужило одним из факторов разжигания гражданской войны. Крестьяне отшатнулись от большевиков. Отмена комбедов была одним из пунктов, которые выдвигали левые эсеры в период своего путча в июле 1918 г. Осенью 1918 г. одиозные комбеды были распущены или слиты с Советами, в которых к тому времени уже полностью хозяйничали коммунисты.

Мероприятия большевиков неудержимо вели страну к гражданской войне. Еще два крупных события в немалой степени способствовали этому: разгон Учредительного собрания и Брестский мир.

В вопросе об Учредительном собрании большевики оказались в весьма двусмысленном положении. В течение всего 1917 г. они выступали сторонниками его созыва, одновременно выступая с лозунгом "Вся власть Советам!". После Октябрьского переворота возникшее противоречие необходимо было разрешить. Выработанная тактика заключалась в том, чтобы провести выборы в Учредительное собрание в расчете на то, что оно даст перевес большевикам и позволит законодательным путем передать власть Советам. Однако вышло не совсем так, как предполагали большевики. На выборах в ноябре 1917 г. они получили только 25% голосов избирателей, а с учетом своих союзников - не более одной трети. Крестьянская Россия отдала предпочтение эсеровской партии, а партия эсеров в то время явно стояла на позиции непризнания легитимности Советской власти и ее декретов. Столкновение между Советами и Учредительным собранием становилось неизбежным. Открывшемуся в начале января Учредительному собранию большевики и левые эсеры предложили принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, где Россия провозглашалась республикой Советов, а о судьбе самого Учредительного собрания и о том, какая роль ему отводилась, ничего не было сказано. Кроме того, Учредительному собранию было предложено утвердить декреты, принятые новой властью. Эсеровско-меньшевистское большинство собрания даже не стало обсуждать эти вопросы, а перешло к рассмотрению предложенного Черновым "Закона о земле". Тогда большевики и левые эсеры ушли с заседания. На следующий день Учредительное собрание декретом ВЦИК было распущено. С роспуском Учредительного собрания был упущен последний шанс на согласие среди социалистических партий. Члены Учредительного собрания открыто перешли на сторону контрреволюции и начали активную борьбу против большевистского режима.

Заклученный в марте 1918 г. Брестский мир также не принес успокоения стране. Он был заключен на унижительных для России условиях, весьма далеких от справедливого "мира без

аннексий и контрибуций". Такой мир вызвал острое недовольство во многих слоях общества. Против мира выступили союзники большевиков левые эсеры, предпринявшие через несколько месяцев попытку сорвать мир, организовав убийство германского посла Мирбаха. Даже среди самих большевиков образовалась сильная оппозиция заключению мира в лице "левых коммунистов", выступавших за революционную войну с германским империализмом. Только благодаря неимоверным усилиям Ленина, который любой ценой стремился сохранить Советскую власть, мир был подписан. Но последствия этого шага оказались совсем не те, на которые он рассчитывал. Мирная передышка оказалась совсем короткой. С мая 1918 г. в различных районах спорадически вспыхивают военные действия, которые летом перерастают в крупномасштабную гражданскую войну.

4. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И "ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ"

Не останавливаясь подробно на описании военных действий, необходимо расставить некоторые акценты, позволяющие разобраться в освещении истории гражданской войны в России. В исторической литературе существует спор о периодизации гражданской войны. Имеется давняя традиция трактовать гражданскую войну как период острых классовых столкновений. В этом контексте и революция рассматривается как акт гражданской войны. Поэтому многие авторы ведут отсчет гражданской войны в России с октября 1917 г., а иные - и раньше, указывая на отдельные стычки, мятежи, восстания. В то же время есть другое определение войны как способа разрешения противоречий между сторонами с помощью вооруженных сил. В этом более узком, но более точном и современном понимании она означает противоборство воюющих армий, движение фронтов, мобилизацию экономики и другие явные свидетельства того, что страна находится в состоянии войны. С этой точки зрения гражданскую войну в России, видимо, следует датировать серединой 1918 - концом 1920 гг., хотя и до, и после этого времени в стране то тут, то там вспыхивали боевые действия. Несомненно также, что страна постепенно "вползала" в гражданскую войну. В апреле 1918 г. началось восстание на Дону, вызванное левацко-догматической установкой большевиков на разказачивание. В мае начался так называемый второй Кубанский поход Добровольческой армии, занявшей всю Кубань, откуда с большим трудом удалось отвести красные части. В мае же начался мятеж чехословацкого корпуса на всем протяжении Транссибирской магистрали. Мятеж был поддержан восстаниями в ряде районов Поволжья. Среднее Поволжье и Средний Урал объединяются против Советов под властью Комитета членов Учредительного собрания (правительство Комуча, "Самарская Учредилка"). Ему оказывает поддержку уральское и оренбургское казачество во

главе с атаманом Дутовым. Отрезанные от Центра Сибирь, Средняя Азия и Дальний Восток постепенно захватываются антибольшевистскими силами. В Мурманске и Архангельске высаживаются англо-американские оккупационные войска. При их поддержке создается правительство Северной области во главе с членом Учредительного собрания народным социалистом Н.И.Чайковским. Печальная судьба постигает Бакинскую коммуну в Закавказье, которая падает перед лицом трех враждебных сил: местных националистов, турецких и английских оккупационных войск. Внутри Советской республики происходят мятежи и восстания, в том числе в Москве (мятеж левых эсеров), в Ярославле (восстание, организованное "Союзом защиты родины и свободы" под руководством Б.Савинкова и полковника Перхурова). На огромной площади России возникает множество различных государственных образований. Территория, на которую распространяется Советская власть, тает, словно "шагреновая кожа".

Сегодня в печати много спорят о том, кто виноват в развязывании гражданской войны. Советские авторы утверждали, что большевики не виноваты в этом, что вина целиком лежит на их противниках. Если же раскручивать последовательно цепь исторических событий, то следует придти к выводу, что корни гражданской войны лежали в особенностях происшедшей в России революции. Прав был один из лидеров "белого" движения А.И.Деникин, который рассматривал гражданскую войну как неизбежную трагедию России. В той обстановке, которая сложилась в стране, вооруженное столкновение различных сил было неотвратимым. Скорее следует задать вопрос, почему война приняла такой жестокий, кровопролитный и междоусобный характер. В этом вина в немалой степени лежит на большевиках, которые своей проповедью классовой вражды, сеяли семена ненависти и жестокости, чьи левацкие и экстремистские действия провоцировали выступление против них с оружием в руках людей в другой обстановке к этому не склонных. Не меньшая вина лежит на тех, кто не хотел и не желал поступиться своими преимуществами и привилегиями, не учитывал велений времени. Тут же встает вопрос о красном и белом терроре: какой из них был более ужасным? Советская литература делала упор на белом терроре. Сегодня в печати больше повествуется о преступлениях большевиков, а герои белого движения предстают в ореоле мучеников и страдальцев за Россию. Если раньше писали об убийствах Урицкого и Володарского, о покушении на Ленина, то теперь о казни царской семьи, хотя никаких особенно новых фактов об этом не стало известно. Так что все зависит от контекста, в котором преподносятся эти факты. Между тем, надо признать,

что от террора погибли десятки тысяч людей и с той, и с другой стороны. Действие было равно противодействию. На территориях, занятых белыми, творилось не меньше злодеяний и бесчинств, чем в Советской России, причем целенаправленную политику массового террора большевики стали проводить с лишь с сентября 1918 г.

В освещении гражданской войны необходимо полностью отказаться от концепции так называемых "трех походов Антанты". Несмотря на участие войск иностранных держав в гражданской войне, она была прежде всего внутренней проблемой России. Летом и осенью 1918 г. главные события войны развернулись на Восточном фронте, где народная армия Комуча и чехословацкие части продвигались к Москве, заняли Казань, а на севере грозили соединиться с войсками правительства Северной области и англичанами. Советское правительство предпринимает лихорадочные усилия по укреплению Красной Армии. Уже в мае в нее начались массовые рабочие призывы и принудительные наборы. Конституция, принятая на V съезде Советов, установила принцип обязательной воинской повинности. На том же съезде было решено начать мобилизацию призывных возрастов. К осени численность РККА выросла до полумиллиона. 30 сентября 1918 г. при СНК был образован Совет рабочей и крестьянской обороны (СО) для объединения всех мероприятий в военной области. Были предприняты меры по ужесточению дисциплины. Представители РВС, наделенные чрезвычайными полномочиями, вплоть до расстрела изменников и трусов без суда и следствия, выезжали на самые напряженные участки фронта. ВЧК объявила об образовании внутреннего фронта гражданской войны, направив свои усилия на разоблачение заговоров и беспощадную расправу с "классовыми врагами".

Осенью 1918 г. Красной Армии удалось нанести ряд поражений своим противникам и очистить от них Поволжье и Урал. Благоприятная для Советской России обстановка сложилась на Западном фронте в связи с революцией в Германии. Уже 4 октября 1918 г. Ленин, в письме на адрес ВЦИК, предлагает к следующей весне довести численность Красной Армии до 3 млн. чел. в "целях помощи немецким рабочим", т.е. еще не оставляет идею мировой революции. По пятам уходящих германских войск продвигались красные части. Брестский мир был аннулирован. Были заняты Псков и Нарва, большая часть Белоруссии и Прибалтики. На освобожденной территории были образованы Литовско-Белорусская, Латвийская и Эстляндская советские республики, правда советская власть просуществовала в них лишь несколько месяцев. В результате ошибок местных коммунистов, которые перенесли из Советской России опыт комбедов и

продовольственной диктатуры, а также левацких загибов руководства, новые режимы не получили поддержку местного населения.

Значительными были успехи Красной Армии на Южном фронте, особенно на Украине. Еще в период оккупационного протемецкого режима гетмана Скоропадского здесь возникло сильное партизанское и повстанческое движение, возглавляемое украинской Директорией, в котором принимали участие и большевистские отряды. После эвакуации немецких войск между петлюровцами и красными войсками, поддержанными наступающей Красной Армией, началась война, которая закончилась поражением националистов. В январе 1919 г. был занят Харьков, в феврале - Киев, в апреле - Одесса, откуда в срочном порядке вынуждена была убраться французская военная эскадра, и Крым. В мае 1919 г. Красная Армия заняла почти всю Донскую область. Восстание местного казачества было жестоко подавлено. Действовал принцип "око за око, зуб за зуб". Прекрасное описание событий этого времени в литературе содержится в романах и пьесах М.Булгакова, в романе "Тихий Дон" М.Шолохова. Несмотря на разные взгляды авторов, в них есть то, что представляет большую ценность для социальной истории гражданской войны.

В целом, однако, успехи Красной Армии оказались временными и непрочными. Пока она одерживала победы на Западном и Южном фронтах, с другого конца начинал разгораться новый, не менее грозный виток гражданской войны, знаменующий переход к ее второму этапу, когда Советской республике противостояли ряд военно-диктаторских режимов. Сначала осенью 1918 г. против них восстали рабочие Ижевского и Воткинского заводов на Урале. Это восстание было особенно болезненным симптомом для большевиков, поскольку они всегда рассматривали рабочий класс как свою твердую и надежную опору. Восстание с трудом удалось подавить, однако перешедшие в лагерь противника "ижевцы" и "воткинцы" еще долго наносили уколы красным в составе белых армий. В ноябре 1918 г. адмиралом А.В.Колчаком, военным министром Уфимской Директории - правительства, объединившего под своей властью ряд государственных образований на территории России, был осуществлен военный переворот. Колчак провозгласил себя "верховным правителем России" со столицей в Омске и на время становится главным врагом советской власти. Его войска в начале 1919 г. быстро продвигаются к Волге, нанося Красной Армии поражение за поражением, и вплотную подступают к Самаре. На Юге генерал Деникин объединил все антибольшевистские силы и в апреле 1919 г. начал наступление сразу в трех направ-

лениях: на Царицын, Воронеж и Харьков. Летом войска Деникина занимают всю Украину, а осенью начинают продвигаться к Москве. На Западе созданный под германской эгидой Северный корпус, развернулся в Северо-Западную армию, которая под командованием сперва генерала А.П.Родзянко, а затем генерала Н.Н.Юденича дважды (в мае и октябре) вплотную подступают к бывшей пролетарской столице - Петрограду. На Севере наступление вели войска генерала Миллера. Обозначились признаки консолидации в лагере "белых". В мае 1919 г. Деникин заявил о своем признании власти "верховного правителя России". То же самое сделал Миллер и другие генералы. Советская власть снова повисла на волоске.

Но вот, словно по мановению волшебной палочки, наступающие фронты рушатся один за другим. Колчаковский фронт был прорван в районе Бугуруслана и Бугульмы, значительные силы его были окружены и уничтожены, после чего ему уже не удалось оправиться. В ноябре пала столица Колчака - Омск. Остатки его армии катились дальше на Восток. В октябре были разгромлены наступающие части Деникина под Воронежем и Орлом. Деникинская армия покатила на юг. Разбитый у Пулковских высот под Петроградом Юденич укрылся в Эстонии. Разлагающийся режим генерала Миллера, потеряв поддержку английских войск, вывезенных из России, не смог противостоять большевикам. Большую помощь Красной Армии оказывало повстанческое и партизанское движение, развернувшееся повсеместно в тылу белых армий. К концу 1919 г. ход военных действий явно обратился в пользу Советов. В дальнейшем уже ни польско-советская война, ни война с генералом Врангелем в Крыму непосредственной угрозы для существования советской власти не представляли.

Самое время сказать о том, почему же все-таки контрреволюция в России, не смотря на временные успехи и материальную и военную помощь из-за рубежа, потерпела поражение. Первая причина состоит в том, что белое движение представляло собой разрозненный и пестрый конгломерат различных сил, которые не только не смогли объединиться, но и не сумели выработать сколько-нибудь конструктивных целей и задач. Вторая причина заключается в политике, проводимой белогвардейскими правительствами на занятых территориях, которая сводилась к проведению карательных экспедиций, расстрелам и возвращению старых порядков, в общем-то и приведших к революции. Обычно переход территорий из рук в руки сопровождался сведением счетов, от которого жестоко страдало мирное население. По мере того как в рядах белых усиливалось влияние реакционных и монархических элементов, от них отталкивались сторон-

ники демократии. Этим объясняется, в частности, заявление лидеров ряда политических партий о прекращении вооруженной борьбы против большевиков. В экономической и социальной области мероприятия белых сводились к возвращению собственности прежним владельцам, "усмирению" рабочих, грабежам и поборам со стороны воинских команд. Самоубийственной была и национальная политика белых генералов, выступавших под лозунгом "единой и неделимой России", а зачастую и учинявших расправы с национальными меньшинствами. Было ясно, что революция породила бурный подъем национального движения в России и игнорировать его было по меньшей мере политической слепотой. Хотя бы формальным признанием права наций на самоопределение большевики выгодно отличались от своих противников.

Определенную роль в победах Красной Армии сыграли отдельные акты, провозглашенные большевистским правительством в начале 1919 г., - окончательная ликвидация комбедов, объявление союза с середняком, прекращение рассказывания и др. Однако не это было главным, хотя советская историография постоянно твердила о возобновлении союза советской власти с крестьянством (с момента VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г.). Вряд ли политика "военного коммунизма", черты которой явно обозначились в 1919 г., могла привлечь крестьянские массы. Продразверстка и принудительный набор в Красную Армию легли тяжким бременем на деревню. Не случайно в этот период на фоне противоборства "красных" и "белых" неудержимо разрастается третья сила - движение "зеленых", руководимых атаманами, воевавшими как против "комиссаров", так и против белых генералов. Движение большей частью составляли крестьяне, уклонявшиеся от мобилизаций, и дезертиры. Дезертирство получило огромный размах среди уставшего от войны населения и в Красной Армии, несмотря на вводимые Троцким заградительные отряды, периодически осуществляемые им в частях дедимации, т.е. расстрел каждого десятого труса и дезертира, и в рядах белых. Партизанское движение в гражданскую войну также нередко было окрашено в "зеленый" цвет. Зачастую вооруженные отряды или банды занимали выжидательную позицию, на чью сторону повернет военное счастье, и, скорее в силу своего классового инстинкта, чем сознательно, больше симпатизировали "красным". Так, партизанские армии Н.Махно и И.Григорьева оказали существенную помощь Красной Армии в разгроме Деникина и Врангеля. Колебания крестьян были понятны. И все же следует признать, что белому движению они оказали очень мало поддержки. Это с горечью признавал

А.И.Деникин, наиболее честный из противников советской власти в своих "Очерках по истории русской смуты":

Мы ждали пойдет ли народ за нами или по-прежнему останется инертным и пассивным между двумя надвигающимися волнами, между двумя смертельно враждебными станами. В силу целого ряда сложных причин жизнь дала ответ сначала нерешительный, потом - отрицательный.

Победы Красной Армии в советской историографии традиционно объяснялись мудрой политикой ленинской партии, высоким моральным духом масс, сознанием правоты своего дела, революционным энтузиазмом, талантом полководцев, вышедших из народа, и другими такого же свойства аргументами, типичными для коммунистической фразеологии. Но все же, как представляется, главную роль в победе большевиков сыграла система "военного" или "осадного коммунизма", превращение Советской республики в своего рода военный лагерь, милитаризация всей жизни общества. Поскольку военный коммунизм оставил глубокий след в истории советского общества, на нем стоит остановиться подробнее.

Раньше считалось, что политика военного коммунизма была вынужденной. Однако, если вспомнить содержание и сущность проводимых большевиками преобразований, это выглядит не совсем так. Конечно, большое значение имела сама ситуация в Советской республике, которая напоминала положение осажденной крепости, в которой уже начались и голод, и мор. И все-таки военно-мобилизационная и реквизиционная система периода гражданской войны выросла на сплетении множества факторов. Когда отсутствует четкая программа действий, как было у большевиков ("сначала возьмем власть, а потом посмотрим"), то конкретные шаги в той или иной области во многом диктуются складывающейся обстановкой, а из этого затем извлекаются теоретические и идеологические постулаты, привязанные к марксистской доктрине, но часто прямо противоположные тому, что задумывалось в теории. На этой основе складывается своеобразная идеология военного коммунизма.

Нельзя не обратить внимания, что социально-экономические преобразования большевиков постоянно шли по линии ускорения под влиянием революционного нетерпения и экстремизма. Распад товарно-денежных отношений, рынка, натурализация хозяйства, постоянная угроза голода в столицах и промышленных центрах также ускорили введение мер военно-коммунистического характера, или, как писал Ленин, "непо-

средственный переход к коммунистическому производству и распределению продуктов”.

Снабжение Красной Армии, численность которой на протяжении 1919 г. возросла с 1.7 до 4.4 млн. человек требовало слаженности и единства действий различных органов. Возникает целая система учреждений, в задачи которых входило подчинение всей экономики нуждам фронта. Поначалу все они создавались в традициях революционного времени на основах коллегиальности и широкого представительства различных органов и организаций. Однако постепенно в них усиливается тенденция к персонификации, личной ответственности. Совет Обороны определял главные направления работы ВСНХ, его главков и центров, каждый из которых представлял собой своеобразную государственную монополию в каждой отрасли производства (Главметалл, Главтекстиль, Главсахар и т.д.). До конца 1919 г. было создано более 40 таких главков и центров. Главкизм был одной из характерных черт военного коммунизма. Наряду с этим, СО назначал своих комиссаров, обладающих чрезвычайными полномочиями. 8 июля 1919 г. декретом ВЦИК председателем ВСНХ Рыков был назначен чрезвычайным уполномоченным СО по снабжению Красной Армии (Чусоснабарм) в составе РВС. Он был наделен правами использования любого аппарата, смещения и ареста должностных лиц, реорганизации и переподчинения учреждений, изъятия и реквизиции товаров со складов и у населения под предлогом “военной спешности”. В ведение Чусоснабарма были переданы все заводы, работавшие на оборону. Для управления ими был образован Промвоенсовет, постановления которого тоже были обязательными для всех предприятий. Система чрезвычайных органов, подчиненная нуждам войны (система ЧУСО), - еще одна черта военного коммунизма.

Милитаризация управления сопровождалась и приспособлением организации труда к военной обстановке. Раньше всего это проявилось в топливной промышленности, т.е. в одном из самых узких мест советской экономики (постановление СО от 27 июня 1919 г.). К концу года была объявлена на военном положении вся промышленность. Последовательно проводились в жизнь меры по осуществлению трудовой повинности и снабжению рабочей силой военных заводов. Для решения военно-оперативных задач стали использоваться трудмобилизации среди населения (для заготовки дров, военно-строительные работы и т.п.). Происходило ужесточение трудовой дисциплины. В конце 1919 г. СНК принял постановление о рабочих дисциплинарных судах, где среди прочих мер воздействия предусматривалось отправление в концентрационный лагерь.

Комплекс проводимых мер вел к неизбежной централизации всей работы в деле производства, снабжения и распределения. Крайнее истощение и скудность ресурсов также способствовали централизации. Центральные органы стремились сконцентрировать в своих руках все ресурсы и распределять их по нарядам и ордерам, подписанных комиссарами. Сам коммунизм начинает отождествляться с централизмом тоже вопреки тому, что говорилось в теории о развитии самоуправления. Начали возникать разговоры о едином народнохозяйственном плане, утопические грандиозные проекты, свойственные революционному времени. На практике же на самом высоком уровне приходилось заниматься самыми прозаическими вещами вроде заготовки дров, сена, изготовления валенок для армии и т.д.

Натурализация экономики - еще один признак военного коммунизма. Поставив своей целью ликвидацию рынка, товарно-денежных отношений, большевики понимали, что немедленно этого добиться невозможно. Однако развал финансового хозяйства и обесценивание денег способствовали тому, что эта идея стала быстро материализовываться в Советской республике. Экономика начинает работать как бы для единого котла и снабжаться из общего котла. Купля и продажа отмирают. Свободная торговля хлебом запрещается. Деньги вроде бы в ходу, но существенной роли не играют. В конце 1918 г. СНК специальным декретом возложил на Наркомпрод снабжение населения товарами первой необходимости через государственную и кооперативную сеть и потребовал от главков ВСНХ передачи Наркомпроду соответствующей части промышленной продукции. Вся произведенная продукция, а также пополняемая путем конфискации, реквизиций, причем зачастую без каких-либо выкупов и платежей, размещалась на складах. Отпуск товаров осуществлялся централизованно обычно без оплаты. Железные дороги также были обязаны перевозить грузы бесплатно. Последовательность военно-коммунистических мер включала в себя отмену платы за городской, железнодорожный транспорт, за топливо, фураж, за продовольствие, за предметы широкого потребления, за медицинские услуги, за жилье и т.д. Декреты, вводящие "коммунизм" на всем протяжении его истории, следовали один за другим. Одновременно шла натурализация вознаграждения за труд в виде пайков, натуральных выплат. Всячески поощрялось ведение натурального хозяйства на заводах и фабриках на специально выделенных Наркомземом участках земли.

В деревне продовольственная диктатура в начале 1919 г. перерастает в систему продразверстки. Все произведенные крестьянами "излишки" продовольствия подлежали отчуждению со стороны государственных заготовительных органов, за вычетом

так называемой "потребительской нормы" и "воспроизводственного фонда". Те, кто не подчинялись, относились к кулакам. К ним применялись суровые кары вплоть до расстрела. Взамен "излишков" в деревню должны были направляться промышленные товары для распределения преимущественно среди бедноты: ткани, соль, сахар, керосин и т.д. Ввиду милитаризации экономики товаров в деревню за все годы гражданской войны было поставлено очень мало.

Такой выглядела система военного коммунизма, пытавшаяся организовать единое государственное хозяйство на коммунистических началах без рынка, без денег на основе прямого продуктообмена. Эта система характеризовалась полным отсутствием экономических рычагов, господством администрирования, военно-приказного управления. Такой коммунизм по сути своей и по условиям того времени был бедным, нищенским, казарменным.

В идеологии была сделана ставка на террор, насилие, принуждение. Проповедовалась безжалостность и беспощадность к врагам, революционная стойкость и фанатизм, беззаветное мужество перед лицом смертельной угрозы. На этом зиждилась героическая традиция, к которой впоследствии очень часто апеллировали большевики. Немало людей было воспитано в подобном духе, пройдя через фронты гражданской войны или без усталости работая в тылу на самых горячих участках. Такими предстают образы людей этого времени, созданные советской литературой. Подобно тому как чрезвычайные, подчас нечеловеческие усилия помогают выстоять при осаде крепости, так и система военного коммунизма позволила большевистскому режиму выжить и одержать победу.

5. КРИЗИС 1920-1921 гг.

Ни блестящие победы в гражданской войне, ни героизм ее участников не спасли Советскую Россию от всеобщего и глубочайшего кризиса, пик которого приходится на конец 1920-начало 1921 гг. Советская историография возникновения такого кризиса отрицала. Вернее, говорилось о тяжелом положении Советской республики на исходе гражданской войны, о развале экономики, разрухе и голоде. Но одно дело - тяжелое положение, другое - кризис, охвативший все сферы жизни нового общества.

В 1920 г. продолжались боевые действия на фронтах. Главным событием была война с Польшей. О создании независимого государства на польской территории, входившей в Российскую империю, Германия объявила еще в ходе первой мировой войны 5 ноября 1916 г. Однако современная история независимой Польши начинается только после ухода германских войск с 14 ноября 1918 г., когда к власти пришел Ю.Пилсудский, провозгласивший себя "начальником государства". Патриотический подъем в Польше был столь велик, что полностью "затмил" действия местных революционеров, традиционно связанных с Россией. Местные Советы и местные коммунисты были быстро подавлены. Формально признав самостоятельность Польши, большевики в Москве тем не менее, несомненно, держали в уме все эти обстоятельства.

С начала нового периода независимости польского государства встал вопрос о его границах. Здесь "сработал" комплекс Речи Посполитой. Поэтому, едва появившись на карте, Польша повела активную борьбу за территории как на Западе, так и на Востоке, что не могло не привести к столкновению с Советской Россией. Еще в феврале 1919 г. войска Пилсудского начали наступление на Литовско-Белорусскую республику и заняли Виль-

но, часть Зап. Белоруссии и Зап. Украины. После небольшой передышки в апреле 1920 г. польские части вместе с войсками С.Петлюры возобновили войну и заняли Киев. Однако теперь им пришлось иметь дело со всей мощью Красной Армии, развязавшей себе руки на других фронтах. Против польских войск действовали две группировки, руководимые выдающимися советскими полководцами времен гражданской войны: на Западном фронте во главе с М.Н.Тухачевским и Южном - во главе с А.И.Егоровым. Войска Тухачевского, сломив сопротивление поляков, быстро продвигались к их столице - Варшаве. В рядах большевистского руководства снова ожили идеи мировой революции, которую, казалось, можно было принести в Европу на штыках Красной Армии. Был образован польский ревком во главе с коммунистом Ю.Мархлевским.

Однако достигнутый успех был временным. Передовые части Красной Армии под Варшавой далеко оторвались от своих тылов. Первая конная армия Буденного, ударная сила большевиков в годы гражданской войны, правда, к тому времени изрядно разложившаяся, завязла на подступах к Львову, безуспешно штурмуя город. Это позволило польским войскам нанести удар на Север в районе Люблина и разгромить потерявшие связь между собой соединения Красной Армии. Часть ее отступила в Восточную Пруссию, где была интернирована. В конце сентября польские войска начали новое наступление и выдвинулись на Восток за линию Керзона (т.е. за предел собственно польских территорий, который британский министр лорд Керзон предлагал в качестве восточной границы польского государства). В дальнейшем обе стороны оказались слишком истощены, чтобы вести активные боевые операции. К тому же в тылу у Красной Армии находился окопавшийся в Крыму генерал Врангель. Мир, подписанный с Польшей, носил на себе следы своеобразного компромисса, фиксируя границу на момент прекращения военных действий.

Перебросив войска на Южный фронт, Красная Армия начала наступление на Врангеля, который после разгрома Деникина был провозглашен верховным главнокомандующим Юга России. В ноябре 1920 г. войска Южного фронта, главнокомандующим которым был назначен М.В.Фрунзе, ранее отличившийся на Востоке и в Туркестане, форсировав Сиваш и прорвав оборонительные линии Врангеля на Перекопском перешейке, ворвались в Крым. Последняя схватка "красных" и "белых" была особенно яростной и жестокой, знаменуя заключительный звучный аккорд гражданской войны. Примерно 100 тыс. человек, оставшихся от некогда грозной Добровольческой армии, были перевезены на судах в Турцию.

Но эти события происходили уже на периферии Советской республики и непосредственной угрозы для вооруженного свержения власти большевиков не представляли. Это давало им возможность исподволь переходить к решению задач по налаживанию мирной жизни. И действительно, мысль об этом входит в сознание большевистских руководителей. Еще на VII Всероссийском съезде Советов в декабре 1919 г., т.е. в момент решающих побед Красной Армии, Ленин говорил:

Перед нами открывается дорога мирного строительства. Нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу и сделает еще массу попыток скинуть нас всеми путями, какие только могут оказаться у него: насильем, обманом, подкупом, заговорами и т.д. Наша задача - весь тот опыт, который мы приобрели в военном деле, направить теперь на разрешение основных вопросов мирного строительства.

Эти слова примечательны в двух отношениях. В них прямо указывается на необходимость перехода к мирной жизни, но осуществлять его намечается военно-коммунистическими методами. Главную роль при этом принадлежала центральным и чрезвычайным органам и комиссиям - СНК, Совету труда и обороны (так с февраля 1920 г. стал называться Совет обороны) и др.

Казалось бы, переход к решению хозяйственных задач должен был как-то облегчить положение в республике, тяготы и бедствия, обрушившиеся на нее. Однако ситуация продолжала стремительно ухудшаться. Стало быть, дело заключалось не только в самой войне, но и в той политике, которой следовали большевики. С этой точки зрения, видимо, необходимо оценивать круг экономических и политических решений, принятых большевиками до марта 1921 г.

Нетрудно заметить, что большинство из них лежали в духе военного коммунизма. Но теперь, когда военная гроза уходила в сторону, их вряд ли можно оправдывать как вынужденные. Становится ясным, что политика военного коммунизма коренилась не только в трудностях военного времени, но и вытекала из реализации на практике целого ряда коммунистических идей. Более того, эти идеи получают свое теоретическое оформление в трудах большевистских лидеров. К ним относится книга Бухарина "Экономика переходного периода". В ней было обосновано насаждение коммунистических порядков исключительно сверху, руками пролетарского государства. В ней содержалась апология принуждения и насилия как средства создания нового общества.

Не случайно даже среди большевиков бухаринский опус называли "книгой каторги и расстрела". Конечно, мысли этой книги можно приписать одному Бухарину, его молодости, наивной революционности, экстремизму и левачеству. Однако сопоставление этого труда с произведениями и выступлениями других большевистских вождей и одобрительная в целом оценка его Лениным говорят о том, что почти все они стояли в тот момент на близких позициях.

В русле военно-коммунистических идей шел дальнейший процесс национализации производства. В руки государства передавались мелкие и кустарные предприятия. Этот процесс был подтвержден в конце 1920 г. специальным декретом о национализации мелкой промышленности. В январе 1920 г. был принят декрет о всеобщей трудовой повинности и трудовых мобилизациях. Из мобилизованных на трудовой фронт формировались трудовые армии. С разгромом основных сил белогвардейцев часть боевого состава Красной Армии, численность которой превысила 5 млн. человек, переводилась на положение трудовых армий. Трудовые армии и военизированные трудовые отряды работали во всех отраслях народного хозяйства, где наблюдалось напряженное положение, в том числе на транспорте, на заготовке топлива, сырья. Для управления трудармиями был образован еще один чрезвычайный орган - Главкомтруд, в задачи которого входили учет, мобилизация и распределение рабочей силы. В деревне происходило насаждение коммун и коллективных хозяйств. К 1921 г. их было создано около 17 тысяч. Главными способами побуждения к труду были принуждение и насилие, хотя и не упускались возможности призывать к революционному энтузиазму и сознательности рабочих, как свидетельствует работа Ленина "Великий почин" о коммунистических субботниках.

Интересны в связи с обозначившимися тенденциями решения IX съезда РКП(б), который происходил в марте-апреле 1920 г. В резолюции "О хозяйственном строительстве" подчеркивалась необходимость составления единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую эпоху, опирающегося в ходе его выполнения на мобилизации, на трудармии, на продразверстку, на единоначалие и централизацию, т.е. на краеугольные положения военного коммунизма.

В контексте принимаемых решений следует рассматривать любопытный памятник большевистского прожектерства - план ГОЭЛРО, рассчитанный на ближайшие 10-15 лет. В советской историографии план, составленный Государственной комиссией по электрификации России, образованной в феврале 1920 г., рассматривался как вполне реальный и даже своевременно вы-

полненный. Так можно было утверждать, не вникая в существо плана. Его нельзя сводить к числу построенных электростанций и количеству выработанной электроэнергии, как это делалось раньше. На самом деле это был широкий план социально-экономических преобразований коммунистического характера, составленный специалистами с учетом самых современных технических достижений, которые в то время отождествлялись с электрификацией. Ленин мечтал о централизации всего народного хозяйства под единой "электрической крышей", чтобы сконцентрировать в руках государства "все нити крупной государственной машины".

Центральная идея плана - обновить всю структуру производительных сил России, для чего было задумано создать широкую сеть крупных и мелких электростанций, завязанных между собою в единую энергетическую сеть. Предполагалось, что крупные электростанции снабдят энергией фабрики и заводы, позволят реконструировать их техническую базу, повысить культурно-технический уровень рабочих, в несколько раз поднять производительность труда. Предусматривалась полная реконструкция транспорта на базе создания скоростных электромагистралей. Мелкие электростанции не только должны были озарить своим светом крестьянские избы, но и дать энергию сельским предприятиям, деревенским мельницам, молотилкам и т.п., что само по себе содействовало бы развитию коллективных форм труда, созданию крупных машинных коллективных хозяйств, способных полностью обновить земледелие. Отсюда - "любовь к электричеству" у большевиков, отсюда - известная ленинская максима "коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны". План ГОЭЛРО закладывал краеугольные идеи под будущие форсированную индустриализацию и сплошную коллективизацию сельского хозяйства.

План обсуждался на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. Вокруг него была развернута широкая пропагандистская кампания, шумевшая до тех пор, пока более насущные задачи по выходу из кризиса не выдвинулись в качестве первоочередных. Но и впоследствии пуск каждой новой электростанции в стране с помпой отмечался как важная веха в реализации плана ГОЭЛРО.

В то время как вожди в Москве разрабатывали грандиозные планы будущего коммунистического переустройства общества, ситуация в стране продолжала ухудшаться. Приехавший в этот момент в Советскую Россию английский писатель Г.Уэллс оставил впечатления о ней в книге "Россия во мгле", интересные с точки зрения оценки положения в России глазами стороннего наблюдателя из страны, также недавно пережившей войну.

Экономическая разруха с явными признаками приближения катастрофы поразила все поры хозяйственного организма Советской России. Уровень производства скатился до 14% довоенного. Стояло большинство заводов и фабрик из-за отсутствия топлива и сырья. Да и на тех, которые вроде бы оставались в строю, едва теплилась жизнь, и это - несмотря на чрезвычайные меры: выделение "ударных групп" заводов, непрерывные мобилизации, использование трудармий, выделение специальных пайков для рабочих. Повсеместно царило уныние промышленных кладбищ.

Полный хаос творился на транспорте. Паровозы стояли на запасных путях и ржавели. Вагоны и составы пришли в ветхость. Поезда ходили крайне редко. Многие железнодорожные пути были разрушены. На приколе стояло большинство судов. Практически не работали почта и связь, разорвались жизненно важные артерии, десятилетиями налаженные контакты, происходило обособление микрочаек общества и возвращение к первобытным натуральным основам существования. Миллионы людей промышляли, кто чем может.

Продразверстка в деревне неумолимо вела к сокращению крестьянских посевов. Крестьянин не был заинтересован в увеличении производства сверх самого необходимого, так как "излишки" все равно шли в пользу государства. Таким образом, крестьянские хозяйства приобретали натуральный потребительский характер. Возможности реквизиций тем самым сжимались до предела. В свою очередь, это вызвало ужесточение деятельности заготовительных органов и продовольственных отрядов, посягавших уже на самые основы крестьянского существования. В результате стремительно стала расползаться так называемая "ползучая контрреволюция", вызванная сопротивлением деревни. К 1921 г. в стране полыхало более 50 крупных крестьянских восстаний. Как главную причину одного из самых крупных - "антоновщины", которое охватило Тамбовскую губернию, участник его подавления большевистский комиссар В. Антонов-Овсеенко прямо называл деятельность "военно-наезднических банд", в которые к тому времени превратились продотряды. В начале 1921 г. не осталось ни одной губернии, не охваченной в той или иной степени так называемым "бандитизмом".

Не менее опасными были проявления кризиса в социальной сфере. Бухарин в упомянутой книге определял российский социум как общество разорванных общественных пластов, соединить которые надлежало авангарду пролетариата, т.е. большевикам. Сильные деформации произошли в социальной структуре и составе населения. Прежде всего необходимо упомянуть о громадной цифре людских потерь, которая, начиная с 1914 г., приближалась, по оценкам статистиков, к 20 млн. человек. Трудно

определить точно, какие категории населения пострадали больше, а какие меньше, тем не менее можно указать на совершенно очевидные "выбоины". Серьезный урон был, например, нанесен взрослому мужскому населению страны за счет погибших на фронтах. О последствиях мировой войны в этом отношении уже говорилось. В гражданской же войне только Красная Армия по официальным данным потеряла около 800 тыс. бойцов. Не меньшие потери, надо думать, были в рядах белого движения. От "политики ликвидации эксплуататорских классов", которая в 1919-1920 гг. нередко переходила в физическое истребление их представителей в форме красного террора, страдали прежде всего имущие слои и значительная часть интеллигенции с ними связанная. Около 2 млн. человек составила эмиграция из России, которая состояла преимущественно из "образованных классов". Белый террор также носил социальную направленность. От него пострадало немало рабочих и революционно настроенной интеллигенции. От голода, болезней, эпидемий, бушевавших в стране в этот период, также погибло много людей, но особенно велика была детская смертность. Если прибавить сюда резкое сокращение рождаемости, то очевиден серьезный ущерб нанесенный будущим поколениям.

Если попытаться определить какой-то общий вектор этих демографических катаклизмов, то, видимо, он склоняется в сторону города и городских классов и слоев населения. Действительно, значение городов в общественной жизни резко снизилось. Голодные, холодные и опасные они не притягивали жителей. Население Петрограда сократилось вдвое, Москвы примерно настолько же, несмотря на сосредоточение в ней огромного числа центральных правительственных учреждений. Численность рабочих в ведущих индустриальных центрах уменьшилась в 6-7 раз. Обнаружились симптомы "аграри-зации" страны.

Политическое руководство вплотную столкнулось с явлением, которое известно как "деклассирование пролетариата", который, между прочим, считался социальной опорой нового режима. Этот феномен нельзя сводить только к уходу рабочих в деревню, возвращению их к крестьянским занятиям ввиду останковки фабрик и заводов и тяжелого продовольственного положения в городах. Это несколько односторонний и упрощенный взгляд. Нужно учесть еще несколько аспектов этого "деклассирования". Во-первых, значительный отлив (до 1 млн.) рабочих в госаппарат в связи с политикой создания в нем "пролетарского климата", в Красную Армию. Из рабочих в первую очередь создавались кадры чекистов, милиции, продотрядов и т.п. Во-вторых, среди тех, кто все-таки остался возле погашенных заводских котлов и недымящихся труб (1.5 млн. в 1920

г. и 1 млн. в 1921 г.), отмечались явные признаки распада. В сущности они переставали быть рабочими, перебиваясь случайными занятиями, как тогда говорили, - "мешочничеством", "кустарничеством", "зажигалочничеством", "бочарничеством". Их "революционное классовое сознание", к которому постоянно зывали большевики, явно притупилось. Настроения разочарования, уныния, апатии, усугубленные постоянными нехватками, недоеданием и болезнями, охватили рабочих. Свидетельством этому стали не столько забастовки, которые в условиях военного времени беспощадно подавлялись, а "волынки", когда рабочие находились вроде бы на месте, но под разными предлогами почти ничего не делали для производства. Многие из них попадали в разряд люмпенских элементов: преступных банд, нищих, воров и т.п.

Для большевиков "деклассирование пролетариата" имело особое значение. Но на самом деле "деклассированию" подвергались не только рабочие, но и другие группы и слои населения. Число "люмпенов" росло очень быстро. Они заполнили города и наводнили сельскую местность. Преступный мир буквально терроризировал население, не зная на беспощадные меры со стороны ЧК и милиции. Нередки были случаи срачивания преступности с политическими группировками, с интеллигентской богемой, наблюдался рост анархических настроений. Морально-нравственные критерии в обществе размывались. Все чаще идеи уравниловки и грубого казарменного коммунизма сводились к принципу "грабь награбленное".

Безотцовщина, гибель людей, распад семьи и родственных связей, вызвали небывалое распространение детской беспризорности (до 7 млн. к 1922 г.), что стало еще одним из источников роста преступности, нищенства, одичания и озверения людей.

Сильный урон потерпела российская интеллигенция. Ее ряды сильно поределели, ее влияние в обществе - упало. Конечно, это было чревато серьезными последствиями для решения культурных задач большевиков, какую бы идейную подкладку они им ни пришивали. Та же часть интеллигенции, которая оставалась в Советской России, постоянно подвергалась массовой пропаганде и примитивной индоктринации. Многие ее представители становились служащими советских учреждений.

На этой последней категории стоит остановиться подробнее. Она, наверное, единственная, которая в первые послереволюционные годы обнаружила тенденцию к устойчивому росту вопреки всем предсказаниям большевиков об упразднении бюрократии. К 1921 г. численность служащих государственных учреждений по сравнению с довоенным временем увеличилась вдвое,

и, если дореволюционная Россия называлась бюрократическим государством, то что же сказать о России советской?

Причин немыслимого разбухания аппарата было довольно много. В попытках наладить ленинский всеобщий учет и контроль, централизованный распределительный механизм большевики исходили из тезиса, что это можно осуществить путем последовательного дробления и упрощения функций управления с тем, дабы они стали доступны элементарно грамотному рабочему или, на худой конец, крестьянину и исполнялись бы по очереди людьми, избранными "на должность" народом. Упрощение и дробление вели к тому, что там, где раньше можно было обойтись одним человеком, нужно было ставить два, а то и три. Периодическая смена этих людей путем выборов, как считали большевики, способствовала бы тому, чтобы "население училось управлять и начинало управлять". Но ни с выборностью, ни сменяемостью ничего не вышло. В условиях острой нехватки грамотных и образованных людей функции управления неизбежно закреплялись за определенными работниками. Начался процесс отрыва создаваемого аппарата от его массовой базы и последовательная узурпация им отдельных функций управления. Полная национализация и передача средств производства в руки государства чрезвычайно повышали роль центральных органов и подчиненных им хозяйственно-распределительных учреждений на местах. Образовывались гигантские трудноуправляемые структуры. Таким к концу гражданской войны стал, например, центральный аппарат ВСНХ. В нем, помимо главков и центров, существовало множество функциональных органов (финансово-экономический, финансово-счетный отделы, НТО, Центрально-производственная комиссия, Бюро по учету технических сил и др.). Каждый главк, в свою очередь, имел то или иное количество производственных и функциональных отделов. Так, в положении о Главтопе от 20 октября 1919 г., его структура состояла из 6 производственных отделов и около 10 функциональных.

Центральные органы всячески ограничивали инициативу на местах и пытались решать все вопросы через непосредственно подчиненные им учреждения или через своих комиссаров. Наблюдалась тенденция к единоначалию, закреплению ответственности за конкретным лицом. Каждый орган управления стремился иметь в местах свои отделы и подотделы. Формально они находились в двойном подчинении: центральных и местных органов, но за первыми был безусловный приоритет. Местным Советам и исполкомам запрещалось вмешиваться в их деятельность, ограничиваясь лишь общим надзором.

Как это происходило, отчетливо можно проследить в той же системе ВСНХ, где к 1921 г. скопилось более четверти миллиона служащих. Подчиненные центральным главам ВСНХ местные "губкестили", "губтопы", "губкожи" и т.п. были фактически не органами двойного подчинения, а исполнительными органами Центра. На этой основе образовались пресловутые "столбики ВСНХ", каждый со своим аппаратом, деятельность которого строго регламентировалась спускаемыми сверху положениями, инструкциями, в неимоверном числе расплодившимися в советских учреждениях. Нечто подобное происходило и в других ведомствах.

Такая система управления очень быстро стала обнаруживать свою неэффективность. Управлять и регулировать из центра всей жизнью страны - задача сама по себе эфемерная. К тому же большевики не имели для этого ни сил, ни средств. Никакого учета и контроля, даже элементарной статистики, наладить не удалось в течение всей гражданской войны. Центральное руководство имело весьма смутное представление о реальном положении дел. Непрерывно растущее количество учреждений, их сложность и громоздкость вызвали обратный эффект тому, чему они были призваны служить, приводили к неуправляемости, волоките, беспрерывным согласованиям. Прежде чем, например, решение Президиума ВСНХ доходило до каждого предприятия, оно должно было пройти 6-7 звеньев и совершенно тонуло в море других бумаг, застревавших в условиях бездорожья и отсутствия связи. Происходила полная рассогласованность даже в области производства вооружений. Одни отрасли выполняли заказы, другие даже не приступали к ним. Бумажные планы снабжения и распределения постоянно натывались на ограниченность ресурсов. Назревал явный кризис управляемости.

Централизация и бюрократизация привели к кризису и самой основы новой власти - советской представительной системы. Реальная власть все больше "уплывала" из рук представительных органов в сторону аппаратных структур. Работа съездов, сессий Советов подменялась деятельностью исполкомов или неконституционных органов - ревкомов, различного рода "революционных" троек, пятерок, трибуналов и других "чрезвычайек". Выборы в Советы проводились не всегда и не везде, а избирательная активность населения резко упала. С апреля 1919 г. председателем ВЦИК на место умершего Свердлова, человека достаточно энергичного и самостоятельного, был поставлен "старый" большевик М.И.Калинин, питерский рабочий из крестьян Тверской губернии, фигура скорее символическая, призванная олицетворять союз рабочего класса и крестьянства, чем реально значимая личность в политическом руководстве. В фев-

рале 1920 г. на сессии ВЦИК был утвержден устав о фракциях во внепартийных учреждениях, который фактически ставил деятельность Советов под полный контроль партийных комитетов.

Примерно те же процессы происходили в профсоюзах, кооперативах и других организациях, деятельность которых сводилась главным образом к работе аппаратных структур под контролем партийного руководства. Была сделана попытка произвести огосударствление профсоюзов, организовать их работу на военно-принудительных началах. С такой идеей "завинчивания гаек военного коммунизма" в конце 1920 г. выступил Троцкий, который, возглавляя "попутно" наркомат путей сообщения, проводил жесткую милитаризацию на транспорте.

Весьма сложным было положение в самой партии большевиков. На фоне всеобщего распада большевики единственной цементирующей и связующей силой, ему противостоящей, считали пролетариат. Но ввиду его деклассирования эту функцию должен взять на себя "авангард пролетариата" - партия большевиков. Партия, действительно, взваливает на свои плечи огромное бремя по руководству страной, старается охватить своим влиянием все стороны жизни общества. В духе военного коммунизма она представляется самим большевикам то в качестве "железных батальонов пролетариата", то "железной когорты", то "ордена меченосцев". Но это было не больше, чем иллюзия. РКП(б) вовсе не была единой и монолитной. Утвердившись как правящая партия, она, словно магнит, стала притягивать к себе самые разнородные элементы, вступавшие в нее и из карьеристских, и из шкурных, и иных побуждений. Всего за два года с марта 1919 по март 1921 г. (с VIII по X съезд) численность РКП(б) увеличилась более, чем вдвое: с 313 тыс. до 730 тыс. членов. На ее составе отразились все явления, свойственные периоду военного коммунизма. Но одновременно все имеющиеся кадры коммунистов расставлялись на самых различных участках руководства. На протяжении первых лет после революции повсеместно были образованы партийные комитеты, которые вмешивались в различные сферы управления.

Состав руководящих органов Советской республики в конце гражданской войны заслуживает тщательного анализа. В нем прежде всего выделялась "старая партийная гвардия", вожди, в чьих руках концентрировалось все больше и больше власти. Они занимали ключевые посты в государственном аппарате, совмещая подчас несколько должностей. Обнаружились признаки превращения этой группы в замкнутую правящую элиту. Несколько особняком стояло профсоюзное руководство, которое находилось как бы в партнерских отношениях с государством. Поэтому в профсоюзах в то время работали достаточно сильные

и яркие лидеры, вроде М.П.Томского, выдвинутые в свое время рабочей массой. В профсоюзах и других общественных организациях находили себе последнее прибежище деятели других партий, решившие связать свою судьбу с большевиками.

Вторую, более многочисленную группу в аппарате составляли бывшие рабочие, матросы и солдаты. Заняв ответственные посты и должности, они, конечно, далеко не всегда им соответствовали. Многие были готовы "гореть" на работе, трудиться без сна и отдыха, отдавать ей все силы. Но отсутствие культуры и образования не могло не сказаться. Эти люди мало что знали, плохо разбирались в делах и волей неволей вынуждены были подчиняться ранее заведенному порядку вещей. Немало оказалось таких, кто, поддавшись искушению властью, впадал в фанатерию, хамство, комиссарство, бравирование своим простонародным происхождением. Эти и подобные явления начали распространяться и получили название "комчванства". Стиль руководства в годы военного коммунизма сводился к жесткому приказу, команде, окрику. Многие "по делу и без дела" склонны были размахивать маузером, а то и спускать курок.

Наряду с руководителями в советском аппарате работали специалисты, прежде всего там, где большевикам без них обойтись было совершенно невозможно: в системе ВСНХ, в юстиции, в народном образовании и других сферах. Кадровая политика большевистского руководства по отношению к ним была двойственной и противоречивой: с одной стороны - жалобы на нехватку специалистов, стремление привлечь их к решению важнейших задач, взять на учет, уберечь от призыва в Красную Армию, обеспечить подбор кадров по деловому признаку, с другой - третирование специалистов, линия на "орабочение" аппарата, проводимая партийными органами, ВЦСПС, ЦК отраслевых союзов.

Мощный пласт сотрудников новых учреждений составили мелкие служащие старой России: конторщики, приказчики, делопроизводители, счетоводы и т.п. Они принесли в советские учреждения прежний налет казенщины и канцеляризма, без которых не обходится ни одна бюрократия, и от них много восприняли полуграмотные выдвиженцы из рабочих и крестьян. Относительно новый элемент в советских учреждениях был связан с феминизацией управленческого труда, процессом в целом типичным для XX в. В Советской России он был ускорен введением всеобщей трудовой повинности, невозможностью получить паек, который могла обеспечить только служба или работа. Поэтому канцелярии советских учреждений в большом числе пополнились бывшими гимназистками, школьницами, гувернантками, домохозяйками и т.д.

Такой была многочисленная армия управленцев, состоявшая на службе нового режима, без особых изменений перешедшая в последующие годы. Она была весьма пестрой и аморфной, малоэффективной и малокомпетентной. Даже суровая обстановка военного коммунизма не гарантировала от бюрократической "дьяволяды", от злоупотреблений и коррупции, о которых свидетельствуют многие источники того времени.

Встает вопрос о том, видели или нет большевистские лидеры проявления кризиса? Многие из них осознавали, что далеко не все получилось, как задумано, что возникли или восстанавливались институты, шедшие вразрез с революционными идеями, что вместо государства-коммуны, основанного на самоуправлении трудящихся, образовалась огромная государственная машина с сохранением всех атрибутов, присущих государству. Отчетливо осознавалась опасность бюрократизма. Ленин назвал Советскую республику рабоче-крестьянским государством с бюрократическим извращением. Борьба с бюрократизмом была поставлена в повестку дня VIII съезда Советов. Однако, как показывают выступления того же Ленина и его соратников, природа бюрократизма в советских учреждениях связывалась главным образом с наследием старого строя и с пресловутым "мелкобуржуазным окружением". Фактически не была осознана логика развития бюрократизма, вытекающая из воплощения на практике большевистских идей, а это сыграло большую роль в последующем развороте событий.

Ярким проявлением кризиса в партии стала профсоюзная дискуссия, развернувшаяся в конце 1920 г. В ней в завуалированной форме нашли отражение все противоречия кризисного времени: о роли масс в строительстве нового общества, о форме государственного управления, об организации производства и другие. Участники разбились на восемь платформ и ожесточенно спорили между собой. Подвести итоги дискуссии должен был X съезд РКП(б). Традиционно считалось, что победила точка зрения Ленина, который в духе времени сформулировал тезис о профсоюзах как "школе коммунизма", о чем после этого 70 лет "талдычили" историки профсоюзного движения в СССР. Однако победа Ленина была не столь очевидна. Большинство участников дискуссии сошлись на том, что она несвоевременна ввиду ухудшения общего положения в стране, что не время делиться на платформы и фракции. Была принята резолюция, где содержался пункт об их временном запрещении под страхом исключения из партии. Этот пункт в дальнейшем искусно был использован во внутрипартийной борьбе и стал одним из постоянных и основополагающих принципов деятельности коммунистов.

Между тем брожение в стране росло и ширилось, постепенно приближаясь к столице. Участились собрания и митинги, на которых большевистский режим подвергался открытой критике. Подняли головы меньшевистские и эсеровские агитаторы. Последней каплей в переполненную чашу проблем стали проявления недовольства в Петрограде и Кронштадтский мятеж в марте 1921 г.

В истории с Кронштадтом необходимо отметить ряд существенно новых моментов. Во-первых, против большевиков выступили матросы Балтийского флота и крепости, которая всегда, даже в труднейшие для большевиков дни, оставалась их надежным бастионом. Во-вторых, поразительное единодушие в рядах восставших, упорство, озлобление и отчаяние, с которым они сражались против большевиков, их готовность умереть, но ни на йоту уступить в своих требованиях. В-третьих, лозунги, выдвинутые участниками мятежа: свободные выборы, свобода всем социалистическим партиям, устранение большевистской диктатуры в Советах, свобода слова, печати, собраний, отмена всех мер военно-коммунистического характера, введение рынка и т.п.

Восстание удалось подавить с большим трудом и немалой кровью. Огромные силы под командованием Тухачевского были брошены на штурм Кронштадта против 16 тыс. гарнизона и матросов линейных кораблей.

"Кронштадт" ясно продемонстрировал всю опасность политики следования прежним курсом, показал, что нужно менять ее в наиболее уязвимых аспектах, принимать действенные меры по выходу из кризиса.

II. НОВАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ: 1920-е годы

1. НЭП

Историю советского общества 1920-х годов обычно связывают с новой экономической политикой, которую стали проводить большевики после окончания гражданской войны. Предшествующая историография, как правило, значительно суживала значение нэпа, сводя его к анализу вопросов сугубо экономических. На самом же деле время, когда проводилась эта политика, были годами больших перемен не только в хозяйственной, но и в социальной и политической сферах. Это было время, когда в общественной жизни находила отражение борьба различных тенденций. Одни из них были обусловлены объективными обстоятельствами, в которых оказалась Советская республика, другие следовали из логики революционных преобразований, третьи были унаследованы из сложных перипетий эпохи военного коммунизма. Экономика была лишь стержнем, вокруг которого "крутились" события. Если принять во внимание эту взаимосвязь, то можно получить более полное и многомерное представление о том, что произошло в стране в конце 1920-х годов и что вслед за традицией, шедшей от Сталина, было названо "великим переломом". Поэтому есть смысл говорить не только о новой экономической политике как таковой, а о периоде или "эре" нэпа (термин западной историографии).

Историки и публицисты, которые обращаются к нэповской тематике, любят прибегать к метафорам и сравнениям. Одно время на слуху постоянно были ленинские слова о восходителе на очень крутую и высокую, никем не исследованную гору (видимо, имеется в виду движение к коммунизму), восходителе, который забрел в тупик, которому надо отступить, чтобы начать все сызнова, начать поиск других путей к "вершине". Здесь коренится трактовка нэпа как отступления в стратегии социалис-

тического и коммунистического строительства, наиболее последовательно выраженная Сталиным:

Нэп - особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капиталистических элементов при наличии командных высот у пролетарского государства, рассчитанная на борьбу капиталистических и социалистических элементов, рассчитанная на возрастание социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на построение фундамента социалистической экономики.

Цитата представляет собой типичный образец сталинской одномерной "творческой мысли", которая как бы "топчется" на одном месте, переваривая сказанное, и медленными толчками продвигается вперед. Тем не менее в ней отражен в сущности тот взгляд на нэп, который до сих пор бытует во многих исторических трудах.

Но прежде чем говорить о "восходителе" и "особой политике", наверное, стоит напомнить еще одну метафору, использованную Лениным, где он сравнивает страну после гражданской войны с избитым до полусмерти, тяжело больным человеком. Как известно, такой человек больше думает не о "восхождении", а о "лекарстве", которое поставило бы его на ноги. Новая экономическая политика, безусловно, явилась тем лекарством, которое позволило восстановить народное хозяйство, обрести относительную внутреннюю стабильность в стране или, как чаще сегодня говорят, "неустойчивое равновесие", после чего на повестку дня снова всплыл вопрос о "штурме высот социализма". Поэтому на нэп нужно взглянуть прежде всего как на "лекарство", как на средство, позволившее выйти из тяжелой кризисной ситуации. Подобный подход, думается, небезынтересен с точки зрения нынешних реалий.

Первый вопрос - откуда появилась идея нэпа? Авторами идеи считали себя многие, в том числе и в стане большевистских лидеров, а ее творцом долгое время признавали Ленина. В 1921 г. Ленин в брошюре "О продналоге" писал, что принципы нэпа были разработаны им еще весной 1918 г. в работе "Очередные задачи Советской власти". Определенная "переключка" между идеями 1918 и 1921 гг., конечно, есть. Это становится очевидным при учете сказанного Лениным о многоукладности экономики страны и политике государства по отношению к отдельным укладам. И все же бросается в глаза разная расстановка акцентов, на которую (возможно, - умышленно) не обратил внимания сам Ленин. Если в 1918 г. предполагалось строить социа-

лизм путем максимальной поддержки и укрепления социалистического (государственного) сектора наряду с использованием элементов государственного капитализма при противостоянии частному капиталу и "мелкобуржуазной стихии", то теперь говорится о необходимости привлечь для нужд восстановления (а позже и строительства нового общества) других форм и укладов. Осенью 1921 г. Ленин пишет:

Не дадим себя во власть "социализму чувства" или старорусскому, полубарскому, полумужицкому, патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь пользоваться, раз является в том необходимость, для укрепления связи пролетариата с крестьянством, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для подъема промышленности, для облегчения дальнейших, более широких и глубоких мер, как то: электрификации. (Напомним, что у Ленина электрификация олицетворялась с коммунизмом).

Последний лейтмотив звучит в последних его трудах все более явственно и отчетливо, несмотря на продолжающуюся риторику об "вынужденном отступлении".

Но было бы ошибкой связывать нэп только с именем Ленина. Идеи о необходимости изменения проводимой большевиками хозяйственной политики постоянно высказывались наиболее трезвыми и дальновидными людьми, независимо от их политической принадлежности. С этой точки зрения убийственную критику системе военного коммунизма давал, например, видный экономист Б.Д.Бруцкус в ряде своих публичных выступлений и статей. О том же говорили лидеры меньшевиков, других политических партий. Так что большевикам было откуда почерпнуть представления о том, как нужно перестраивать экономику. Однако, и в этом существенное отличие реформ периода нэпа от прежних и последующих, не особенно доверяя своим знаниям и опыту практических дел, накопленному в "героический период", большевистское руководство пошло на широкое привлечение к экономическим мероприятиям "буржуазных специалистов". Если это было не столь очевидно на руководящих постах, поскольку большинство народных комиссаров по-прежнему принадлежали к племени "пламенных революционеров", то очень сильно прослеживалось в системе ведомственных и межведомственных советов, комиссий, научных институтов и т.д. Почти при каждом органе управления: при ВСНХ, Госплане, Наркомфине, Наркомтруде и других существовала разветвленная система уч-

реждений, вырабатывающих научно обоснованную и достаточно взвешенную хозяйственную политику. Самим народным комиссарам пришлось сесть за учебники и "ученые" труды, сверяя их с "Капиталом" Маркса. Сегодня в печати высказывается мысль, что отдельные мероприятия нэпа лежали в русле идей отечественной финансово-экономической школы конца прошлого-начала нынешнего века. Однако подобный взгляд кажется слишком односторонним. Новая экономическая политика вобрала в себя комплекс разных идей и не чуралась обращения к самым передовым по времени теориям.

В свете сказанного, видимо, следует избегать упрощенных представлений о нэпе, в том числе со ссылкой на Ленина, обращающих внимание только на отдельные стороны этой политики, вроде той, что нэп - это союз ("смычка") города и деревни, "передышка перед решающим штурмом", "пере-группировка классовых сил" и т.п. Нэп - это цикл последовательных мероприятий по выходу из кризиса, которые диктовались скорее объективными обстоятельствами, чем какими-либо идеями и которые постепенно оформлялись в попытку наметить программу построения социализма экономическими методами. Наиболее последовательно эта программа была изложена в 1920-е годы в трудах Н.И.Бухарина, о ком речь пойдет несколько позже. С этой точки зрения вносится правильное понимание в смысл термина "новая экономическая политика", новая, т.е. сменяющая старую, военно-коммунистическую, и выдвигающая на первый план экономические методы управления. Яснее становится и вопрос о периодизации нэпа, о чем раньше тоже было сломано немало копий. Нэп кончается тогда, когда вместо экономических наступает полное господство методов административных, насильственных, чрезвычайных.

Правда, здесь мы встречаемся с двумя тенденциями, до сих пор характерными для историографии. Первая - идеализация нэпа, преувеличение успехов и достижений этого периода. Введение нэпа, в этом нет сомнения, позволило восстановить разрушенное народное хозяйство, облегчить тяготы, улучшить материальное положение людей. Однако в этот период получили развитие и многие процессы, порожденные рынком и усиленные специфическими обстоятельствами, в которых оказалась страна с ее разрухой, отсталой экономической и социальной организацией, аграрным перенаселением, инерцией военно-коммунистического наследия и др. Введение нэпа сопровождалось постоянным ростом безработицы, сокращением доли средств, идущих на социальные нужды и программы, на образование. С этими явлениями связана вторая тенденция - критика нэпа, которая исходит как от последовательных, "чистых" рыночников, так и

антирыночников. И те, и другие заявили себя едва ли не со времени введения нэпа. Они обращали внимание прежде всего на так называемые "кризисы нэпа", которые прошли через всю его историю и, по мнению отдельных ученых, не получив своего разрешения, привели к его свертыванию. У иных авторов получается, что нэпа, в смысле политики прежде всего экономической, вообще не было.

Следует заметить, что споры вокруг нэпа получают постоянную подпитку. Дело в том, что модели существования смешанной экономики, одна из которых впервые имела место в Советской России, в той же или видоизмененной форме с неодинаковой степенью успехов и поражений, проходили и проходят апробацию в разных странах и различных исторических условиях. Это снова и снова вызывает необходимость обращения к истории нэпа, ее объективной и беспристрастной оценки.

В разгар военно-коммунистической лихорадки в феврале 1920 г. один из ее главных знаменосцев Троцкий неожиданно выступил с предложением заменить продразверстку фиксированным денежным налогом. Однако никаких конкретных последствий его предложение не имело. Это был скорее импульсивный акт, реакция на трудности, связанные с продовольственным обеспечением. Ни в тот момент, ни позже Троцкий никогда не проявлял себя последовательным приверженцем преобразований в духе нэпа, выступая скорее сторонником свертывания этой политики, автором теорий "реконструкции нэпа", "неонэпа" и т.д.

Конкретные шаги по внедрению экономических стимулов в народное хозяйство начались с весны 1921 г. и вытекали из практических нужд. Первая проблема, которую срочно надо было решать, как выйти из разрухи, восстановить промышленность, накормить город. Это могло быть обеспечено только постоянным и стабильным поступлением сельскохозяйственных продуктов из деревни. Необходимо было заинтересовать крестьянина в расширении производства. Попытки следовать чисто административными мерами, в частности учреждением крестьянских посевкомов, не давали особого эффекта. Поэтому решено было заменить разверстку введением государственного налога на сельское население. Всех налогов в 1921 г. было установлено 13. Это представляло значительные неудобства и в 1922 г. был введен единый налог. Давала еще о себе знать прежняя идеология. Налог устанавливался в натуральном виде, объявлялся заранее и должен был взиматься в форме прямого продуктообмена с городом при использовании старого распределительного аппарата, созданного в период военного коммунизма. Из этого ничего не вышло. Понадобилось введение рынка и товарно-денежных от-

ношений с постепенным наращиванием их оборотов. В 1924 г. продналог был заменен единым сельскохозяйственным налогом, взимаемым преимущественно в денежной форме. Переход к рыночным отношениям поставил вопрос о допущении в народное хозяйство частника. Встал вопрос о новом поощрении госкапитализма в форме концессий, т.е. привлечении иностранного капитала к созданию предприятий или передаче их в аренду иностранцам. Сюда же поначалу относили стимулирование кооперации.

Главная же задача, которую провозглашало большевистское руководство, - укрепление социалистического сектора в лице крупной государственной промышленности и регулирование ее взаимодействия с другими укладами. В литературе часто утверждается, что упор на социалистическую промышленность создавал ситуацию "расходящейся экономики" и порождал противоречия и "кризисы нэпа". Это было бы так, если бы в государственном секторе не было бы произведено никаких изменений по сравнению с прежней системой. Поэтому нужно более тщательно разобраться в сущности так называемой хозяйственной реформы 1921-1923 гг. в промышленности.

Согласно этой реформе в государственном секторе была выделена семья наиболее крупных и эффективных предприятий, более или менее обеспеченных топливом, сырьем и т.п. Они подчинялись непосредственно ВСНХ. Остальные подлежали сдаче в аренду.

Предприятия, подчиненные ВСНХ, сводились в "кусты", объединялись в тресты, деятельность которых должна была строиться на строго хозрасчетных принципах, самофинансирования и самоокупаемости. Убыточные и нерентабельные предприятия (главным образом те, которые в предшествующие годы были связаны с производством военной продукции) закрывались или становились на консервацию. Правда, по политическим мотивам были сделаны некоторые отступления, как в случае с Путиловским заводом. Действующие предприятия доукомплектовывались квалифицированной рабочей силой за счет направления демобилизованных из армии и частичного возвращения тех рабочих, которые разбежались по деревням в годы гражданской войны. Для подготовки новых кадров была создана система профессионально-технического обучения, не имевшая, правда, массового характера. Для регулирования отношений между трестами, снабжения предприятий сырьем, материалами, для сбыта их продукции на рынке учреждались объединения-синдикаты, которые должны были действовать строго на договорной основе.

Была перестроена система управления промышленностью в сторону децентрализации. Вместо более полусотни прежних от-

раслевых главков и центров ВСНХ осталось только 16. Аппарат ведомства подвергся существенному сокращению. Число служащих было доведено до 91 тыс. (т.е. сокращено почти втрое). Сокращению подлежал и аппарат всех других учреждений.

С окончанием военных действий была демобилизована Красная Армия и военная промышленность, проведена военная реформа. Регулярная численность РККА к 1925 г. была снижена почти в 10 раз и доведена до 562 тыс. человек. Вместе с тем вводилась территориально-милиционная система подготовки резервов (без отрыва или с частичным отрывом от производства). Территория страны была разделена на 10 военных округов.

Для упорядочения и оздоровления финансов в конце 1921 г. был образован Государственный банк. Ему с 1922 г. было предоставлено право выпуска банковских билетов-червонцев с твердым покрытием. Параллельно с ними в течение 15 месяцев продолжали ходить в обращении обесценившиеся и продолжающие обесцениваться совзнаки или дензнаки, которые постепенно изымались государством. Денежное хозяйство велось на основе жесткого недопущения бюджетного дефицита и осторожной эмиссионной политики. Чтобы народные комиссары учились считать деньги, к ним были приставлены опытные финансисты. Так, при наркоме финансов Г.Сокольникове работал известный специалист в области финансов Л.Юровский. В 1924 г. финансовая реформа была завершена. Рубль как денежная единица укрепился и внутри страны и на мировом рынке.

Первые же мероприятия в рамках нэпа начали оказывать благотворное влияние, действие которого было подорвано голодом 1921 г., охватившего 25 хлебопроизводящих губерний Поволжья, Дона, Сев. Кавказа и Украины. Ослабленные годами бедствий и разорений крестьянские хозяйства не могли противостоять засухе и неурожаю. 6 млн. крестьянских хозяйств фактически вышли из строя. Голод сопровождался вспышками эпидемий: тифа, малярии и др. Убыль населения в республике составила, по некоторым оценкам, около 8 млн. (около 6% населения). Тысячи людей бежали из пораженных бедствием районов. Увеличилось число нищих, бродяг, сильно возросла детская беспризорность. Голод в Советской России 1921-22 г. известен как один из самых опустошительных в мировой истории.

Борьба с голодом, пожалуй, тоже впервые в истории, велась как широкая государственная кампания. Были мобилизованы все учреждения, предприятия, кооперативные, профсоюзные, молодежные организации, Красная Армия, была образована Центральная комиссия помощи голодающим - Пом-гол. Широкое участие в борьбе с голодом в России приняли международные организации, в частности, такие как Межрабпом

(специальная организация, созданная Коминтерном) и американская благотворительная организация АРА (*American Relief Administration*). В голодающие районы непрерывно шли эшелоны с продовольствием, лекарствами, медикаментами. Чтобы помочь голодающим государство пошло на изъятие церковных ценностей, причем данное мероприятие было проведено таким образом, что обострило давно, со времени революции, тлеющий конфликт между властью и церковью. Несмотря на ужасающие последствия голода, все же в результате принятых мер в 1922 г. удалось засеять 75% посевных площадей в пострадавших районах.

В 1923 г. из-за несогласованности действий органов хозяйственного управления произошел резкий скачок цен на промышленные товары массового спроса по отношению к ценам на сельскохозяйственную продукцию. Следствием этого стал первый кризис нэпа, затор в товарообороте, вызванный "ножницами цен". Кризис был разрешен административными мерами, вмешательством государственных органов, которые форсированием закупок хлеба на экспорт повысили закупочные цены на с.х. сырье и снизили (примерно на 30%) цены на промышленную продукцию.

К середине 1920-х годов предприятия легкой и пищевой промышленности в стране в основном восстановили довоенные объемы производства. Здесь немалую роль играло восстановление мелкого и кустарно-ремесленного производства. В 1925 г. в нем было занято около 4 млн. человек, больше, чем в фабрично-заводской промышленности. Но особенно быстро увеличивалось число торговцев и торговых заведений.

С переходом к нэпу и разрешением частной торговли, казалось, вся страна превратилась в гигантскую "сухарежку", особенно в тот момент, когда еще не была налажена государственная налоговая служба. Бывшие мешочники, рабочие, демобилизованные солдаты, домохозяйки и т.д. и т.п. толпами высыпали на улицы и площади, торгуя и обмениваясь, кто чем может. Оживилась деревенская, ярмарочная торговля. Очень скоро вмешательство государства, выступавшего ярким врагом "сухарежки", стало проявляться весьма решительно. Торговцы, впрочем, как и мелкие производители, должны были выкупать патенты и уплачивать прогрессивный налог. В зависимости от характера торговли (торговля с рук, в ларьках и киосках, магазинах, розничная или оптовая торговля, количество наемных рабочих) они были поделены сначала на 3, затем на 5 категорий. К середине 1920-х был сделан очень значительный сдвиг к стационарной торговле. Была создана широкая сеть магазинов и магазинчиков, занимающихся розничной торговлей, где главной

фигурой был частник. В оптовой торговле преобладали государственные и кооперативные предприятия. С 1921 г. стали возрождаться как пункты обращения товаров массового характера биржи, упраздненные в период военного коммунизма. К 1925 г. их число достигло довоенной цифры. К концу того же года в СССР было зарегистрировано 90 акционерных обществ, которые представляли собой объединения преимущественно государственного, кооперативного или смешанного капитала. Оборот торгующих акционерных обществ несколько превышал 1.5 млрд. руб.

С переходом к нэпу государство предоставило возможность развития различных форм кооперации. Наиболее быстро становилась потребительская кооперация, тесно связанная с деревней. Однако и другие формы, как то: снабженческая, кредитная, промысловая, сельскохозяйственная, производственная, жилищная и др. получили стимулы для своего развития. В стране стали возникать машинные, мелиоративные, семеноводческие, племенные станции и объединения. Началась концентрация и специализация производства. Впервые кооперация получила свое организационное оформление в масштабе государства, хотя довольно сложное и путаное. Во главе потребительской кооперации стоял Центросоюз, кустарно-промысловой - Всекопромсоюз. По линии сельскохозяйственной кооперации было создано 16 центральных союзов кооператоров, таких как Хлебоцентр, Маслоцентр, Льюцентр и др. Деятельность кооперативных объединений финансировалась сетью кооперативных и коммерческих банков. Не без влияния последних мыслей Ленина о кооперации был изменен ее статус. Теперь она (с некоторыми оговорками) стала относиться к социалистическому сектору народного хозяйства.

С 1924 г. стало "рассасываться" положение в тяжелой промышленности, началась расконсервация крупных заводов. Однако восстановление здесь шло более медленными темпами и довоенный уровень был достигнут только к концу десятилетия.

Ободренное экономическими успехами руководство в середине 1920-х годов сделало еще несколько шагов в направлении рынка. Были снижены налоговые ставки в целях стимулирования производства и мелкой торговли, расширены возможности аренды и найма рабочей силы, выселения на хутора. Однако эти меры не дали существенного эффекта. Напротив, начиная с 1926 г., в советском обществе стали нарастать трудности и противоречия, причины которых следует искать не только в экономике, но и в других сферах: социальной, политической, идеологической.

От нэпа получили далеко не все одинаково. Нэпом была недовольна значительная часть партийного и государственного руководства, воспитанная в духе "революционного штурма" и военно-коммунистической идеологии, нэпом были недовольны служащие госаппарата, поставленные перед угрозой сокращения. Нэп отрицали левацки настроенные интеллигенты. В период нэпа увеличилось число "лишних ртов", постоянно росли ряды безработных, вызывая недовольство тех, кто рисковал попасть в их число. В среде крестьянства тоже не было единства, роптали те, кто не особенно был настроен на систематический труд, или попал в сложные жизненные обстоятельства. Особенно тяжело воспринимался рост капиталистических элементов, усиление имущественной дифференциации, неприемлемые для эгалитаристских настроений первых послереволюционных лет. Не довольны были те, кто рассчитывал на быстрое воплощение в жизнь тех обещаний, которые щедро раздавались в период революции.

Для класса, от имени которого вершилась диктатура, т.е. рабочих, положение, по сравнению с дореволюционным, несомненно, улучшилось. Однако изменения, которые в нем происходили, могут быть оценены далеко неоднозначно. Недовольство своим положением продолжало сохраняться, что выразилось в массовых выступлениях рабочих в защиту своих экономических интересов. В 1922 г. бастовало почти 200 тыс. рабочих, в 1923 г. - 165 тыс., в 1924 г. - 41 тыс., причем снижение числа стачек было связано не столько с улучшением материального достатка рабочих, сколько с административными запретами.

Вряд ли можно сказать о преодолении "деклассирования пролетариата", что раньше считалось крупным социальным завоеванием 1920-х годов. Качественный состав его продолжал переживать процесс размывания. Значительные людские потери, ибо именно на рабочих выпали основные тяготы гражданской войны, гибель на фронтах лучших невосполняемых кадров, нанесли серьезный ущерб демографической и профессиональной структуре рабочего класса. Те, кто пережили войну, не особенно были склонны возвращаться на производство, даже рядовые красноармейцы рассчитывали "на должность", не говоря уже о комиссарах. Вот, например, весьма типичный документ эпохи (с сохранением орфографии оригинала):

Заявление в бюро ячейки отдельного кавэскадрона 27 Омской стрелковой дивизии имени Итальянского пролетариата от красноармейца члена РКСМ Н.И. Орловского

Прошу вашего ходатайства если возможно направить меня в школу ВПШ так мое стремление учиться

политическому учению если не возможно то прошу посылать меня на производства к нашему шефу в город Москву [имеется ввиду Главное управление военной промышленности] так как я на своем мельком и бедном хозяйстве жить не приходится и нужно искать помощи в своей повседневной пропитании или в крайнем случае не возможно меня никуда отправит до прошу совместно с командиром эскадрона оставить меня служить в рядах Красной Армии так как мне не приходится больше не очом возбуждать ходатайство прошу бюро ячейки обратить внимание на мое положение прозбы так как я думаю что поможет мне где либо устроиться

Член ЛРКСМ Николай Иванович Орловский

В какой-то мере подобным амбициям могли удовлетворять два явления, характерные для истории 1920-х годов: выдвиженчество и демократизация системы образования. Революция необычайно усилила всеобщее стремление к учебе, поощряемое официальными лозунгами. Вузовские аудитории, главным образом с помощью рабфаков, учрежденных в 1919 г. стали быстро заполняться рабочей молодежью, отрывающейся от производства. Ясно, что эти явления не лучшим образом сказывались на тех, кто еще оставался у станков.

В начале восстановительного периода рынок труда мог еще обеспечить заводы и фабрики квалифицированной рабочей силой. Однако по мере решения задач восстановления обнаружился парадокс: нехватка рабочих рук при их излишке, т.е. недостаток прежде всего квалифицированных рабочих. Да и само понятие квалификации оставляло желать лучшего. На производстве преобладал серенький малообразованный тип рабочего, не умевшего, как следует, постоять за свои права и неспособного к рабочей демократии. Отчасти этим объясняется слабость профсоюзного движения в 1920-е годы, хотя большинство рабочих, несмотря на переход к добровольному принципу объединения, продолжали оставаться в профсоюзах. С этим была связана дискуссия о праве рабочих на забастовки. Такое право было признано только за рабочими частного сектора. Впрочем, позиции профсоюзного руководства и органов рабочего управления на производстве в тот период были достаточно сильными, и администрация с ними была вынуждена считаться.

Весьма своеобразной была в период нэпа политика официального руководства - лозунг соблюдения "чистоты рядов рабочего класса", сохранения его "от мелкобуржуазного заражения". Даже неискушенному человеку ясно, что этот лозунг противоре-

чил всем принципам нэпа, "смычке" рабочего и крестьянина. В том же русле лежало постоянное идеологическое кадение руководства рабочему классу, явное и неявное предпочтение его представителям, третирование на этом фоне других социальных слоев и групп.

Нэп не только покончил с деклассированными элементами, которых немало образовалось в предшествующие годы, но в какой-то степени способствовал их росту. Постоянно увеличивалось число безработных. Пышным цветом расцвели преступность, проституция, наркомания. В три раза в 1920-е годы увеличилось число разводов.

В городской жизни 1920-х годов следует оживление и рост слоя мелких и средних предпринимателей - нэпманов, владельцев торговых заведений, мастерских, булочных, кафе, ресторанов и пр. Положение этой группы населения было незавидным. В сущности она находилась в постоянном враждебном окружении; официальная политика по отношению к нэпманам колебалась от вынужденного признания до периодически проводимых гонений и налетов, бюрократического произвола. "Новые капиталисты" были полностью лишены политических прав. Подобная обстановка создавала у нэпманов ощущение зыбкости, временности, неустойчивости происходящего. В соответствии с этим складывался их стиль жизни - "пропадать - так с музыкой!", урвать побольше, непрерывные кутежи, рвачество, готовность идти в обход закона. Все эти явления известны по источникам и литературе, как "гримасы" или "угар" нэпа.

В российской деревне 1920-х годов наметились некоторые позитивные сдвиги. Сказывалась еще инерция столыпинской реформы, чаще стало происходить выселение хозяев на хутора, продолжалось размывание общинных устоев; крестьяне поговаривали о переходе к интенсивным формам хозяйства, к многополью. Однако эти изменения были очень малозаметными. Деревня унаследовала значительную часть оставшихся от прошлого противоречий. Осуществляемый после революции "черный передел" не принесил желаемых результатов. Дело, стало быть, заключалось не только в количестве земли, предоставленной в пользование, а в целом ряде причин социально-экономического свойства, которые требовали комплексного решения. Политика сдерживания с помощью прогрессивного налогообложения зажиточных элементов и помощи малоимущим объективно вела к осереднячиванию крестьянства. Между тем понятие "средняк" по российским меркам было весьма относительным. Средняцкие хозяйства - это, чаще всего, хозяйства малотоварные, потребительские с тенденцией к очень медленному и неустойчивому, зависимому от многих факторов (природных, демографических и

др.) росту производства. Партийные руководители, привыкшие мыслить европейскими стандартами и сохранявшие старое социал-демократическое пренебрежение к крестьянству вообще, считали российскую деревню бедной, отсталой и нищенской. Отсюда - возникновение в рамках нэпа стремления создать в деревне рачительного и культурного хозяина, которое требовало значительных затрат на развитие сельского хозяйства. Однако представление о том, как это можно сделать, было весьма смутным и противоречивым. Выдвинутый Бухариным лозунг: "Обогащайтесь!" был неприемлемым в русле официальной политики и господствующего в обществе менталитета. Не случайно его автор оказался мишенью для критики со всех сторон. Ставка на кооперацию также предусматривала медленный эволюционный путь преобразований в деревне. До поры-до времени два десятка миллионов крестьянских хозяйств могли еще покрывать потребности сравнительно небольшого городского населения и восстанавливающейся промышленности, но рано или поздно вопрос об ускорении развития сельскохозяйственного производства должен был всплыть на повестку дня.

Получив от нэпа экономическое облегчение, крестьянство мало что приобрело в политической области. "Государство диктатуры пролетариата", провозгласив линию на союз с крестьянством, весьма своеобразно интерпретировало этот союз и не стремилось существенно расширить политические права деревенских жителей, снять, например, избирательные ограничения и неравенство прав на выборах в советские органы. Многочисленные письма крестьян, шедшие в печатные органы и в адрес руководства, свидетельствуют об их недовольстве подобной политикой. Оживились идеи создания особых политических организаций крестьянства, Крестьянского Союза.

Часто в литературе можно встретить утверждение, что трагедия нэпа заключалась в том, что меры экономические не были подкреплены политическими реформами. Это не совсем так. По сравнению с военным коммунизмом были сделаны шаги в направлении демократизации общества. Их можно проследить в самых разных областях, в том числе и в политическом устройстве. Среди них можно назвать: попытку оживить работу Советов, образование союзного государства, разработку административно-территориальной реформы. Однако все эти действия были непоследовательными, противоречивыми, а иногда сопровождались встречными действиями прямо противоположного свойства и, прежде всего, - в идеологической области, исходившими от правящей партии.

РКП(б)/ВКП(б) в 1920-е годы превращается из политической партии в особый социальный и политический организм советс-

кого общества. Политика по отношению к другим партиям характеризовалась крайней нетерпимостью. В 1921-1922 гг. был организован ряд процессов, на которых по обвинению в контрреволюционной деятельности предстали руководители партии эсеров и других политических групп. Суд был скорым и неправым. Вспоминались старые обиды, что противоречило декрету о прощении лиц, принимавших участие в гражданской войне. По результатам процессов деятельность всех политических партий была запрещена. Советское общество сделало последний шаг по пути превращения в однопартийную диктатуру.

Одновременно в РКП(б) была проведена широкомасштабная чистка с целью сохранения идеологического пуризма, избавления партийных рядов от случайных, неустойчивых элементов, которые, по мнению руководства, подрывали авторитет партии, снижали ее имидж передового революционного авангарда пролетариата. Всеми делами в партии заправляла небольшая группа бывших профессиональных революционеров, которые рассредоточились на важнейших партийных и государственных постах. Эта партийная элита мыслила еще себя неотрывной частью мирового революционного движения, его лево-радикального коммунистического крыла.

Период окончания гражданской войны и перехода к нэпу отмечен нарастающей активностью российских коммунистов на международной арене. Созданный в 1919 г. по инициативе Ленина Коммунистический Интернационал (Коминтерн) провозгласил себя организацией открытого массового действия, построенной по образцу большевистской партии и ставившей конечной целью осуществление мировой социалистической революции. На III Конгрессе Коминтерна, который собрался в июле 1921 г. в Москве, присутствовало небывалое число делегатов (605 из 52 стран). Конгресс выдвинул задачу скорейшего образования коммунистических партий и завоевания ими масс (лозунг "к массам"), создания массовых революционных организаций. В их число входили КИМ (Коммунистический Интернационал молодежи, обр. 1919 г.), Профинтерн (обр. 1920-1921 гг.), Межрабпом (Международная рабочая помощь, обр. 1921 г.), МОПР (Международная организация помощи борцам революции, обр. 1922 г.) и др.

Партия и коммунистические организации ставились фактически в особое положение в стране. Это значит, что многое в политической жизни этого времени зависело от процессов, происходящих в самой партии, борьбы внутри нее, путей распространения ее влияния на общество, на чем, видимо, следует остановиться специально.

Противоречия политической жизни 1920-х годов проявились и в правовой сфере. С одной стороны, наблюдалось стремление поставить общество в рамки закона. С этой целью был разработан и принят целый ряд кодексов, регулирующих правовые отношения (Гражданский, Земельный, Уголовный и др.). С другой стороны, в законодательстве явно сквозил примат классового содержания и революционной целесообразности. Политические и идеологические органы выносились тем самым как бы за рамки закона, хотя цель судебной реформы была покончить с злоупотреблениями властью. Так, чтобы подчеркнуть этот момент, ВЧК преобразовывалась в Главное политическое управление (ГПУ, с 1924 г. - ОГПУ), однако сохранение за ним политических функций отводило ему в обществе особое место.

В идеологической и культурной жизни в 1920-е годы наблюдались еще элементы плюрализма. В начале нэпа была несколько ослаблена цензура. Существовали различные научные школы и направления. Достаточно богатой и разнообразной была художественная жизнь. В среде интеллигенции получила довольно широкое распространение идеология "смены вех", которую иногда представляют как идеологию национал-большевизма. Ее авторами были Н.В.Устрялов, один из деятелей правительства Колчака, а также ряд эмигрантских публицистов. Суть сменовеховских идей, чем она более всего пришлась по душе российской образованной публике, признание советской власти как сумевшей спасти государственность в России, найти разумный выход из кризиса, и необходимость сотрудничества с ней в расчете на то, что жизнь сама все поставит на свое место, заставит большевиков пойти по пути возрождения и разумного устройства страны, независимо от их революционной риторики. В рядах же самих большевиков сменовеховство было встречено крайне подозрительно. Тем не менее среди теоретиков партии под влиянием нэпа появились проповедники классового гражданского мира, борцы с военно-коммунистической идеологией. Однако не они определяли погоду. Большинство оставались на позициях чистоты марксизма, классовой борьбы, идейного противоборства. Именно они постепенно раскручивали идеологическое наступление по "всем фронтам". Идейные противники большевиков подвергались запретам, гонениям, судебным преследованиям, выдворению за границу. Сначала вынуждены были уехать из страны лидеры небольшевистских организаций. В 1922 г. из России была выслана большая группа писателей и ученых: философов, социологов, историков, стоявших якобы на реакционных позициях. Изгнание за рубеж продолжалось и в последующие годы.

Особенно яростной и нетерпимой была антирелигиозная пропаганда. Большая часть населения страны, особенно старшие

поколения, оставались верующими. Борьба с религией представляла собой своеобразную "битву за умы". Хотя коммунисты частично преуспели в своей агитации среди молодежи, сломить пассивное сопротивление церкви им не удавалось. Войнствующее, зачастую безграмотное безбожие, насаждаемое административными мерами, не имело особых шансов на успех. В начале 1920-х годов внутри православной церкви усилилось так называемое "обновленческое движение", которое само по себе восходило к либеральным и христианско-социалистическим идеям начала века, противостоявшим официальной церковной политике. Однако в сложившейся ситуации движение было искусно использовано партийными и политическими органами для раскола церкви. Обновленцы создали церковный Собор с целью низложения патриарха Тихона. Признанием советской власти в середине 1923 г. и прекращением "анафемствования" коммунистов патриарх выбил почву из-под ног своих оппонентов. Тем не менее крайне враждебное отношение к религии и гонения на церковь со стороны руководства продолжали усиливаться.

Таким образом, общая картина, складывавшаяся в первые годы нэпа, была весьма далека от идеальной. Встает вопрос, какие выводы сделало для себя большевистское руководство из своих послеоктябрьских экспериментов. С этой точки зрения привлекают раздумья позднего, уже отошедшего от дел, тяжело больного Ленина. Советская историография много писала о ленинском плане строительства социализма, о политическом завещании Ленина. Вряд ли стоит говорить о существовании такого плана и тем более о завещании. Из лоскутных и противоречивых высказываний Ленина последних лет трудно составить "завещание". Тем не менее привлекает несколько его мыслей, навеянных, видимо, под влиянием частичных успехов нэпа и имеющих принципиальное значение. Если несколько абстрагироваться от увлечения Ленина очередной идеей, (кооперацией, так же, как ранее электрификацией), то, во-первых, это мысль о необходимости "найти степень соединения частного интереса, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов", во-вторых, мысль о необходимости "признать коренную перемену всей точки зрения нашей (т.е. большевиков - А.С.) на социализм", в третьих, о "перенесении центра тяжести на мирную организационную "культурную" работу" вместо акцента "на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д." Ленин готов перенести центр тяжести даже на чисто "культурническую" (т.е. без классового содержания) работу, если бы не международная обстановка. Как показали последующие события, их развитие пошло совсем по другому сценарию.

2. ОБРАЗОВАНИЕ СССР

На исходе гражданской войны территория страны представляла собой особенно на окраинах конгломерат различных государственных и национально-государственных образований, статус которых определялся многими факторами: движением фронтов, состоянием дел на местах, силой местных сепаратистских и национальных движений. По мере того, как Красная Армия занимала опорные пункты на различных территориях, вставал вопрос об упорядочении национально-государственного устройства. О том, каким оно должно быть, среди большевистского руководства не было единого мнения еще со времен партийных дискуссий по национальному вопросу. Практически все считали его второстепенным, зависимым от главной задачи - осуществления пролетарской революции. Но в рамках этого подхода имелись и свои политические нюансы, которые так или иначе должны были сказаться на послевоенном национальном строительстве. Так, значительная часть большевиков вообще игнорировала проблему национального самоопределения, целиком полагаясь на "пролетарский интернационализм" и выступая сторонниками унитарного государства. Их лозунг - "долой границы!", выдвинутый Г.Л.Пятаковым. Другая часть выступали сторонниками так называемого "самоопределения трудящихся" (Бухарин и др.). Более осторожную позицию занимал Ленин. Отвергая идею "культурно-национальной автономии", принятую в программах ряда социал-демократических партий Запада, он ставил вопрос о желательности для большевиков форме национального самоопределения в зависимости от конкретно-исторических условий и от того, как будет развиваться "революционная борьба пролетариата". В то же время поначалу симпатии Ленина были очевидными: он сторонник централистского государства и автономизации живущих в нем народов. Впрочем, осознавая сложность проблемы, Ленин настаивал на ее

специальном анализе, который следовало бы поручить представителю национальных меньшинств. Как раз к месту пришелся "чудесный грузин". Закрепление за И.В.Сталиным роли в партии как специалиста по национальному вопросу, видимо, было связано с тем, что его "разработки" были весьма схожими с мыслями самого Ленина. В труде "Марксизм и национальный вопрос" Сталин дал определение нации, которое во многом бытует и до настоящего времени, и пришел к однозначному выводу о необходимости областной автономии в России для Польши, Финляндии, Украины, Литвы, Кавказа.

Возглавив после революции Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), Сталин в сущности мало изменил свою позицию. Он стоял за создание как можно более крупных независимых государственных объединений в составе России с учетом их национальной специфики, хотя их образование он рассматривал как решение чисто временных задач, препятствующее росту националистических настроений.

Вместе с тем революция и практика национально-государственного строительства "снизу" в период 1917- 1918 гг. показали, что значение национального вопроса для России большевиками было явно недооценено. Одним из первых это констатировал Ленин при анализе данных о выборах в Учредительное собрание. Целый ряд территорий, руководимых национальными правительствами, вообще отпал от России. На территориях под большевистским контролем утвердился принцип федеративного устройства, хотя в бурных событиях военного времени не всегда было до решения национальных дел. Тем не менее взаимоотношения "независимых" республик оформлялись путем специальных договоров и соглашений (в области военной, хозяйственной, дипломатической и др.). В период 1919-1921 гг. была подписана целая серия таких договоров, которые предусматривали совместные мероприятия по обороне, в сфере хозяйственной деятельности, дипломатии. Согласно договорам происходило частичное объединение органов управления, которое не предусматривало однако подчинение высших и центральных органов советских республик единому центру и единой политике. В условиях жесткой централизации, присущей периоду военного коммунизма, постоянно возникали конфликты и трения между центральными и местными властями. Проблема заключалась еще и в том, что в рядах самих коммунистов, особенно на местах, весьма заметными были националистические и сепаратистские настроения и местные руководители постоянно стремились "поднять планку" в статусе своих национально-государственных образований, которые окончательно не были установлены. Все эти противоречия, борьба объединительных и сепара-

тистских тенденций не могли не сказаться, когда большевики с переходом к мирному строительству взялись за определение национально-государственного устройства.

На территории, где к 1922 г. была установлена власть Советов, этнический состав, несмотря на изменение границ, оставался очень пестрым. Здесь проживало 185 наций и народностей (по переписи населения 1926 г.). Правда, многие из них представляли либо "рассеянные" национальные общности, либо недостаточно определившиеся этнические образования, либо специфические ответвления других этносов. Для объединения этих народов в единое государство, бесспорно существовали объективные предпосылки, имеющие глубокие исторические, экономические, политические и культурные основания. Образование СССР не было только навязанным сверху актом большевистского руководства. Это одновременно был процесс объединения, поддерживаемый "снизу".

С момента вхождения различных народов в Россию и присоединения к ней новых территорий, что бы ни говорили сегодня представители национальных движений, их объективно начинала связывать общность исторических судеб, происходили миграции, перемешивание населения, складывалась единая хозяйственная ткань страны, основанная на разделении труда между территориями, создавалась общая транспортная сеть, почтово-телеграфная служба, формировался общероссийский рынок, налаживались культурные, языковые и другие контакты. Были факторы и препятствующие объединению: русификаторская политика старого режима, ограничение и стеснение прав отдельных национальностей. Соотношение центростремительных и центробежных тенденций, которые сегодня с новой силой борются на территории бывшего СССР, определяется совокупностью многих обстоятельств: длительностью совместного "проживания" различных народов, наличием компактно заселенной территории, численностью наций, прочностью "сцепления" их связей, наличием и отсутствием в прошлом своей государственности, традициями, своеобразием уклада, национальным духом и т.д. В то же время вряд ли можно провести аналог между Россией и существовавшими в прошлом колониальными империями и называть первую вслед за большевиками "тюрьмой народов". Отличия, характерные для России бросаются в глаза - это целостность территории, полиэтничный характер ее заселения, мирная по преимуществу народная колонизация, отсутствие геноцида, историческое родство и сходство судьбы отдельных народов. Образование СССР имело и свою политическую подоплеку - необходимость совместного выживания созданных политических режимов перед лицом враждебного внешнего окружения.

Для выработки наиболее рациональных форм национально-государственного строительства была создана специальная комиссия ВЦИК, у которой с самого начала наметились расхождения с Наркомнацем. Сталин и его сторонники (Дзержинский, Орджоникидзе и др.), большей частью из числа так называемых "русопетов", т.е. лиц нерусской национальности, утративших связь со своей национальной средой, но выступавших защитниками интересов России, выступили с идеей автономизации советских республик. Случай, когда именно такие группы выступают носителями великодержавия представляют любопытный психологический феномен человеческой истории.

Уже на X съезде РКП(б), который знаменовал переход к нэпу, Сталин, выступая с основным докладом по национальному вопросу, утверждал, что Российская Федерация является живым воплощением искомой формы государственного союза республик. Надо добавить, что именно по линии Наркомнаца в 1919-1921 гг. происходило строительство большинства автономий в составе РСФСР, определение их границ и статуса, зачастую путем администрирования со следами поспешности и непродуманности. (1918 г. - Немцев Поволжья трудовая коммуна; 1919 г. - Башреспублика; 1920 г. - Татареспублика, Карельская трудовая коммуна, Чувашская АО, Киргизская /Казахская/ АССР, Вотская /Удмуртская/ АО, Марийская и Калмыцкая АО, Дагестанская и Горская АССР (на ее основе позднее было создано еще ряд автономий); 1921 г. - Коми зырян АО, Кабардинская АО, Крымская АССР).

Выступление Сталина на съезде вызвало бурную реакцию. Член Туркестанской комиссии ВЦИК Г.И.Сафаров обвинил партию в невнимании к национальному вопросу, в результате чего большевики, по его мнению, наделали массу простительных ошибок в Средней Азии. Выступавший был прав, ибо, действительно, левацкие загибы большевиков в Туркестане, принесли местному населению немало бед, которым в то время не видно было конца, о чем свидетельствовал рост повстанческого (басмаческого) движения.

Представитель Украины В.П.Затонский, критикуя тезисы сталинского доклада, заявил: "Эти тезисы как будто писались вне времени и пространства. В общем и целом их можно было написать и до Октябрьской революции, и в 1918, и в 1919 г. ... Отбояриваясь от вопроса голым провозглашением права наций на самоопределение - нельзя. Фактически мы видим, что национальное движение после революции и при советской власти отнюдь не ликвидировано. Национальное движение, пожалуй, было пробуждено революцией. Это мы проглядели."

Решение съезда по национальному вопросу было составлено с учетом высказанных мнений. Оно подчеркивало целесообразность и гибкость применения различных видов федераций: основанных на договорных отношениях, на автономии и промежуточных ступенях между ними. Однако Сталин и его сторонники вовсе не склонны были учитывать критику своей позиции. Это отчетливо проявилось в процессе национально-государственного строительства в Закавказье.

Закавказье представляло собой сложный комплекс национальных отношений и противоречий, сохранявшихся в давних времен. Этот регион требовал особенно тонких и взвешенных подходов. Период существования здесь в предшествующие годы местных национальных правительств, сметенных Красной Армией и местными большевиками, тоже оставил свой след в сознании местного населения. Грузия, например, в период своего независимого существования в 1918-1921 гг. наладила довольно широкие связи с внешним миром. Экономика Грузии имела довольно своеобразные черты. Здесь была слабой промышленность, но очень заметной роль мелкого производства и мелких торговцев, сильным было влияние местной интеллигенции. Поэтому некоторые большевистские лидеры, и прежде всего Ленин, считали, что в отношении Грузии нужна особая тактика, не исключающая, в частности приемлемого компромисса с правительством Ноя Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, которые не были абсолютно враждебны к мысли об установлении советского строя в Грузии.

Тем временем национально-государственное строительство в регионе пошло по пути создания Закавказской Федерации (ЗСФСР) с поправлением интересов населения отдельных республик и национальных территорий. По договору 1922 г. республики передавали свои права союзной закавказской конференции и ее исполнительному органу Союзному Совету в области внешней политики, военных дел, финансов, транспорта, связи и РКИ. В остальном республиканские исполнительные органы сохраняли самостоятельность. Таким образом выработывалась модель объединения, которой вскоре предстояло пройти испытание на прочность в связи с решением вопроса об отношениях Закавказской Федерации и РСФСР.

В августе 1922 г. для решения вопроса об объединении советских республик в центре была образована специальная комиссия под председательством В.В.Куйбышева, но наиболее активная роль в ней принадлежала тому же Сталину. По составленному им проекту предусматривалось вхождение всех республик в РСФСР на правах автономных. Разосланный на места

проект вызвал бурю возражений, но в самой комиссии он получил одобрение.

Дальнейшие события характеризуются вмешательством Ленина. Это было, пожалуй, последняя активная попытка партийного вождя, под влиянием болезни постепенно отходившего от руководства, каким-то образом повлиять на течение государственных дел. Позиция самого Ленина по поводу объединения была не ясной, недостаточно определенной, но очевидно, что он был противником сталинского проекта. "Исправить положение" он поручил своему заместителю Л.Б.Каменеву, который, однако, сам не имел твердых убеждений по национальному вопросу. Составленный им проект учитывал пожелания Ленина и, отвергая идею автономизации, предусматривал договорный способ государственного объединения республик. В таком виде он был одобрен партийным пленумом.

История конфликта между тем получила свое продолжение. В октябре 1922 г. партийные руководители Грузии заявили о своей отставке как несогласные с условиями вхождения в единое государство через Закавказскую Федерацию, считая ее нежизненной (что, впрочем, впоследствии и подтвердилось) и настаивая на отдельном оформлении договора с Грузией. Руководитель Закрайкома Орджоникидзе пришел в ярость, грозил грузинским лидерам всяческими карами, обозвал их шовинистической гнилью и что вообще ему надоело нянчиться со стариками с седой бородой. Мало того, когда один из работников ЦК Компартии Грузии обозвал его сталинским ишаком, Орджоникидзе обрушил кулак на его физиономию. История получила широкую огласку и известна в литературе как "грузинский инцидент". Она в какой-то мере характеризует нравы, царящие в то время в партийном руководстве. Комиссия, созданная для разбора "инцидента" под председательством Дзержинского, оправдала действия Закрайкома и осудила грузинский ЦК.

30 декабря 1922 г. на съезде Советов, где были представлены делегации РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР, было провозглашено образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Союз строился по модели, выработанной в Закавказье. Были приняты соответствующие Декларация и Договор. В Декларации указывались причины и принципы объединения. В Договоре определялись взаимоотношения между республиками, образующими союзное государство. Формально оно учреждалось как федерация суверенных советских республик с сохранением права свободного выхода и открытым доступом в нее. Однако механизм "свободного выхода" не предусматривался. В компетенцию Союза передавались вопросы внешней политики, внешней торговли, финансов, обороны, путей сооб-

щения, связи. Остальное считалось в ведении союзных республик. Высшим органом страны объявлялся Всесоюзный съезд Советов, в перерывах между его созывами - ЦИК СССР, состоявший из двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей.

Во всей истории с образованием СССР нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что большую роль во всех мероприятиях играют партийные функционеры, их прихоти и капризы. Свои действия они воплощают в практику с помощью интриг и закулисных маневров. Роль самих представительных органов сводится к одобрению выработанных не ими, а партийными органами решений. Долгое время считалось, что с вмешательством Ленина удалось добиться устранения из большевистской практики неверных с точки зрения решения национального вопроса установок, выправления сталинской линии.

В день, когда состоялось образование союзного государства, вышла работа Ленина "По вопросу о национальностях и автономизации". В этой работе сквозит недовольство Ленина всей историей, связанной с образованием СССР, несвоевременной затеей Сталина, которая, по его мнению, "завела все дело в болото". Однако старания Ленина, его попытки "разобраться" с проявлениями великорусского шовинизма, наказать виновников "грузинского инцидента" особых последствий не имели. Поток событий в партии, устремился в другую сторону и проходил без участия Ленина. Уже разворачивалась борьба за его наследство, в которой все больше возвышалась фигура Сталина. Можно сказать, что показав себя сторонником централистского государства, крутых и грубых административных решений в национальном вопросе, Сталин мало изменился в своем отношении к национальной политике, постоянно подчеркивая опасности националистических проявлений и необходимость их беспощадного подавления.

Вместе с тем образование союзного государства, несмотря на обстановку, в которой оно происходило, имело немало положительных потенций, особенно в период нэпа, когда еще далеко не все зависело от Сталина и не существовало жесткой централизованной плано-распределительной системы. В этом смысле создание СССР следует рассматривать не как конечный, завершающий акт национально-государственного строительства, а как важный шаг вперед в решении национального вопроса, как определенную перспективу развития национальных отношений в рамках союзного государства, которая не нашла своего полного воплощения.

II Всесоюзный съезд Советов, состоявшийся в январе 1924 г. в траурные дни, связанные со смертью Ленина, принял союзную

конституцию, в основе которой лежали Декларация и Договор, а в остальном ее положения зиждились на принципах конституции РСФСР 1918 г., отражавших ситуацию острого социального противоборства. В 1924-1925 гг. были приняты конституции союзных республик, в основном повторяющие положения общесоюзной.

Одним из первых мероприятий, проведенных в рамках Союза, было "национально-государственное размежевание Средней Азии". На территории региона до 1924 г. существовали, кроме Туркестанской АССР, образованной еще в 1918 г., две "народные" советские республики - Бухарская и Хорезмская, созданные после свержения большевиками с престола бухарского эмира и хивинского хана. Существующие границы явно не соответствовали расселению этнических общностей, чрезвычайно пестрому и неоднородному. Не совсем ясен был вопрос и о национальной самоидентификации народов и о формах их самоопределения. В результате длительных обсуждений национальных вопросов на местных съездах и курултаях и перекройки границ образовались: Узбекская и Туркменская союзные республики. В составе Узбекской ССР была выделена автономия таджиков (впоследствии повышенная до статуса союзной республики), а в ней - Горно-Бадахшанская АО. Часть территории Средней Азии была передана Казахской АССР (также впоследствии ставшей союзной республикой). Туркестанские и хорезмские каракалпакки образовали свою АО, вошедшую в состав Казахской АССР, а в последующем перешедшей в Узбекскую ССР на правах автономной республики. Киргизы образовали свою автономную республику, вошедшую в состав РСФСР (позднее тоже была преобразована в союзную республику). В общем и целом национально-государственное размежевание Средней Азии позволило обрести региону на некоторое время стабильность и устойчивость, однако крайняя чересполосица этнического расселения не позволяла разрешить вопрос в идеальном варианте, что создавало и создает вплоть до настоящего времени источник напряженности и конфликтов в данном регионе.

Создание новых республик, автономных областей шло и в других районах страны. В 1922 г. в составе РСФСР были образованы Карачаево-Черкесская АО, Бурят-Монгольская АО (с 1923 г. - АССР), Кабардино-Балкарская АО (позднее АССР), Якутская АССР, Ойротская (позднее Горно-Алтайская) АО, Черкесская (Адыгейская) АО, Чеченская АО. В составе ЗСФСР на территории Грузии были созданы Аджарская автономия (1921 г.) и Юго-Осетинская АО (1922 г.). Отношения Грузии и Абхазии, двух территорий с застарелым национальным конфликтом, были оформлены в 1924 г. как внутренний союзный договор. В

составе Азербайджана в 1921 г. была образована Нахичеванская АССР, в 1923 г. - Нагорно-Карабахская АО, населенная преимущественно армянами. На территории Украины на левобережье Днестра в 1924 г. возникла Молдавская АССР. Столь подробное перечисление национальных образований в СССР связано с тем, что сегодня в период распада союзного государства многие из них являются зонами и потенциальными очагами межнациональных конфликтов.

Обретение народами бывшей Российской империи своей государственности имело двоякие следствия. С одной стороны, оно пробуждало национальное самосознание, способствовало становлению и развитию национальных культур, позитивным сдвигам в структуре коренного населения. Постоянно повышался статус этих образований, удовлетворяющий росту национальных амбиций. С другой стороны, этот процесс требовал адекватной тонкой и мудрой политики центрального союзного руководства, соответствующей национальному возрождению. В ином случае загоняемые до поры до времени внутрь национальные чувства и их игнорирование таили в себе потенциальную опасность взрыва национализма при неблагоприятном раскладе событий. Правда, в то время руководство мало задумывалось об этом, щедрой рукой нарезая территории отдельным государственным образованиям, даже если коренные жители и не составляли на них большинства населения, или легко передавая их "из рук в руки", от одной республики к другой, - еще один потенциальный источник напряженности.

В 1920-е годы в рамках национально-государственных образований проводилась так называемая политика коренизации, которая заключалась, во-первых, в коренизации их руководящего аппарата за счет вовлечения в него национальных кадров, их ускоренной подготовки. Многие из созданных национальных образований не имели ни своего рабочего класса, ни сколько-нибудь значительного количества интеллигенции. Здесь центральное руководство вынуждено было идти на нарушение принципов "диктатуры пролетариата" в пользу национального равноправия, привлекая к руководству весьма разношерстные элементы. Эта сторона коренизации положила начало образованию местных элит с присущей им национальной спецификой. Впрочем, центр прилагал немало усилий, чтобы держать этих местных руководителей "в узде", не допуская излишней самостоятельности и беспощадно расправляясь с "национал-уклонистами". Другой аспект коренизации - культурный. Он заключался в определении статуса национальных языков, создании письменности для тех народов, которые ее не имели, строительстве национальных школ, создании собственных лите-

ратур, искусства и т.д. Надо отдать должное, государство уделяло очень много внимания помощи отсталым в прошлом народам, выравниванию уровней экономического, социального и культурного развития отдельных наций.

К вопросам национально-государственного строительства тесно примыкает реформирование административно-государственного устройства страны. На необходимость его указывалось еще в период революции. Но только окончание гражданской войны позволило перейти к непосредственному решению этой задачи, которая состояла в том, чтобы от чисто административного перейти к административно-хозяйственному делению государства в соответствии с исторически сложившимися экономическими районами. Работа велась под руководством ВЦИК и Госплана. Переход к этапу потребовал внести в эту работу необходимый элемент децентрализации, передачи части управленческих функций на места. Национально-государственное строительство и образование СССР внесли коррективы в проект административно-территориальных преобразований. Фактически реформирование началось с 1923 г. путем создания в порядке эксперимента на территории РСФСР Уральской области и в 1924 г. Северо-Кавказского края. Во второй половине 1920-х годов были образованы еще 6 краев (административные единицы, имеющие внешнюю границу или включающие в себя автономии): Сибирский (1925 г.), Дальневосточный (1926 г.), Средне-Волжский (1928 г.), Нижне-Волжский (1928 г.), Северный (1929 г.), Нижегородский (1929 г.), и 5 областей, не считая национальных образований, к ним приравненных: Ленинградская (1927 г.), Центрально-Черноземная (1928 г.), Московская (1929 г.), Ивановская Промышленная (1929 г.) и Западная (1929 г.). Было упразднено прежнее деление на губернии, уезды и волости. Края и области делились на округа, округа на районы, районы на сельсоветы. В конце 1920-х годов были выделены отдельно национальные округа (всего 10) и районы.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В 1920-е ГОДЫ И "СУМЕРКИ" НЭПА

Борьба в высших эшелонах партийно-государственного руководства поначалу разворачивалась вокруг "ленинского наследия" и выливалась прежде всего в проблему лидерства в политической и идеологической области. Эта борьба началась еще до смерти Ленина, который, находясь в подмосковных Горках, больной и отстраненный от дел, фактически не имел возможности принимать участия в дискуссиях.

Если Ленина отличали исключительная цельность натуры и всепоглощающая страсть в борьбе за власть, за "диктатуру пролетариата", ради которой он был готов идти на любые жертвы и компромиссы, то его теоретическое наследие, зачастую как раз в силу именно этой причины, оказалось весьма противоречивым. Всякий мало-мальски способный мыслить коммунист мог черпать из этого наследия подтверждение своих собственных взглядов, что стало весьма распространенным явлением в постоянной "войне цитат" - неотъемлемом спутнике идейной жизни советского общества. Так, защитники внутрипартийной демократии с равным успехом могли ссылаться на Ленина, как и их оппоненты; твердолобые сторонники крутых и решительных мер тоже могли опираться на Ленина, как и те, кто призывал к осторожности и умеренности, к поиску компромиссов; к Ленину апеллировали как проponentы мировой социалистической революции, так и теоретики "построения социализма в одной, отдельно взятой стране".

В ленинском творческом наследии можно отчетливо проследить несколько "связанных узлов", заметно отличающихся друг от друга. Это, во-первых, его труды, посвященные стратегии и тактике большевиков в революционном движении, имеющие к советской истории опосредованное отношение. Во-вторых, это работы периода "бури и натиска", в которых содержатся общие,

нередко утопические, смутные и неопределенные очертания будущего общественного устройства в сочетании с "моментальными кадрами" речей и выступлений вождя, отражавших напряженные и лихорадочные усилия большевиков для завоевания власти и ее удержания в условиях острейших социальных и политических столкновений. От этой части ленинского наследия берет начало "левый уклон" в ВКП(б) и международном коммунистическом движении, руководимом большевиками. Впрочем, термин "левый" в партийном лексиконе всегда заключался в кавычки, т.е. подразумевалось, что за ним стоит нечто иное, отличное от "генеральной линии" партии, якобы олицетворявшей истинно левое крыло в мировом революционном движении. Наконец, это последние работы Ленина, где, как уже отмечалось, содержится попытка осмыслить опыт, пережитый Россией за несколько лет после революции. Эта попытка не образует сколько-нибудь завершенной и стройной концепции. Ленин размышляет о том, какими путями идти к социализму в крестьянской по преимуществу стране, способах "приобщения" крестьянства к социалистическому строительству, выражает тревогу по поводу неправильной организации управления в Советской республике, недовольство тем, как решаются вопросы национально-государственного устройства страны, озабочен растущей бюрократизацией партийно-советских учреждений, выражает сомнения по поводу личных качеств своих ближайших соратников и беспокойство в связи с этим судьбой партийного руководства. Мысли Ленина этого времени отрывочны и хаотичны, тем не менее многие из них легли в основу так называемого "правого уклона" в партии и Коминтерне.

Большая часть литературы, посвященной истории 1920-х годов, рассматривает ее исключительно в контексте персональной борьбы за власть. Это - одномерный взгляд. Политическая борьба "наверху" определялась суммой многих обстоятельств, складывавшихся во внутренней и международной жизни от самых низших ее пластов до высших эшелонов руководства. При Ленине оно было более или менее единым, вернее то, что его объединяло, играло более весомую роль, чем расхождения во взглядах. Однако по мере укрепления советской власти последние стали приобретать все более существенное значение. Если все из коммунистических вождей были согласны в том, что на путях строительства нового общества нужно проводить индустриализацию, кооперирование, культурную революцию, то различия во взглядах касались вопроса о том, можно или нельзя построить социализм в одной стране, если нельзя, то как и каким образом удерживать подступы к мировой революции, можно или нет осуществлять "экспорт" революции в другие страны, какими

путями и способами. Сильно расходились точки зрения и по вопросу о темпах и методах строительства социализма, об отношении к отдельным классам и слоям советского общества. С учетом сказанного, дискуссии в ВКП(б) представляют собой причудливое смешение разных и весьма противоречивых идей, одни из которых, едва родившись, отправились "на свалку истории", другие получили жизнь и конкретное воплощение в советской действительности, правда, в сильно отличном от задуманного варианте.

Сущность дискуссий 1920-х годов проще понять в связи с процессом бюрократизации советского общества и образования его нового правящего слоя - номенклатуры. Предпосылкой этого процесса было превращение РКП(б) в особый политический институт по руководству государством, что, как можно убедиться из ранее сказанного, произошло в предшествующие годы. Однако сложилось противоречие между бюрократическим устройством советского государства и сохраняющимися элементами внутрипартийной демократии, которое требовало своего устранения. Для ограничения последней существовало гораздо больше причин, чем для ее расширения. Проводником номенклатуры становится партийный аппарат, позиции которого постоянно усиливались по мере роста партии и ее влияния на управление страной. Все более заметной становилась роль Секретариата и Оргбюро ЦК РКП(б).

Сам по себе термин "номенклатура" обозначал перечень, а в данном контексте - список наиболее важных постов и должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматривались и утверждались партийными комитетами. Освобождение с поста также производилось с согласия партийного комитета. Одновременно термин "номенклатура" распространялся на людей, которые данные посты занимали и тем самым превращались в особую социальную группу со своими интересами, образом жизни, идеологией и т.д. В предшествующей истории образования подобных групп в социальной структуре общества не наблюдалось.

Номенклатура явилась "становым хребтом" партийно-советской государственности. Процесс создания номенклатуры был следующим. Еще в годы гражданской войны (в 1919 г.) был образован Учраспред - специальный отдел ЦК, который в условиях острой нехватки кадров, способных проводить политику руководства и пригодных к тому или иному виду деятельности, занимался мобилизацией, постановкой на учет и переброской на "горячие" участки соответствующих кадров коммунистов. В результате в партийном аппарате сложился механизм назначений и перемещений в противовес принципу выборности кадров. Этот механизм все шире использовался как инструмент проведения

партийной политики, особенно с того времени, как партийный аппарат в качестве его генерального секретаря возглавил И.В.Сталин. Тем самым Сталин сосредоточил в своих руках, по выражению Ленина, "необъятную власть".

Сталин в то время не принадлежал к числу самых известных большевистских лидеров; в качестве вождя революции и гражданской войны его возвеличила позднейшая традиция. Троцкий называл Сталина "выдающейся посредственностью", что в общем-то верно, если сделать упор на слове "выдающаяся". По сравнению с другими большевистскими лидерами Сталин нигде ярко не проявил себя, хотя с 1912 г. входил в ЦК, а с 1919 г. - в Политбюро, занимал посты Наркома национальностей, Госконтроля, а позднее - РКИ (Рабоче-крестьянской инспекции). В раскладе политической борьбы Сталин чаще всего лавировал, выжидал, чья точка зрения будет решающей, кто окажется победителем. Везде, где бы он ни находился, Сталин как авторитарная личность тяготел к администрированию, к чисткам, к закулисным маневрам и интригам. Он, в отличие от многих других вождей, не чурался секретарской работы и ради нее был готов пожертвовать всеми другими должностями и, безусловно, оказался в струе в связи с бюрократизацией партийного и советского аппарата. Однако было бы ошибкой думать, что руками Сталина в борьбе за власть был создан этот аппарат. Тут снова уместно сослаться на Троцкого, который считал, что не Сталин создал аппарат, а скорее аппарат создал Сталина.

Возглавив партийный аппарат, Сталин выступил в роли теоретика и создателя номенклатуры. На XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. Сталин говорил о необходимости охватить коммунистами все отрасли управления и весь промышленный комсостав, при помощи которого партия держит в руках аппарат и осуществляет свое руководство. Одновременно им в типично сталинском стиле выдвигались и требования к кадрам на руководящих постах: это должны быть "люди, умеющие осуществить директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие претворить их в жизнь".

Датой рождения номенклатуры можно считать возникшее в недрах партаппарата постановление ЦК РКП(б) от 8 ноября 1923 г., в котором определялись задачи подбора руководящих работников партией, всех перемещений и назначений на ответственные посты. Постановлением ЦК утверждались различные номенклатурные списки. В номенклатуру №1 входило около 3500 наиболее важных постов, причем для утверждения 1590 из них (СНК, ЦИК СССР, ВЦИК, членов президиумов и коллегий наркоматов, руководства ВЦСПС и кооперативных органов) должны были создаваться специальные комиссии ЦК. В номен-

клатуру N1 включались начальники главков ВСНХ, руководители трестов, синдикатов, крупных промышленных предприятий. В номенклатуру N2 входили, как правило, заместители начальников главков, управлений и другие должности. Номенклатура N3 касалась руководящих кадров на местах. Общая потребность в руководящих кадрах, определенная аппаратом ЦК на начало 1924 г. - 13163 человека.

Для каждого уровня партийного руководства устанавливалась своя номенклатура. Так, Уралобком определил свою потребность в руководящих кадрах в 1066 человек. На уездном (районном), волостном уровне существовали свои номенклатуры, причем наиболее важные посты на периферии считались прерогативой ЦК. Более того, местные руководители всячески стремились к своему утверждению в центре, чтобы не зависеть от обстановки на местах и обеспечивать себе на этом уровне относительную самостоятельность действий. В таком виде институт номенклатуры становился дополнительным инструментом централизации и бюрократизации управления. С самого начала к выдвижению на номенклатурные должности были подключены органы ОГПУ на предмет выявления лояльности кандидатов и их приверженности партийной линии.

На протяжении 1920-х годов наблюдались две тенденции: во-первых, - к расширению списков номенклатурных должностей, во-вторых, - к расширению номенклатуры ЦК. Все это привело к тому, что в конце 1928 г. было постановлено пересматривать номенклатурные списки каждые три месяца.

Кадры для номенклатуры и "резерва" черпались в основном за счет выдвиженчества. Поначалу безусловный приоритет отдавался большевикам с дореволюционным стажем, однако таких в рядах РКП(б) было крайне мало (не более 10 тыс.). Основной контингент коммунистов составляли рабочие, крестьяне и служащие, пришедшие в партию в годы гражданской войны. Именно они претендовали в большинстве случаев на "должность" и заполняли приемную Учраспреда, преобразованного позднее в Орграспред ЦК. Постепенно именно им стало отдаваться предпочтение в выдвижении на руководящую работу. Как говорил один из аппаратчиков, верный и последовательный сторонник Сталина Л.М.Каганович в начале 1927 г., "надо продвинуть партийца, который прошел огонь и воду гражданской войны... , вот основная задача."

В литературе часто утверждается, что в формировании номенклатуры критерии профессиональной пригодности и образования не играли никакой роли. Это не совсем так. Проблема заключалась в том, что сама партия обладала крайне незначительным числом подготовленных и образованных кадров, боль-

шинство же специалистов находилось вне ее. По данным партийных переписей того времени более 90% коммунистов, если и имели какое-то образование, то не выше начального. Естественно, что при выдвижении на какой-либо пост они стремились всячески восполнить недостаток образования, знаний и опыта демонстрацией верности партийному аппарату и готовности выполнять любые его указания. Сами критерии выдвижения формулировались, конечно же, не без их участия. Тем не менее разительные противоречия между потребностями управления и уровнем подготовки выдвиженцев рано или поздно должны были всплыть на поверхность. Впрочем, уже в годы гражданской войны появились своего рода "рекламации" на деятельность комиссаров и уполномоченных, присылаемых Учраспредом, на их нелепые распоряжения и действия. Раньше и сильнее всего недовольство номенклатурными работниками проявлялось в тех ведомствах, где более всего требовались профессиональные знания (ВСНХ, Наркомфин, Наркомпрос и др.). Этот вопрос особенно обострился в связи с продвижением номенклатуры в среднее звено управления, где нужна была специальная подготовка к определенному виду деятельности, которая в верхних этажах зачастую компенсировалась административным рвением. Во второй половине 1920-х годов были предприняты меры по ускорению профессиональной подготовки и переподготовки номенклатурных работников. Для этого была мобилизована вся система партийной учебы, рабфаки, краткосрочные курсы. Партийные студенты ставились на учет и подлежали особому распределению на работу по партийной линии. Таким образом складывался механизм развития и воспроизводства номенклатуры, который обрел окончательную форму в более позднее время.

Способы работы с номенклатурой были чисто аппаратными, бюрократическими и сводились по преимуществу к заполнению всевозможных анкет и их проверке. Поскольку такая работа противоречила нормам внутрипартийной демократии, ее необходимо было скрыть от глаз рядовых коммунистов, "засекретить". Процесс выработки решений в партийных органах становится тайным, чисто бюрократическим, складывающимся не в ходе дискуссий и обмена мнениями, а путем аппаратной организации. Вопрос должен был "созреть" в недрах аппарата, а затем решен с спешном и оперативном порядке.

Номенклатура в сущности представляла собой верхний слой партийно-советской бюрократии, с тенденцией превращения ее в связанную как бы круговой порукой замкнутую касту, существование которой было скрыто от глаз рядовых коммунистов и остального общества. Вошедшие в номенклатуру коммунисты переходили с должности на должность, тасовались, подобно ко-

лоде карт. Работники, которые "проштрафились", обнаруживали некомпетентность, профессиональную непригодность и т.д. передвигались на другие менее значимые посты. Местом "ссылки" таких работников в те годы становится профсоюзный аппарат, историко-революционные общества, издательства, библиотеки, архивы. В соответствии с должностью определялись преимущества и привилегии для номенклатурных работников. Для поддержания материально-бытовых условий их существования был установлен некий уровень в пределах партминимума и партмаксимума, который не рекомендовалось превышать.

Партийные съезды, съезды Советов, профсоюзов и т.п. превращаются в массовые сборища номенклатуры, причем за каждым органом закрепляется своя роль. Главным становится партийный съезд, утверждающий основные установки и директивы, которые другие органы должны были претворять в жизнь. Съезды Советов и сессии ЦИК были призваны законодательно подтверждать принятые решения, создавать им видимость народной поддержки. Номенклатура не была способна и не заинтересована в широком обсуждении вопроса, для нее важнее всего были четкие указания и директивы, согласно которым нужно было действовать. Всякие дискуссии и рассуждения рассматривались как мешающие делу, пустая болтовня и треп. Разгром "навязанных" партии дискуссий тщательно готовился в недрах аппарата. С этой точки зрения и необходимо рассматривать политическую борьбу на съездах и конференциях 1920-х годов, которые были по сути столкновением старой большевистской политической элиты с нарождающимся "новым классом", состоявшим в то время в основном из людей, чей облик сформировался в годы революции и гражданской войны.

"Выпадение из обоймы", "игра не по правилам", принятым в номенклатуре, грозили ослушникам серьезными карами, которые ставили их в положение изгоев. Только безусловное покаяние в своих заблуждениях и ошибках, демонстрация верности "генеральной линии партии", одобренной той же номенклатурой, оставляли возможность пребывания в рядах "посвященных".

Превращение партии в государственную структуру и процесс ее бюрократизации органически требовали свертывания демократии. Первыми по этому поводу, как уже говорилось, забили тревогу представители "рабочей оппозиции" и "группа демократического централизма". Хотя на XI съезде РКП(б) в марте-апреле 1922 г. их взгляды были осуждены, антибюрократические настроения внутри партийной элиты продолжали нарастать. Их выразителем становится Троцкий.

В литературе существует устойчивое мнение, что Троцкий как человек, ярко проявивший себя в годы революции и гражданской войны, с наступлением нэпа ступсвался, потускнел и поблек, оказался непригодным к повседневной будничной хозяйственной работе, превратился в сварливого доктринера, высокомерного и деспотичного. Может быть и так. Но дело заключается не в самой личности Троцкого, а в определенных настроениях внутри политической элиты, которые находили довольно внушительную поддержку. Троцкий еще в начале 1923 г. выступил против линии на совмещение функций партийной и советской, в частности хозяйственной работы. В октябре 1923 г. он обвинил ЦК в установлении "диктатуры аппарата" и был поддержан так называемой "платформой 46", в основном "старых большевиков", писавших в ЦК о "кризисе в партии" и разрыве между "верхушкой" и рядовыми членами партии. В начале зимы того же года Троцкий выдвинул программу "нового курса", провозглашавшего борьбу с бюрократизмом и развитие внутрипартийной демократии. Троцкий исходил из того, что партия, встраиваясь в государственный организм, заражается от него бюрократическим духом, однако положение было несколько иным: рост бюрократизма был следствием самой партийной политики и идеологии, поэтому процесс скорее был одновременным и обоюдным.

Центральная идея "нового курса" - проведение открытых партийных дискуссий, свобода обсуждения всеми членами РКП(б) острых и наиболее важных вопросов. Троцкий указывал, что "старая партийная гвардия" все более превращается в слой партийных бюрократов-перерожденцев, которые забывают язык революции и переходят на "партийный штиль". Поэтому нужно перетряхнуть, обновить эти кадры. Новые члены партии должны говорить своим голосом, а не повторять, что скажут наверху. Пока в верхнем ярусе решают, а в нижнем узнают, в партийных рядах будет существовать источник бюрократизации и застоя. Троцкий выступил против выдвигенчества и формирования на его основе нового управленческого слоя. По его мнению, главным источником пополнения партийных рядов (примерно на две трети) должны составлять партийные ячейки на предприятиях. Там, утверждал Троцкий, зреет недовольство: "думают за нас, решают за нас, не знают наших нужд". Второй источник роста партийных рядов, по мнению Троцкого, - учащаяся молодежь. В ней - будущее партии, а значит и судьба страны. Молодежь больше всего реагирует на извращения партийной линии, обобщает их, делает выводы. Хотя она не всегда высказывает здоровые мысли, настроения молодежи всегда имеют симптоматическое значение, поэтому Троцкий называл ее "барометром

партии". Барометр не делает погоду, он ее только измеряет, отмечает все плюсы и минусы. Напрасно, указывал он, ретивые аппаратчики фыркают на молодежь, наивно полагая, что именно они являются воплощением всей суммы знаний и опыта. Чем больше аппаратных методов работы, тем больше администрирования со стороны бюро, отделов, секретарей, тем больше власть сосредотачивается в руках одного секретаря, командующего и дергающего кадры. Если руководство хозяйством сегодня главный фронт, писал Троцкий, то важно учитывать мнение каждого на всех участках, и на этой основе делать политику.

Выступая в качестве выразителей "настроений рабочей массы", Троцкий и оппозиция были сторонниками усиления "социалистических" методов хозяйствования в лице крупной промышленности или "диктатуры промышленности", директивного планирования и третирования нэпа. Основная атака оппозиционеров велась против большинства в Политбюро ЦК, где всеми делами заправляла "внеуставная тройка", названная в западной историографии "триумвиратом", в лице Сталина, Каменева и Зиновьева. Союз этих трех лидеров не был случайным. Сталин выступал выразителем интересов партийного аппарата, Каменев - государственного, роль Зиновьева сводилась к идеологическому прикрытию действий "тройки". В этой обстановке началась борьба против "троцкизма". Масла в огонь подлил сам Троцкий, выступив в работе "Уроки Октября" с новым осмыслением происшедших после революции событий, подчеркивая в ней свою роль и прозрачно намекая на ошибки своих оппонентов. Во взглядах Троцкого усилились элементы революционной фразеологии, упор на "штурм", на необходимость идти вперед путем прорывов, вопреки законам истории".

В состоявшейся дискуссии Троцкому были предъявлены обвинения в стремлении стать диктатором, в натравливании одной части партии на другую, в индустриализме, в недооценке революционных возможностей крестьянства, в фракционности. При этом был использован и обнародован седьмой пункт резолюции X съезда РКП(б) "О единстве партии", запрещающий фракционную деятельность внутри нее под угрозой применения всех мер партийных взысканий вплоть до исключения. С тех пор данный пункт стал широко применяться для борьбы с оппозиционными течениями в партии.

XIII конференция РКП(б) в начале 1924 г. ознаменовалась разгромом "троцкизма". Сторонники Троцкого были смещены со своих постов и направлены на периферию. Вместе с тем, учитывая антибюрократические настроения в партии, аппарат пошел им навстречу, включив в лозунги политических кампаний "развитие рабочей демократии", "совершенствование внутри-

партийной демократии" и т.п. Одним из примеров проведения такой кампании стал "ленинский призыв в партию", существенно изменивший ее состав, но мало повлиявший на ее роль как общественно-политического института. В ответ на смерть Ленина в РКП(б) в течение года было выдвинуто более 200 тыс. новых кандидатов, главным образом "рабочих от станка", которые активно обсуждались на рабочих собраниях. Однако этот процесс не привел к расширению внутрипартийной демократии за счет "низов". Попытки противопоставить новых членов партии партийному аппарату были решительно пресечены сверху. "Ленинский" и последующие призывы "рабочих от станка" и "крестьян от сохи" в партию превратились в массированные кампании, осуществляемые формально-бюрократическими методами, в ходе которых иной раз в партию принимались целые бригады, цеха или заводы. Они вели к стремительному расширению рядов ВКП(б), служившей всего лишь своеобразным резервуаром для последующего выдвижения и расширения номенклатурного слоя, растворению политической элиты в аморфной и безликой, политически малоактивной и малокомпетентной массе.

Борьба с "троцкизмом" привела к устранению Троцкого с важных постов председателя РВС и Наркомвоенмора и некоторой корректировке курса в отношении деревни и крестьянства как в области экономической, так и политической. Главным теоретиком проводимых мер выступил Н.И.Бухарин. Безусловно, последний был сыном своего времени, представителем чисто большевистского менталитета, человеком городской культуры. Однако до сих пор остается загадкой его трансформация из главного идеолога военного коммунизма в решительного и наиболее последовательного сторонника нэпа, так сказать, библейское "обращение Савла в Павла". Возможно, это связано с некоторыми личными особенностями Бухарина, его импульсивностью, неустойчивостью характера, склонностью к крайностям, которые делали из него в рядах большевиков то архиреволюционера, то главного оппортуниста, не выходящего, впрочем, за пределы ортодоксального марксизма.

С именем Бухарина в какой-то мере связано творческое развитие социалистической теории применительно к изменившимся после 1917 г. историческим условиям. В середине 1920-х годов Бухарин призвал руководство страны, не взирая ни на что, ни на какие трудности, твердо стоять на позициях экономических методов управления народным хозяйством, "смычки" между городом и деревней. В разработке экономической своей теории Бухарин больше всех большевиков ратовал за союз с наукой, и не случайно среди его сторонников оказались большинство ученых-

экономистов, идеи которых использовались для практического претворения в жизнь бухаринского курса. Экономическая программа Бухарина не исключала индустриализации как условия построения социализма, в чем его нередко обвиняли оппоненты. Необходимо признать, что Бухарин одним из первых заявил о возможности построения социализма в одной стране, но его видение этого процесса стояло гораздо ближе к идее мировой революции, чем позднейшие интерпретации советского социализма. Основы социализма в СССР создать можно, утверждал он, но затратить на это придется десятилетия. Социализм этот, видимо, будет отсталым и азиатским, но, по смыслу бухаринских рассуждений, - "овчинка стоит выделки". Условием и регулятором построения социализма является использование закона стоимости (по Бухарину "ценности"), развитие рынка, товарно-денежных отношений, кооперации. На обвинения в том, это приведет к росту капиталистических элементов и, в частности, кулака в деревне, Бухарин выдвинул положение о его неизбежном вращении в социализм. При увеличении социалистических элементов в народном хозяйстве за счет преобразования несоциалистических укладов в иное качество - в различные формы кооперативного хозяйствования - ему просто некуда будет деться. Бухарин настаивал на здоровой конкуренции между различными секторами экономики при регулирующей роли государства, на необходимости сотрудничества различных классов. Отсюда - проповедь классового мира, теория затухания классовой борьбы по мере приближения к социализму. "Время, когда дают по зубам, прошло", - утверждал он. "Не смеет командовать", - так называлась одна из его статей, посвященная отношению к крестьянству. Будучи ранее ярким поборником чистоты "пролетарской диктатуры", теперь в своих работах он чаще употребляет термины: "рабоче-крестьянская власть", "рабоче-крестьянский союз". Он же вместе с М.И.Калининым явился инициатором кампании середины 1920-х годов по оживлению деятельности сельских Советов, которые должны были стать своеобразными "маленькими парламентами", в которых "перевариваются крестьяне", изживается их индивидуалистическая психология, воспитывается социализм, где они решают свои проблемы и учатся управлению под руководством коммунистов. Бухарин выступает сторонником методов убеждения, воспитания, действий в рамках провозглашенной конституции. Ближе всех большевистских руководителей Бухарин подошел к пониманию природы партийно-советского бюрократизма и причин роста "бюрократического Левиафана".

До поры до времени большинство Политбюро разделяло положения бухаринской программы и следовало обозначенным им

курсом. Об этом говорят решения XIV конференции ВКП(б) в апреле 1925 г. Однако постепенно внутри правящей элиты назревал новый раскол, порожденный трудностями и противоречиями нэпа, процессами происходившими в мире и международном социалистическом движении, особенно очевидно обозначившимися во второй половине 1920-х годов.

В рамках нэпа советской власти удалось добиться отдельных успехов. Однако следует обратить внимание на то, что они лежали в русле восстановления народного хозяйства, которое к середине десятилетия в основном было завершено. Установилось своеобразное равновесие в пределах тех ресурсов и возможностей, которыми на тот момент располагала страна. Но на более широком историческом фоне это восстановление означало достижение довоенного уровня, а, как уже говорилось, и в 1913 г. Россия не принадлежала к числу передовых экономически развитых государств. Естественно, что по прошествии более чем 10 лет отставание даже усугубилось. Отрыв стал более заметным, особенно по сравнению с США (постоянный ориентир для СССР), которые от войны не только не понесли существенного ущерба, но даже сумели вырваться вперед. К тому же основные фонды российской промышленности были изношены, оборудование устарело. Культурно-технический уровень рабочих был ниже, чем до войны. Его и без того незначительные квалифицированные кадры растеряны. Число специалистов на производстве уменьшилось. Страна стала еще более аграрной, чем была, ее индустриальное развитие напрямую зависело от состояния сельского хозяйства. По мере восстановления возвращались старые проблемы экономики дореволюционной России, ее структурные диспропорции и противоречия, причем иногда даже в более обостренной форме. Например, гораздо острее стоял вопрос о внутренних накоплениях, экспорте и импорте продукции.

Задачи индустриализации, как и прежде, стояли на повестке дня. Они уже были выпестованы опытом предшествующих поколений, хотя и оставались неразрешенными. Даже в трудные годы гражданской войны общество не покидали утопические мечтания о реализации разного рода гигантских индустриальных проектов. Большевики, выступающие от имени рабочего класса, были естественными носителями идей индустриализма, выражаемого в том, чтобы всемерно способствовать развитию крупной промышленности в целях обновления страны. В этом их позиции разделяла часть интеллигенции, которая была отвержена "сменовеховской идеологией", прежде всего технические специалисты. Да и сами "массы", одержимые революционным нетерпением, стремились к осуществлению этих идей, ожидая от него исполнения своих чаяний и надежд, связанных с социа-

лизмом и усиленно подогреваемых обещаниями большевистских вождей. Все это официально трактовалось как революционный энтузиазм масс. Если вдуматься в понятие так называемой "социалистической индустриализации", пронизывающей содержание дискуссий 1920-х годов, и ее противопоставление индустриализации капиталистической, то можно сразу усмотреть в первой игнорирование естественных законов экономики, навешивание на нее чисто политических задач, требующих экстраординарных мер и дополнительных ресурсов. Таким образом, задачи индустриализации были резко политизированы. Она рассматривалась теперь как главное условие построения социализма, как главная классовая задача, наряду с кооперацией и культурной революцией.

Находясь на рельсах нэпа, политическое руководство не сумело решить целого ряда проблем. Экономические методы руководства народным хозяйством не были полностью внедрены в государственный механизм, не были доведены до первичных звеньев - производственных коллективов и отдельных хозяйствующих субъектов. Образовался странный симбиоз экономических и командно-административных способов управления. Все экономические рычаги подвергались прессу партийно-государственного регулирования. Административные путы сковывали трестовский хозрасчет, синдикатскую систему, развитие товарно-денежных отношений, кооперации.

Громадным балластом на теле советского организма была бюрократия. Несмотря на все антибюрократические заклинания число служащих в учреждениях стремительно росло и увеличилось на протяжении 1920-х годов более, чем в 3 раза. Основную массу среди них составляли малообразованные выдвиженцы. Попадая в бюрократическую систему управления, эти люди быстро усваивали свойственные всякой бюрократии черты: бумагопроизводство, иерархию и субординацию, карьеризм. Помноженные на некомпетентность, грубость и неотесанность они стали приобретать уродливые формы. Не удалось избежать роста таких явлений как взяточничество, произвол, злоупотребления, распушенность, пьянство и т. д. Огромный поток писем и жалоб снизу содержал многочисленные факты подобного рода. Наряду с этим в обществе стали усиливаться эгалитарно-социалистические настроения и недовольство нэпом.

Одновременно стали ясны некоторые итоги кампании по оживлению Советов и выборов 1925/1926 г. Ставка на привлечение беспартийных крестьян в низовых звеньях советской организации привела к тому, что в них заметно возросло число средних и зажиточных элементов, более грамотных, авторитетных и способных к практическим делам.

Завершение восстановительного процесса поставило на повестку дня вопрос о том, куда и как двигаться дальше. Вместе с тем восстановление означало и исчерпание тех ресурсов и возможностей, которые были унаследованы от старой России. Первый шаг в направлении индустриализации были контрольные цифры на 1925/26 хозяйственный год. Рост объемов промышленного производства был запланирован в 50%. Осуществить его предполагалось путем расширения экспортно-импортных операций (продажи хлебопродуктов и сырья за границу и приобретения оборудования). Однако установленные планы хлебозаготовок как в текущем, так и в следующем году были провалены. Дело в том, что ни промышленность, ни сельское хозяйство не создавали для себя рынков расширенного производства. Деревня, осереднячившись в результате проводимой политики, приобрела полунатуральный характер и не удовлетворяла потребностей промышленности и города в товарной сельскохозяйственной продукции. В свою очередь, нужды индустриализации требовали иной ориентации производства, чем деревенский спрос. Товарный обмен между городом и деревней оказался нарушенным. Первому нечего было дать за товарные излишки, которые крестьяне стали оставлять в своем хозяйстве. Повсеместно стали обнаруживаться дефициты и обострилась продовольственная проблема.

На почве недовольства нэпом возникает новая оппозиция, центром которой становится индустриальный Ленинград, который в отличие от торгово-промышленной Москвы больше страдал от существовавших в то время противоречий, нерешенных проблем и трудностей, от возросших цен и товарного дефицита. Все лето 1925 г. на страницах "Ленинградской Правды" печатались статьи, доказывающие превосходство питерского пролетариата, "творца трех революций" в России и единственного наследника славных революционных традиций. Выборы делегатов на предстоящий (XIV) партийный съезд проходили в обстановке бурных дискуссий на заводах и фабриках. Зиновьев, лидер ленинградской партийной организации, выступил против проводимой политики по отношению к крестьянству, осудив ее как "уступка кулачеству". В своей работе "Ленинизм" он громил теоретические построения Бухарина и высказывался против теории построения социализма в отдельно взятой стране.

На почве усиливающихся разногласий обозначился раскол внутри правящей политической элиты. Зиновьев и Каменев развернули кампанию против большинства в Политбюро. Они выражали настроения той части партийного аппарата, которая была недовольна мерами, направленными на развитие рыночных отношений. Коль скоро эти меры осуществлялись с помощью

государственного регулирования, Каменев и Зиновьев стали склоняться к определению советской экономики не как социалистической, а как госкапиталистической. Одновременно Каменев и Зиновьев выступили с критикой бюрократизма в аппарате и усиливающейся роли партгосноменклатуры во главе с ее вождем - Сталиным.

Большое влияние на полемику оказала международная обстановка. Если в начале 1920-х годов революционный подъем на Западе в какой-то мере вселял политическим лидерам надежды на мировую революцию, то последовавшая вслед за этим стабилизация и экономический подъем, которые по времени совпали с полосой признания СССР рядом государств, внесли в руководство ноты пессимизма и разочарования. Новая оппозиция считала, что экономика СССР в результате проводимых мер все больше интегрируется в мировое хозяйство, что соответствовало истине, и тем самым сама по себе превращается в госкапиталистическую. Споры по теоретическим вопросам захлестнули в этот период практически все только что созданные коммунистические партии, находили отражение в Коминтерне.

Вышедшая на XIV (декабрь 1925 г.) съезд ВКП(б) новая оппозиция потерпела сокрушительное поражение, закулисно организованное партийно-государственной номенклатурой. Фактически на стороне первой оказались лишь ленинградские делегаты. Вместе с тем съезд принял двойственное решение: он констатировал наличие в партии уклона, недооценивавшего рост кулацкой опасности, с одной стороны, а с другой - уклона, который недооценивал середняка как центральную фигуру земледелия и развития кооперации. Съезд в резолюции по отчету ЦК, с которым выступал Сталин, отметил, что второй уклон, представленный новой оппозицией, представлял наибольшую угрозу. Одновременно съездом был взят курс на "социалистическую индустриализацию", на усиление планово-директивного начала в строительстве социализма. Советская историография не случайно называла этот съезд "съездом индустриализации".

Сразу после съезда был организован разгром ленинградской партийной организации. В Ленинград был высажен "десант" в лице особо назначенной комиссии под председательством опытного партийного бюрократа и верного сталинца В.М.Молотова, куда входили многие партийные деятели. Примерно месяц велась "обработка" местных коммунистов. В результате "форпост оппозиции" был уничтожен, была достигнута чуть ли не едино-

душная поддержка "генеральной линии". Во главе ленинградской партийной организации был поставлен последовательный сторонник Сталина С.М. Киров.

Однако с самой оппозицией не было покончено. Более того, весной 1926 г. на почве сближения идей происходит объединение "старой" и "новой" оппозиции в лице "троцкистско-зиновьевского блока". В блок входили по большей части представители "старой партийной гвардии" - большевистской элиты старшего поколения: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская, Преображенский, Пятаков, Серебряков, Сокольников, Антонов-Овсеенко, Муралов, Шляпников и др. Точки зрения на причины переживаемых трудностей и методы их преодоления среди оппозиции практически совпали. Все ее представители провозглашали себя подлинными большевиками-ленинцами, борцами против оппортунизма и бюрократизма. Троцкий, например, в это время активно выдвигал теорию "преданной революции", опасности "термидора", ведущего к победе бюрократии над пролетариатом. Он также говорил о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежном его перерождении, если таковой будет строиться. Выход из создавшегося положения левые видели в "реконструкции нэпа", в проведении "сверхиндустриализации", упоре на развитие тяжелой промышленности в целях удержания подступов к мировой социалистической революции. Основной огонь критики был обрушен на экономические построения Бухарина и "правых оппортунистов" в лице Рыкова, Калинина, Дзержинского, Томского и др. Сталина же и его ставленников: Молотова, Куйбышева, Кирова и других левые относили к аппаратно-центристской группировке, бюрократически извращающей партийную линию.

В основу экономической программы левых легла теория "изначального (первоначального) социалистического накопления", окончательно сформулированная к тому времени Преображенским и Пятаковым. Суть программы сделать "геркулесово усилие", чтобы вырваться из заколдованного круга нэповских проблем, совершить на них лобовую атаку, развернуть наступление социализма по всему фронту. Левые обвиняли Бухарина в том, что его программа предусматривает "черепаший шаг". Старая промышленность не может удовлетворить крестьянский спрос без реконструкции. Поэтому каждый шаг в ту или иную сторону чреват кризисом. В стране огромное аграрное пе-

ренаселение, грозящее ростом безработицы. А главное, как ни крути, программа Бухарина означает усиление элементов капитализма, (что, по мнению левых было особенно опасно как путь к его реставрации). Понимая чрезвычайность и искусственность своих мер, левые тем не менее считали, что они крайне необходимы как выход из того неустойчивого равновесия, в котором оказалась новая экономическая политика после завершения восстановительного периода. Дальнейшее развитие промышленности становится невозможным, так как оно находится в постоянной и сильной зависимости от крестьянского рынка, слабого, стихийного и неуправляемого. План левых предполагал усиление налогового пресса на крестьянство, перекачку средств из деревни в город путем повышения цен на промышленную продукцию и обращения получаемых средств на нужды индустриализации. Чтобы сгладить наносимый деревне урон, намечалось бросить туда максимум организационных усилий, помочь в кооперировании крестьянских хозяйств, оттянуть из деревни лишние рабочие руки. В дальнейшем мыслилось постепенно сокращать долю средств, выделяемых на накопление за счет деревни, и капиталовложения в промышленность и возвратиться к органическому развитию экономики ("троцкистская концепция затухающей кривой", как определил ее Сталин).

В социальной и политической области левые делали ставку на демократизацию партии, улучшение жизни рабочих, борьбу против "политических поползновений кулачества". В середине 1926 г. Зиновьев выступил против кампании "оживления Советов", которая, по его мнению, вылилась в "засорение всей советской системы элементами новой буржуазии и бюрократии".

Оппозиция выступала также под флагом борьбы с "назначенчеством", подбором "верных людей", "проверенных лиц", "подмачивания", "подсиживания" идейных противников, их смещения с занимаемых постов.

Внутрипартийная борьба в 1926-27 гг. характеризуется постоянным усилением позиций номенклатурного слоя, возглавляемого Сталиным, и его возвышения сугубо аппаратными методами, интригами и инструментами власти. Идейные разногласия "правых" и "левых" для него имели второстепенное значение. Основная масса членов партии, как свидетельствуют многочисленные документы, шедшие снизу, плохо разбиралась в сущности теоретических расхождений в среде политических лидеров,

больше откликаясь на те или иные повороты в текущих делах. "Генеральная линия" складывалась как причудливое смешение разнонаправленных действий, проводимых сталинским аппаратом. Всякое выражение инакомыслия превращалось в серьезную проблему. Попытки оппозиции воздействовать открыто на общественное мнение встречали неодолимые преграды, толкая ее на путь нелегалщины, а это, в свою очередь, создавало прецедент для политических обвинений. Отдельные оппозиционеры включились в активную пропагандистскую работу в первичных партийных ячейках на предприятиях и вузах Москвы и Ленинграда. За ними неотступно следовали агенты ОГПУ и отряды партийных инструкторов, разъясняющих "генеральную линию".

Партийный аппарат шел по пути организационного вытеснения оппозиции по обвинению в фракционной деятельности. На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 г. Политбюро было перетасовано в угоду Сталину. Зиновьев был заменен Рудзутаком, кандидатами в члены Политбюро стали лица из сталинского окружения: Андреев, Каганович, Киров, Микоян, Орджоникидзе. На следующем пленуме в октябре того же года Троцкий и Каменев были отстранены от деятельности Политбюро, Исполкому Коминтерна было предложено сместить Зиновьева с поста его председателя. XV партийная конференция (октябрь-ноябрь 1926 г.) являла собой настоящую травлю оппозиции, представителям которой было отказано в выражении своих взглядов. От них требовали одного - публичного покаяния в своих ошибках. Конференция единогласно приняла тезисы "о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране". Выдвигался лозунг: в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Наступление на оппозицию усилилось в связи с так называемой "военной тревогой 1927 г.", вызванной осложнениями дипломатических отношений СССР с рядом стран (Англией, Польшей, Китаем и др.). "Большинство" ЦК под предлогом угрозы войны клеймило любую форму оппозиции. Весь 1927 год был отмечен кампанией дискредитации оппозиционеров и их изгнания из партийных рядов. На организованных по стране партийных собраниях принимались резолюции, их осуждающие. "Последний бой" оппозиция решила дать осенью 1927 г., представив свою программу экономических реформ и демократизации партии накануне предстоящего XV съезда. Так как ЦК зап-

ретила распространение этой программы, оппозиция использовала для этого нелегальные формы и юбилейные мероприятия, связанные с 10-летием Октябрьской революции. В ответ на это октябрьский пленум ЦК вывел Троцкого и Зиновьева из своего состава, а в ноябре оба были исключены из партии. На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) были исключены из ее рядов еще 93 видных оппозиционера. В начале 1928 г. большая их группа во главе с Троцким была сослана в Алма-Ату.

Между тем, начиная с 1926 г., наметились признаки изменения "генеральной линии". Взгляды на причины этого высказываются разные, не исключающие воздействия критики со стороны оппозиции. Думается, однако, что изменения были продиктованы господствующими в советском обществе настроениями и интересами укрепляющейся номенклатуры. На словах еще сохранялась верность нэповским принципам, но на деле проводилась политика, ведущая к их свертыванию. На 1926/27 г. приходится налоговая реформа, которая акцентировала свое внимание на классовом расслоении деревни. Она меняла прогрессию обложения и систему распределения налогов. Если в 1925/26 г. от налога были освобождены 9% хозяйств, то на следующий год - 24%. В ближайшие годы намечалось увеличить эту долю до 35%. Одновременно резко возрастала налоговая прогрессия в сторону более зажиточных хозяйств.

В 1926 г. принимается новая инструкция по выборам в Советы, вводящая новые ограничения избирательных прав. Вместо опоры на середняка акцент был смещен на "бедняцко-батрацкий кадр" деревни и натравливание одной части крестьянства на другую. Подобный зигзаг обескуражил значительные слои деревенского населения. Проводя годы политику поддержки малоимущих слоев населения и сдерживания роста зажиточных слоев, государство объективно способствовало осереднячиванию крестьянства. Стало быть, существование в нем неимущих и малоимущих элементов было связано не только и не столько с экономическими причинами, сколько с другими факторами, среди которых большую роль играли бюрократизм, взяточничество в советских органах, неграмотность и забитость крестьян, неумение и нежелание части из них работать, пьянство и т.п. Выдвигая подобных людей в сельские организации: Советы, кооперативы, общества крестьянской взаимопомощи, руководство

способствовало их деформации, отчуждению от реальных крестьянских нужд.

На протяжении 1926-27 гг. можно отчетливо проследить нарастание элементов централизации и административного нажима по всем направлениям государственной политики и ухудшение общего положения в стране.

XV съезд ВКП(б), который раньше почему-то называли "съездом коллективизации", стал тем не менее очень важной вехой в советской истории. Он ознаменовал переход к плано-распределительной системе управления в связи с принятием директив пятилетнего плана развития народного хозяйства. В основу плана были заложены высокие темпы индустриализации, наступление на частнокапиталистические элементы города и деревни путем значительного повышения налоговых ставок, поощрительные меры в отношении беднейшего крестьянства и усиление кооперирования деревни. В то же время в директивах еще остаются следы разумной хозяйственной политики, указывается на необходимость сохранения равновесия, правильных пропорций между потреблением и накоплением, промышленностью и сельским хозяйством, учитываются возможности освоения природных и привлечения трудовых ресурсов, создания резервов и т.д. В составлении плана участвовало большое число специалистов. План был разработан в двух вариантах: минимальном и оптимальном. В целом же предполагалось через 5 лет достигнуть некоторого промежуточного уровня, обеспечивающего тем не менее существенный шаг вперед к социализму.

4. "ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА"

Зимой 1927/28 г. разразился очередной кризис нэпа, приведший к корректировке всех направлений внутреннего и внешнего курса руководства страны. "Социалистическая индустриализация" приобретала все более зримые черты, переходя из плоскости теоретических дискуссий в практическое воплощение. Уже в августе 1927 г. ВСНХ отверг умеренные контрольные цифры на следующий хозяйственный год в пользу более высоких капиталовложений в тяжелую промышленность. СТО одобрил строительство Днепрогэса и целого ряда других строек, предусмотренных пятилетним планом.

Политика "социалистической индустриализации" строилась в контексте сознательно планируемого достижения технико-экономической независимости страны, находящейся во враждебном окружении. Понятие "социалистической индустриализации" в теории означало: 1) всемерное развитие государственного сектора как основы социалистической экономики; 2) внесение в нее планового начала; 3) установление новых взаимоотношений между городом и деревней на основе расширения крестьянского спроса не только на продукты потребления, но и на средства производства; 4) сокращение непроизводительного потребления ("режим экономии") с тем, чтобы сэкономленные средства направить на строительство новых заводов и фабрик. При этом утверждалось, что "социалистическая индустриализация" может быть осуществлена только за счет внутренних источников накопления, так как СССР не мог рассчитывать на иностранные кредиты.

Программа "социалистической индустриализации" дополнялась планом реконструкции народного хозяйства, который предусматривал: изменение техники и способов производства в направлении развития энергетических мощностей, расширение массового производства, перенесение в экономику страны передовой американской и европейской технологии, рационализацию, научной организации труда (НОТ), изменение общей структуры производства в сторону развития отраслей тяжелой

промышленности, перемещение производства к источникам сырья и энергии, специализацию районов в соответствии с их природными и социальными особенностями.

Сами по себе намечаемые преобразования не представляли ничего из ряда вон выходящего. Их узким местом оставалась общая отсталость страны как в технико-экономической, так в социальной и культурной области. Каждый шаг в сторону выполнения планов упирался в имеющиеся возможности и ограничения, толкая руководство на путь чрезвычайных мер. Провозглашая опору на собственные силы, оно тем не менее не могло обойтись без систематических закупок техники за границей, без привлечения опыта и знаний иностранных специалистов. На это были необходимы дополнительные средства, которые предполагалось извлечь путем наращивания экспорта сырья и сельскохозяйственных продуктов.

Несмотря на хороший урожай в 1927 г., государство встретилось с еще большими трудностями в хлебозаготовках, чем в прошлом году. Главную роль в торговле продуктами и снабжении ими населения в стране играл частник. В связи с этим была выдвинута задача полного его вытеснения за счет государственной и кооперативной торговли, воздействия на рынок путем регулирования цен. Цены на сельскохозяйственные продукты были снижены, тогда как на промышленные товары они оставались относительно высокими. Промышленность, направившая свои усилия на нужды индустриализации, не могла обеспечить расширение спроса. Крестьяне задерживали продажу своих излишков государственным органам. Государственные и кооперативные магазины и лавки оставались пустыми или заполнены не пользующимся спросом товаром. Какие-либо поступления дефицитных продуктов неизбежно переключивались в руки частных торговцев и спекулянтов, которые в условиях постоянных нехваток товаров неизменно "вдували" цены. Добавились слухи о надвигающейся войне, которые увеличивали ажиотажный спрос. В продовольственном снабжении городов наступило резкое ухудшение. Стали проявляться признаки общего недовольства и социальной напряженности.

План хлебозаготовок, намеченный на конец (октябрь-декабрь) 1927 г., провалился. Вместо 4.58 млн. тонн заготовленных за соответствующий период прошлого года удалось закупить только 2.40 млн. тонн, т.е. почти в два раза меньше. Экспортировать, собственно говоря, было нечего и закупать оборудование не на что, так как хлеб составлял главную статью вывоза. Вопрос теперь стоял так: либо отказаться от взятых высоких темпов индустриализации, либо пойти на какие-то экстраординарные меры. Таким образом, кризис хлебозаготовок стал тем

катализатором, который ускорил и обострил социальные и политические процессы в стране и послужил поводом для смены курса политического руководства.

Чтобы лучше понять смысл и масштабы последовавших вслед за этим социальных катаклизмов, видимо, необходимо привести некоторые данные о социальной структуре советского общества накануне "великого перелома". Эти данные могут быть представлены в двух вариантах: распределение всего наличного населения и распределение числа занятых в народном хозяйстве, что, как можно убедиться из нижеприводимых цифр, далеко не одно и то же. Основой для них послужили сведения комиссии по налогообложению при СНК и СТО в 1927 г., сверенные с результатами переписи населения 1926 г. (см. табл.1).

Приводимые цифры можно сравнить с данными о социальной структуре России накануне революции. Прежде всего бросается в глаза значительно меньшая численность населения, что явилось следствием отторжения от России ряда территорий, демографическими катастрофами периода войн и революций, политики ликвидации эксплуататорских классов, эмиграции, голода 1921/22 г. и др. причин. В последующие годы население страны начинает расти довольно быстрыми темпами. Во второй половине 1920-х годов естественный прирост достигает цифры в 3 млн. человек - небывалый для всей российской и советской истории, хотя и не компенсировавший всех прежних людских потерь. Рост населения был обусловлен возобновлением наметившихся еще до революции демографических процессов, характерных для аграрных стран, находящихся на ранней стадии модернизации, когда происходит так называемый демографический взрыв, который, в свою очередь, сопряжен с такими неизбежными его спутниками, как безработица, аграрное перенаселение, образование "лишних ртов". Признаки подобных явлений отчетливо видны в приводимых данных.

Всего лишь четверть населения с полным правом можно было включить в число занятых в народном хозяйстве (по тогдашней терминологии "самодельного населения"). Цифры достаточно точно указывают на причину этого - громадную разницу между числом "самодельного" и "несамодельного" населения среди деревенских жителей, главным образом в группах среднего и зажиточного крестьянства. Следует добавить, что перепись населения 1926 г. зарегистрировала в деревне 47 млн. человек взрослого трудоспособного населения в качестве "членов семьи, помогающих в занятии". Это означает, что и само имущественное положение крестьян сильно зависело от количества работников в хозяйстве, в то время как число малолетних детей было для него дестабилизирующим фактором. Демографическая

Таблица 1

	Все население		в том числе занятые в народ- ном хозяйстве	
	абс. млн. чел.	%	абс. млн.чел.	%
Всего	148	100	38	100
Социальные категории				
в том числе:				
рабочие	16.0	10.8	7.1	18.8
в том числе:				
городские	11.6	7.8	4.7	12.4
сельские	4.4	3.0	2.4	6.4
служащие	8.7	5.9	3.5	9.2
крестьяне	108	73.0	20.2	53.3
в том числе:				
бедняки	21.1	14.3	5.0	13.2
средняки	81.0	54.7	14.3	37.7
зажиточные ("кулаки")	5.9	4.0	0.9	2.4
кустари и ремесленники	5.8	3.9	2.0	5.3
в том числе:				
городские	2.2	1.4	0.7	1.9
сельские	3.6	2.5	1.3	3.4
буржуазия города	2.7	1.8	0.9	2.4
в том числе:				
торговцы	1.6	1.1	0.5	1.3
владельцы мелких предприятий, использующие наемный труд	0.5	0.3	0.1	0.3
безработные	1.6	1.1	1.0	2.6
прочие (иждивенцы государственных и общественных учреждений, прислуга, лица свободных профессий и т.д.)	5.2	3.5	3.2	8.4

ситуация в деревне была дополнительным источником социальной напряженности.

Социальная структура советского общества в соответствии с социальной и политической иерархией нового режима выглядела как бы перевернутой по сравнению с дореволюционной и в определенной мере отражала характер происшедших после революции изменений. На верхнюю ступень социальной лестницы ставился "пролетариат", куда, по официальной терминологии того времени, включались рабочие и, с оговорками, служащие государственного аппарата. Дело в том, что государственный аппарат к тому времени полностью вобрал в себя сильно поредевшую старую интеллигенцию, по отношению к которой политика становилась все более враждебной, поэтому категория "пролетариат" требует особо внимательного анализа. Фактически от имени пролетариата выступали несколько десятков тысяч коммунистов, занимавших руководящие посты в партийном, советском государственном аппарате, в общественных организациях. Большинство из них, действительно, имело рабочее прошлое или, как тогда говорили, "пролетарскую закваску". Например, среди руководителей предприятий и учреждений в системе ВСНХ бывшие рабочие составляли более 60%. Примерно такая же картина наблюдалась в других хозяйственных ведомствах. Эта поднимающаяся к власти группа, с особым положением и интересами, методами и способами действий, сформированная при непосредственном участии партийного аппарата и лично Сталина, подпираемая снизу новыми выдвиженцами, стремилась всемерно расширить свое влияние, захватывая одно за другим различные звенья управления. Это неизбежно вело к столкновению со старыми кадрами. Так, продвижение номенклатуры в среднее звено управления (кампания, предпринятая руководством в конце 1920-х годов) не могло не вызвать гонений на старых специалистов.

Вопрос о взаимоотношении номенклатуры с рабочей массой чрезвычайно сложен. Выступая от имени последней, номенклатура всячески бравировала пролетарским происхождением, говорила на своеобразном "рабочем языке", рядилась в "рабочие одежды". Номенклатурным выдвиженцам удалось в условиях нарастающих трудностей нэпа канализировать недовольство рабочих, натравливая их против прежних руководителей, против буржуазных спецов, против кулаков, против других элементов, якобы мешающих ускоренному движению в социализм. Этим объясняется развертывание целого ряда массовых кампаний конца 1920-х годов, получивших поддержку среди рабочего класса. Вместе с тем, отрываясь от производства и переходя в

иной социальный статус, выдвиженцы все более отдалялись от реальных нужд рабочего класса.

Последний, как и раньше, не составлял большинства ни в структуре населения, ни в структуре занятых, о чем говорят приводимые цифры. Численность фабрично-заводских рабочих в начале 1928 г. составляла 2.7 млн. человек. В связи с началом индустриализации значительно увеличилось количество строительных рабочих, которые были заняты на многочисленных стройках пятилетки. Основным источником роста рабочих кадров была деревня. До конца 1920-х годов из деревни в город переходило примерно 1 млн. человек, поглощая лишь незначительную часть "резервной армии труда". Между тем рынок труда в городе не мог обеспечить занятости и для этой приходящей в город рабочей силы, что создавало в нем дополнительные трудности и неудовлетворенность сложившимся положением. Количество безработных в 1929 г. приближалось к отметке 2 млн. человек. По-прежнему в город шла в основном молодежь, часть общества, наиболее заинтересованная в изменениях и более всего приверженная новым ценностям и идеалам.

Социальная структура деревни 1920-х годов, как свидетельствуют цифры, претерпела довольно существенные изменения по сравнению с дореволюционной. Явное преобладание середняков, казалось бы, должно было диктовать руководству необходимость учета интересов именно этой группы крестьянства, однако вектор социально-экономической политики все более смещался в сторону неимущих и малоимущих слоев. Ситуация в деревне в конце десятилетия резко обострилась. Документы этого времени свидетельствуют о нарастании агрессивности и озлобленности последних против зажиточных элементов, усиленно подогреваемых официальной пропагандой. Между тем приводимые в таблице данные показывают, что удельный вес "кулаков" в деревне был невелик и утверждения о "кулацкой опасности" не были оправданы. Недовольны были и средние слои крестьянства, поскольку органы управления воздвигали все больше препятствий в развитии промыслов, устанавливая на них дополнительные налоги и переводя крестьян-промысловиков в разряд "кулаков" и "лишенцев", т.е. лиц, лишенных политических прав. Получившее к концу 1920-х годов широкое распространение отходничество, (к 1929 г. - более 4 млн. крестьян, отходивших на заработки) лишь в незначительной степени сглаживало социальные противоречия деревни. В сельской среде отношение к отходникам было скорее отрицательное, чем положительное. Государство же стремилось подчинить своему влиянию стихийный отход, придать ему организованный характер и направить его на нужды индустриализации.

Точно также не состоятельны были опасения, связанные с ростом капиталистических элементов в городе. На их долю приходился незначительный процент населения, поставленного политикой режима на самую нижнюю ступень социальной лестницы наряду с остатками прежних классов, так называемыми "бывшими" (бывшие дворяне, чиновники старого режима, священники, монахи, жандармы, полицейские, прислуга и т.д.). Все они каким-то образом приспособились к новому режиму, влились в состав советских учреждений. В литературном памятнике той эпохи романах И.Ильфа и Е.Петрова "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" авторами создана целая галерея подобных образов. Отношение к ним можно определить как "общественный остракизм".

Такой выглядела социальная структура советского общества накануне "великого перелома", который приходится на 1928-1929 гг. и характеризуется свертыванием нэпа по всем направлениям хозяйственной и социальной политики, политическим и идеологическим разгромом его сторонников и отказом от принципов, на которых он зиждился. В свою очередь, события этого времени вызвали поистине лавинообразные сдвиги, ознаменовавшие конец старой крестьянской и нэповской России.

Спустя всего месяц после XV съезда ВКП(б) Политбюро в январе 1928 г. проголосовало за применение чрезвычайных мер по хлебозаготовкам. По всей стране разъехались около 30 тыс. эмиссаров - специальных уполномоченных, в задачи которых входило подстегивание хлебозаготовительной кампании. В числе уполномоченных был и Сталин, на долю которого досталась Зап. Сибирь. Генсек действовал там в духе гражданской войны и политики продразверстки. Вслед за Сталиным шли вооруженные отряды, производившие повальные обыски и реквизиции хлебных "излишков". Их владельцев зачисляли в "кулаков" и судили по 108 статье УК РСФСР (обвинение в спекуляции). Имущество арестованных, скот, инвентарь изымались в пользу государства. Советские органы, не обеспечившие хлебозаготовок, распускались. Производилась организация крестьян в коммуны и артели с изъятием хлебных запасов вплоть до семенного зерна. В том же духе действовали сталинские выдвиненцы: В.М.Молотов и Н.М.Шверник на Урале, А.А.Андреев на Сев. Кавказе и другие. Такой способ хлебозаготовок получил название "урало-сибирского метода". В целом с января по март 1928 г. было заготовлено таким путем 4.21 млн. тонн зерна. Таким образом, можно сказать об относительном успехе этой чрезвычайной кампании, который был обеспечен солидарными действиями сталинской номенклатуры, руководителей партийных

организаций, органов прокуратуры и суда, ОГПУ и милиции на местах. В этом проявилась сила создаваемого режима.

Вместе с тем традиции нэпа еще сохраняли свое влияние. Молва о "подвигах" Сталина и сторонников его метода распространялась по стране. Часть партийного руководства согласилась на чрезвычайные меры лишь как на временный выход из трудностей и вовсе не рассчитывала, что они будут проводиться подобным образом, больше уповая на агитацию, убеждение, а не на возвращение к методам военного коммунизма. Поэтому на апрельском пленуме ЦК 1928 г. чрезвычайные меры в области хлебозаготовок были хотя и одобрены, но с осуждением перегибов в отношении середняка и разрушения рынка. Вслед за этим объем хлебозаготовок снова резко сократился, еще более обострив ситуацию в стране. Но теперь накопленный сталинцами опыт как бы подсказывал им выход из сложившегося тупика. Сталин и возглавляемый им аппарат, можно сказать, "определились" в своих действиях.

В марте 1928 г. председатель Совнаркома Рыков подвергся критике за невнимание к машиностроению и металлургии. Комиссия в составе нового председателя ВСНХ Куйбышева, председателя Госплана Кржижановского и наркома РКИ Орджоникидзе постановила удвоить в течение года объемы капитального строительства, направив усилия на строительство заводоустановок. Одновременно в газетах было объявлено о раскритицировании разветвленного заговора "вредителей" на шахтах Донбасса, имевшего якобы цель спровоцировать кризис в угольной отрасли и вызвать недовольство трудящихся масс. Шахтинский процесс, проходивший весной-летом 1928 г. и, как теперь выяснилось, целиком сфабрикованный органами ОГПУ, положил начало кампании преследования старых специалистов и замены их новыми выдвиженцами. Одновременно вся шумиха вокруг шахтинского дела была необходима сталинскому руководству, чтобы подорвать нэповскую идею классового мира и сотрудничества, лежавшую в основе нэпа, и подтвердить свой тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, а по сути внести в политику элементы социального противоборства, чтобы обеспечить социальную опору проводимым им мероприятиям.

На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. Сталин выступил с теоретическим обоснованием своего тезиса. Одновременно, уверовав в эффективность и надежность чрезвычайных мер и политики давления на крестьянство в области хлебозаготовок, он сказал о необходимости "дани", своего рода "сверхналога" на крестьянство для сохранения и увеличения высоких темпов раз-

вития индустрии. В области аграрной политики на пленуме был взят курс на создание колхозов и совхозов-гигантов.

Все дальнейшие мероприятия характеризуются усилением роли директивного планирования, административного и полицейского нажима, развертывания грандиозных массовых кампаний, направленных на ускорение темпов социалистического строительства. Сталин и его выдвигенцы выступают активными сторонниками "социалистического наступления" и свертывания нэпа. Наступление должно было идти по всем правилам военных действий и провозглашением фронтов: "фронта индустриализации", "фронта коллективизации", "идеологического фронта", "культурного фронта", "антирелигиозного фронта", "литературного фронта" и т.д.

Развертывание "фронта индустриализации" выливалось в закладку строительства новых промышленных объектов, усиление режима экономии, добровольно-принудительное распространение "займов индустриализации", установление карточного снабжения населения городов и рабочих поселков. Эти мероприятия сопровождалось вытеснением частного сектора из экономики. На протяжении 1928 и 1929 гг. неоднократно менялись ставки прогрессивного налогообложения, прежде всего на промыслы и акцизы, которые, увеличившись вдвое, привели к свертыванию нэпманского предпринимательства, закрытию частных магазинов и лавок, и, как результат, - расцвету спекуляции на "черном рынке". Продолжающееся ухудшение жизни было свалено на деревню, на кулака как главного виновника трудностей. Нагнеталось враждебное отношение к крестьянству вообще как косной и инертной массе, как носителе мелкобуржуазного сознания, препятствующего социалистическим преобразованиям. Все шире распространялся лозунг: "Закон индустриализации - конец деревне, нищей, драной, невежественной!". На помощь уполномоченным по хлебозаготовкам партийные органы слали в деревню рабочих промышленных предприятий, исподволь подготавливая массовый поход рабочих в деревню.

В начале 1929 г. началась кампания по развертыванию массового социалистического соревнования на фабриках, заводах, на транспорте, в строительстве. В течение нескольких месяцев вся пресса во главе с "Правдой", партийные, профсоюзные, комсомольские органы усиленно пропагандировали различные трудовые почины, многие из которых были подхвачены рабочими. Широкое распространение получили такие формы соревнования как движение ударников, движение за принятие встречных планов, "непрерывка", движение "догнать и перегнать" (ДИП) капиталистические страны по объемам производства и производительности труда и другие. Социалистическое соревнование про-

возглашалось одним из главных условий выполнения заданий пятилетки. Оно оживило революционно-романтические настроения масс, уверенность в том, что с помощью штурма, наскока, порыва можно сделать все. Такая установка также шла вразрез с нэповской традицией, которая больше полагалась на реализм в экономике и политике, апеллируя к ленинской формулировке "не на энтузиазме непосредственно, а с помощью энтузиазма".

Антинэповская кампания на "идеологическом фронте" идентифицировалась прежде всего с борьбой против "правого уклона в ВКП(б) и в Коминтерне". В сущности с правыми олицетворялись все, кто продолжал оставаться на принципах нэпа, призывал к умеренности и осторожности, здравому смыслу. Таких было немало и в самой партии, и в государственном аппарате, и в профсоюзах, и в кооперации. Чтобы поколебать позиции этих кадров, сталинское руководство развязало кампанию развертывания критики и самокритики, направленную против руководителей СНК, ВСНХ, ВЦСПС, ИККИ, Наркомпроса, Московского комитета ВКП(б), дабы подготовить их смещение. Чаще всего кампания велась под флагом борьбы против бюрократизма, злоупотреблений и других негативных явлений, которые были присущи всем советским учреждениям. Провозглашая курс на "социалистическое наступление", сталинское руководство ставило своей целью обеспечить ему идеологическую поддержку. Этой цели служили организованные партаппаратом в 1928 г. очередные конгресс Коминтерна, съезд профсоюзов, комсомола, на которых подвергалось резкой критике прежнее руководство этих органов, которое якобы не справлялось с задачами текущего момента. На VI конгрессе Коминтерна (июль-сентябрь 1928 г.) "правый уклон" был объявлен главной опасностью для международного коммунистического движения. Это был прямой выпад против Бухарина - председателя ИККИ. Ноябрьский пленум ЦК указал, что "правый уклон" представляет главную опасность внутри ВКП(б). На VIII съезде профсоюзов (декабрь 1928 г.) было подвергнуто критике профсоюзное руководство, возглавляемое М.П.Томским. Председатель ВСНХ Куйбышев обвинил профсоюзы в бюрократизме, в отрыве от рабочих масс. Он выдвинул лозунг: "Профсоюзы - лицом к производству!", что на практике выливалось в свертывание каких-либо самостоятельных функций профсоюзного движения и превращение его в бессильный придаток государственных органов. Параллельно был осуществлен разгром Московского комитета партии, подобно тому, как это было сделано в свое время в Ленинграде. В результате позиции многих руководителей сильно пошатнулись. Хотя большинство из них остались на своих постах, их отстранение

было теперь уже вопросом времени и аппаратной механики, выработанной еще в период борьбы с "левыми".

Как уже говорилось, главным идеологом нэпа был Бухарин, поэтому борьба с "правым уклоном" была направлена прежде всего против него и против его взглядов. Правда, характер дискуссий теперь был уже иной. Спорили главным образом за закрытыми дверями, не посвящая рядовых коммунистов в сущность разногласий. О том, что в действительности происходило в это время в высших эшелонах партийного руководства, общество узнало много позже. На страницы прессы проникали лишь отголоски дискуссий, зачастую излагаемые "эзоповским языком" и намеками. Пользуясь своим положением главного редактора "Правды", Бухарин выступил с рядом статей, в которых под видом борьбы против троцкизма критиковался отказ от нэпа, проводимый сталинским руководством. В статье "Заметки экономиста" Бухарин дал анализ складывающейся в стране ситуации. "Сумасшедшие люди, - писал он, - мечтают о гигантских прожорливых стройках, которые годами ничего не дают, а берут слишком много". Бухарин указывал на нарастающий дисбаланс между различными отраслями хозяйства, на опасность беспредрывного наращивания капитальных затрат, возражал против "максимума годовой перекачки [средств] из крестьянского хозяйства в промышленность", считая наивной иллюзией, что таким способом можно поддерживать высокий темп индустриализации. В статье "Политическое завещание Ленина" Бухарин опять же не прямо, а косвенно критиковал "генеральную линию", противопоставляя ее взглядам Ленина, изложенным в его последних работах.

Разгром "правых", также происходивший за закрытыми дверями, состоялся на апрельском объединенном расширенном пленуме ЦК и ЦКК 1929 г. В своей речи Бухарин попытался очертить последствия взятого сталинским руководством курса. Под сталинской линией, говорил Бухарин, скрывается господство бюрократии и режим личной власти. Грандиозные планы социалистического переустройства общества он назвал не планами, а литературными произведениями. Индустриализацию, по его мнению, нельзя проводить на разорении страны и развале сельского хозяйства. Чрезвычайные меры означают конец нэпа. Бухарин обвинил сталинский аппарат в военно-феодальной эксплуатации крестьянства, а проводимую на ее основе индустриализацию - "самолетом без мотора". Скептически отнесся Бухарин к идее массовой коллективизации. Ее нельзя строить на нищете крестьянства - "из тысячи сох не составить трактора". Главный теоретический тезис Сталина об обострении классовой

борьбы по мере продвижения к социализму Бухарин назвал "идиотской безграмотной полицейщиной".

Резкую речь Бухарина на пленуме следует рассматривать скорее как акт отчаяния, предчувствие неминуемого поражения ввиду яростного наступления сталинской клики, которая теперь полностью "правила бал" в партийном руководстве, и нравов, царивших в нем. Доводы разума не играли уже никакой роли. Не получил поддержки Рыков, как председатель правительства выступивший с довольно аргументированным и реальным двухлетним планом восстановления расстроенного народного хозяйства, оздоровления финансов, устранения "узких мест" и консервации необеспеченных ресурсами строек.

О том, какие методы дискредитации оппонентов утверждались в партии, говорит сталинское выступление на пленуме. Он извлек из архива старую полемику между Лениным и Бухариным по поводу государственного капитализма, вспомнил ленинское "Письмо к съезду", из которого взял фразу, где Ленин говорит о Бухарине как никогда серьезно не учившемся марксисте, намекнул на предполагаемое участие Бухарина в заговоре левых эсеров. Когда Бухарин говорил о перерождении партии, превращении ее в болото послушных бюрократов, ее засоренности политически безграмотными чиновниками, не отличающими Бебеля от Бабеля, Сталин прервал его репликой: "Ты у кого это списал? У Троцкого!", намекая на контакты Бухарина, искавшего союзников, с разгромленной оппозицией. Что касается существа дела, то взгляды Бухарина и его сторонников он назвал пораженческими, проявлением панических настроений. Пленум 300 голосами против 13 осудил "правый уклон".

Вслед за пленумом была созвана XVI партийная конференция, которая проходила под знаком осуждения правых по всем направлениям текущей политики. Конференция отклонила какие-либо попытки снижения темпов пятилетки, утвердив ее директивы в оптимальном варианте. В решениях конференции подчеркивалось, что, будучи процессом развернутого социалистического наступления, пятилетка наталкивается не столько на трудности организационно-технического характера, сколько на обострение классово-борьбы и сопротивление капиталистических элементов, вытесняемых растущим социализмом. Преодоление этих трудностей возможно только при огромном росте активности и организованности трудящихся, изжитии мелкобуржуазных колебаний в вопросе о темпах и наступлении на кулачество. "Правый уклон" был назван "откровенно капитулянтским", которому объявлялась решительная и беспощадная борьба.

Конференция в качестве пути подъема сельского хозяйства сделала ставку на организацию "крупного социалистического земледелия" в лице колхозов и совхозов, а в качестве важнейшей направления работы партии в деревне - организацию бедноты для борьбы совместно с середняком против кулака. Конференция постановила произвести генеральную чистку партии и госаппарата "под контролем трудящихся масс" под флагом борьбы с бюрократизмом, с извращениями партийной линии, развертывании критики и самокритики. Практически каждое выступление партийных руководителей с мест на конференции заканчивалось рефреном "даешь пятилетку, даешь индустриализацию, даешь трактор..., а правых - к черту!". Налаженный в партийном аппарате механизм проведения "генеральной линии" действовал четко и почти безотказно.

Дальнейшая борьба с "правым уклоном" превратилась в откровенную травлю оппозиционеров. "Правый уклон" был персонафицирован с именами Бухарина, Рыкова, Томского. Против них развернула широкую кампанию печать. Повсеместно организовывались собрания и митинги с "разоблачением" и осуждением их сторонников. От них требовали признания своих ошибок и покаяния. Несколько позже, на ноябрьском пленуме 1929 г. принадлежность к "правому уклону" была признана несовместимой с пребыванием в партии. За короткий срок из нее было исключено 149 тыс. человек (11%) в основном по обвинению в "правом уклоне". По всей видимости, эта цифра близка к реальному количеству коммунистов, которые были сторонниками продолжения нэпа. Большинство из них так или иначе, раньше или чуть позже вынуждены были публично признаться в своих ошибках и заблуждениях. В противном случае они оказывались в положении отверженных, на которых могли распространяться всевозможные кары и репрессии.

Разгром "правых" происходил под аккомпанемент обвального крушения нэпа по всем направлениям хозяйственной и социальной политики. V Всесоюзный съезд Советов в мае 1929 г. принял первый пятилетний план в оптимальном варианте. И хотя этот акт был давно предreshен в партийных эшелонах, сам по себе он ознаменовал важную веху в становлении планово-распределительной системы. План становился законом жизни советского общества. В соответствии с переходом к директивному централизованному планированию перестраивается вся система управления народным хозяйством, в которой поначалу легко можно увидеть черты, унаследованные от военного коммунизма. На базе государственных синдикатов, которые фактически монополизировали снабжение и сбыт, создаются производственные объединения, весьма смахивающие на главки первых

послереволюционных лет и положившие начало становлению "ведомственной экономики". Производство должно было строиться путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. Предприятия должны были в сущности бесплатно получать соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе. Снова возникли разговоры о прямом плановом продуктообмене между городом и деревней, об отмирании денег, о преимуществах карточной системы снабжения и распределения. Ликвидировались многие банки, акционерные общества, биржи, кредитные товарищества. На производстве вводилось единоначалие, руководители предприятий напрямую делались ответственными за выполнение промфинплана. Директора крупнейших строек и предприятий назначались теперь по особому номенклатурному списку.

Летом 1929 г., несмотря на принятый закон о пятилетнем плане, начался ажиотаж вокруг его контрольных цифр, причем движение шло как снизу, так и сверху. Происходила своего рода эксплуатация революционного нетерпения, энтузиазма масс, настроений штурмовщины и чрезвычайщины. Безоговорочно принимались показатели встречных планов, как будто под них уже имелось материальное обеспечение. В ответ на лозунг "пятилетку в четыре года" Сталин говорил о возможности выполнить ее в три года. Задания по тяжелой промышленности: в металлургии, машиностроении, химии были резко увеличены.

Каскад произвольных, материально не подкрепленных мер, проводимых в форме постановлений, распоряжений, приказов буквально терзал страну.

Чрезвычайные методы господствовали на "фронте хлебозаготовок". По всем деревням и селам разъезжали уполномоченные, отбирая у крестьян "хлебные излишки". Им на помощь из города было направлено около 150 тыс. посланцев рабочего класса, попутно излагающих новую политику партии. О том, как велась эта агитация среди крестьян, говорит письмо на имя Сталина рабочего Чернореченского завода (Нижний Новгород), посланного в один из районов ЦЧО:

Прошу Вас тов.Сталин дать мне ответ на вопрос, как лучше подойти к делу. Я объяснял им [необходимость развития тяжелой индустрии] так, что нельзя сразу вас снабдить мануфактурой, обувью..., потому что сейчас мы ведем по строго выработанному плану наше хозяйство. Если мы пустим сразу в дело эти две отрасли, то у нас будут стоять главные рычаги нашего народного хозяйства - тяжелая промышлен-

ность, которая будет производить машины производства. Я приводил им такой простой пример: "Вот, мол, крестьянин имеет 250 руб. денег, семейство его 15 человек, нет одежды, нет обуви. Что он купит?". Он отвечает: "Лошадь". Вот так и государству нужен прежде всего двигатель, чтобы двигать народное хозяйство. Но они не верят... "Сколько кожи, а обувь дорога". - "А за сколько бы ты хотел купить сапоги? Пуд хлеба за одну пару сапог?" - "Нет, я бы дал пудов 8 за сапоги." И не верят, что мы придерживаемся строгому плану всех промтоваров по кооперативным организациям. Недостатки у нас общие. Но они не верят. Я вас и прошу, как лучше и детальнее объяснить? Просил бы не отказать ответить.

Газеты усердно пропагандировали преимущества колхозов, товарность которых по зерну якобы составляла 35%, а совхозов - и того выше. В результате настойчивой пропаганды доля коллективизированных крестьянских хозяйств поднялась с 3.9% в июне до 7.6% в октябре. На заводах и фабриках разворачивалось движение 25-тысячников. Суть его состояла в том, чтобы отобрать в среде рабочего класса самых лучших его представителей и направить в деревню для организации колхозов и совхозов. По официальным данным было зарегистрировано около 700 тыс. рабочих, выразивших желание выехать на фронт "колхозного разворачивания". Сказывалось постоянное внушение рабочим мысли об их авангардной ведущей роли, об отсталости и косности деревни, не знающей своего счастья, которое заключается-де в том, что нужно как можно скорее объединиться в колхозы и создать социализм в деревне, выкорчевать существующие в ней зародыши капитализма в лице индивидуальных крестьянских хозяйств. Так готовилась организационная и идейная база для проведения сплошной коллективизации.

Не менее важные события происходили на "культурном фронте". Общий культурный уровень населения страны на протяжении двадцатых годов поднимался медленно. Правда, по уровню грамотности были достигнуты впечатляющие цифры. К 1930 г. число грамотных по сравнению с 1913 г. увеличилось почти вдвое (с 33 до 63%). Однако этот рост был обусловлен не столько внедрением систематического школьного образования (число учащихся в начальных школах в 1929 г. составляло 10 млн.) , сдерживаемого нехваткой школ, учителей, учебников, сколько расширением курсов по ликвидации неграмотности, в задачи которых входило овладение элементарными навыками чтения и письма и основами политграмоты. Причем, как и в

других областях, и здесь к концу 1920-х годов явно проступали черты чрезвычайщины и кампанейщины. Если, например, в 1927 г. подобные курсы по официальным отчетам прошли 800 тыс. человек, то в следующем году - уже 2 млн., а в 1929 г. - 10 млн.

В задачах культурной революции, которые выносились на повестку дня, раздавались призывы к бдительности к мещанским и буржуазным проявлениям, к критической переработке старого буржуазного культурного наследия и созданию новой социалистической культуры, внедрялись примитивные культурные штампы и стереотипы. Провозглашались лозунги решительной борьбы с враждебными идеологиями, течениями, нравами, традициями как в области науки, литературы, искусства, так в области труда и быта. Агрессивно насаждались коллективистские начала, ведущие к подавлению индивидуальности и свободы творчества. Нагнетались антиинтеллектуализм, недоверие к "гнилой интеллигенции" и "гнилому либерализму". Усилилась разнузданная и крикливая антирелигиозная пропаганда, возглавляемая "Обществом воинствующих безбожников" и сопровождаемая разрушением церквей, исторических памятников, арестами священников как пособников кулаков и врагов социализма.

На "литературном фронте" борьбу за социализм вела созданная в 1928 г. Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) и ее руководство, объединившееся вокруг журнала "На литературном посту" ("Напостовцы"). Напостовцы проповедовали "гегемонию пролетариата в литературе". В связи с этим они поделили писательский лагерь по классовому принципу ("пролетарские писатели", "попутчики", "буржуазные" и "необуржуазные" авторы), периодически организуя разносы и преследования различных литературных группировок и объединений. Под огонь критики попали многие писатели, в том числе и М.Горький как "не совсем чистый" пролетарский писатель, М.Булгаков как выразитель контрреволюционного необуржуазного сознания, В.Маяковский за анархо-бунтарские индивидуалистические настроения и другие. Аналогичные явления происходили в искусстве, театральной жизни, кинематографии. Они сводили на нет многообразие культурной и художественной жизни 1920-х годов.

Экстремизм во внутренней политике отозвался и на действиях сталинского руководства в международной жизни. Во второй половине 1929 г. все отчетливее становились признаки тяжелейшего кризиса, охватившего экономику Запада. На этом фоне эйфория по поводу социалистического наступления получила дополнительную подпитку. Казалось, что наступает конец капи-

тализма. Пресса пестрела сообщениями о голоде, нищете, безработице, об уничтожении на Западе многих тонн нереализованной продукции. Сам собой напрашивался вывод, что только социализм способен покончить с подобными явлениями. В контексте изменившейся международной обстановки сталинским руководством в Коминтерне был обозначен тезис о возрастании агрессивности империализма в период кризисов, а значит о приближении возможности войны и революции. В качестве примера указывалось на возникновение фашизма. Однако главным врагом рабочего движения были объявлены так называемые "социал-предатели" или "социал-фашисты", под которыми подразумевались социал-демократы, поскольку они своим реформизмом препятствовали наступлению революции. В этой "слегка" извращенной логике явно прослеживаются следы сталинского творчества. Подобная установка, конечно, вела к расколу рабочего движения и облегчала установление фашистских и военных режимов в целом ряде европейских стран.

Накануне 12-й годовщины Октября Сталин выступил в "Правде" со статьей "Год великого перелома", в которой говорил о закладке основ строительства социализма, о решении проблемы внутренних накоплений, о новых формах повышения производительности труда, о повороте крестьянских масс к сплошной коллективизации и т.д. На ноябрьском пленуме ЦК речь шла о громадных успехах, якобы достигнутых страной в 1929 г. Опираясь на них, было решено снова увеличить плановые задания. Шло даже соревнование за то, кто больше пообещает в деле досрочного выполнения пятилетки. Для внесения единства в "грандиозное развертывание крупных совхозов, колхозов и МТС" было признано необходимым создание единого органа - союзного Наркомзема, которому вскоре предстояло стать своеобразным штабом массовой коллективизации.

Конец 1929 г. был отмечен празднованием 50-летнего юбилея Генсека. Фигура Сталина заметно увеличилась в своих масштабах. Он провозглашался "ближайшим и верным соратником Ленина", "виднейшим руководителем и вождем ВКП(б) и Коминтерна", "несгибаемым бойцом партии с железной настойчивостью и твердостью, с исключительной проницательностью производящим генеральную линию партии". Сталин становился символом "социалистического наступления", его бесспорным лидером и вождем.

Видимо, следует подвести некоторые итоги той полосе событий, финалом которых стал 1929 г., год утверждения сталинской диктатуры, за которым маячили контуры уже иной цивилизации. Он назывался по разному: от "контрреволюционного термидора" до "сталинской революции сверху". За последние годы

приходится сталкиваться со множеством различных версий этих событий. Широкое хождение получила их трактовка исключительно в терминах борьбы за власть, личных амбиций и властолюбия Сталина. Одно время распространялась версия о решающем влиянии на судьбу страны ее мелкобуржуазности, ее крестьянском облике, которые будто бы тесно связаны с культом верховной власти и царистскими иллюзиями, вознесшими на пьедестал личность Сталина. Очень активно муссировалась идея об отсутствии в стране демократических традиций, в результате чего стало возможным возникновение сталинского культа. Нередко события 1929 г. и последующие рассматривались как неизбежный результат попыток реализовать коммунистическую утопию. Диапазон мнений, таким образом, весьма велик. Каждое из предложенных объяснений имеет очевидные слабости, на которые можно указать, что называется, с ходу. Если все внимание сосредоточить на сталинских интригах, то как объяснить те сложные процессы, которые происходили в стране. Если придерживаться "крестьянской версии", то встает вопрос, почему в других крестьянских странах в аналогичных условиях не возникло ничего подобного, напоминающего Россию. Если говорить о демократии, то очень мало можно назвать стран, которые к началу XX в. накопили богатый опыт демократических традиций. Тем не менее их исторические пути оказались достаточно разветвленными. К тому же следует добавить, что вряд ли существует какой-то единый рецепт для демократического устройства общества. Каждая страна имеет свой собственный опыт народовластия. Если порыться в российской истории, то в ней тоже можно найти его особые формы, на которые при желании можно опереться, не прибегая к бездумному заимствованию и кабинетному бюрократическому прожектерству. Не годится, видимо, и апелляция к утопии, ибо какая заранее придуманная схема не окажется таковой при воплощении на практике.

Нельзя упрощать историю, спрямлять прошлое в угоду очередной конъюнктурной версии, как это часто делается в историографии. Из многих тенденций, из стечения многих обстоятельств, причин и следствий складывается определенный порядок событий, которые никто заранее не мог предвидеть и предусмотреть. Давая общую оценку событий этого времени, тоже приходится вступать на путь известного упрощения, однако в целом она базируется на той логике фактов, которые содержатся в приводимом выше материале.

Из состояния российского общества, из противоречий, которые сопровождали его вступление в новую эпоху, из ситуации, в которой оказалась страна в результате ее участия в мировой войне неизбежно вытекала трагедия революционного взрыва и

гражданской войны. Руководство революцией было predeterminedено со стороны тех политических сил, которые основывали свою стратегию и тактику на критике капитализма и пропаганде социалистических идей, находивших отклик среди населения России. Однако сами эти идеи, чтобы иметь успех, должны были трансформироваться сообразно российским условиям. Подобная трансформация прослеживается в программных установках отдельных политических партий, выступавших от имени крестьянства и рабочего класса. Сложные перипетии событий 1917 г. вынесли на поверхность наиболее радикальные элементы этих партий, которые повели массы на захват власти.

Взятие власти большевиками и поддержка их левыми эсерами привели к утверждению советской системы, а идеологической опорой нового режима становится большевизм, проповедующий диктатуру пролетариата. Идея диктатуры пролетариата постепенно сводится к однопартийной диктатуре большевиков в Советах и вытеснению всех других элементов из политической жизни общества.

Диктатура пролетариата на деле осуществлялась политической элитой большевистской партии, фигурами ее вождей. Вождизм - неизбежное следствие власти хаоса и толпы, ее жажды найти ориентиры в бурном океане событий. Вожди выступают от имени трудящихся масс, подхватывая их настроения и чаяния и навязывая им свои идеи.

Из смещения грубых уравнилельных представлений о социализме и коммунизме и большевизма в специфической обстановке гражданской войны рождается идеология и практика военного коммунизма, которая, несмотря на вызванный ею тотальный кризис советской системы и отказ от нее в последующие годы, оставляет глубокий след во всех порах жизни общества, в том числе и в самой правящей партии.

Из большевистских идей и тенденций, свойственных военному коммунизму, вырастает бюрократизм советской системы, который распространяется и на партию, и на госаппарат, и на общественные организации. Партийная бюрократия подчиняет себе этот процесс, который ведет к образованию особого руководящего слоя советского общества - номенклатуры. Интересы последней вступают в противоречие с интересами старой политической элиты. Внутри правящей партийной олигархии - вождей начинается борьба за власть, победа в которой обеспечена тому, за кем пойдет номенклатура, большинство партийной и советской бюрократии, кто в наибольшей степени сумеет выразить ее нужды. Проводимая руководством новая экономическая политика не отвечала интересам этого слоя, не сумела привлечь на свою сторону значительных слоев населения страны, породив

множество нерешенных проблем и противоречий. Теперь их решение все более связывалось с ускоренным строительством социализма.

В качестве наиболее подходящей велениям времени обозначалась личность Сталина. Сталин одновременно выступал и создателем нового руководящего слоя и выразителем его интересов. Сталин умел приспособиться к духу эпохи, образу человека железной воли и дисциплины, способного претворять в жизнь любые практические решения. Явные грубость и неотесанность, в чем упрекали Сталина старшие соратники, для новой поросли руководителей были скорее не недостатком, а преимуществом, показателем близости к низам. Они сами по своей сути были такими. Многие из них, словно птенцы из гнезда, вышли из военного коммунизма, пропитались его атмосферой. Позднее сам Сталин признавался, что в кругу более заметных политических фигур в партийном руководстве, победу ему и его сторонникам обеспечили "средние кадры", на которые другие вожди не обращали внимания.

III. "СОЦИАЛИЗМ" В ОДНОЙ СТРАНЕ

1. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СССР

В советской историографии, да и не только в ней, утверждалось, что в 1930-е годы в СССР было в основном построено социалистическое общество. Значит, вопрос о социализме - центральный для освещения и понимания истории этого десятилетия. Считалось, что социализм был построен в нашей стране за исключительно короткий срок, всего за две пятилетки, форсированными темпами, методами штурма и натиска, нередко, определяемыми военной терминологией. Воспользуемся и мы ею и обозначим данный период как "социалистическое наступление". Логика изложения курса требует, чтобы были подвергнуты анализу и результаты этого наступления, т.е. тот "социализм", который возник в СССР и о чертах которого еще недавно можно было судить воочию.

"Социалистическое наступление" в СССР, как уже говорилось, имело в своей основе три главные составные части: социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию. Задача, которая прежде всего встает перед историком, - это раскрыть их реальное содержание и исторический смысл. Для того чтобы это сделать, необходимо уточнить понятия, соотнести то, что провозглашалось официальной идеологией и проводилось на практике, с действительным состоянием дел.

Первое, что заслуживает серьезного анализа, проблема индустриализации страны. Существует многочисленная группа историков, которая доказывает, что индустриализация в СССР в сущности так и не произошла, имея ввиду комплексное преобразование всего народного хозяйства на основе крупного промышленного производства. При этом указывается на техническое отставание, на высокую долю ручного труда в целом ряде отраслей и пр.

Вопрос, который необходимо в связи с этим решить, является ли индустриализация объективной закономерностью исторического развития и как соотносится с ней понятие "социалистической индустриализации"? Как уже говорилось, само понятие индустриализации не является плодом большевистского творчества. Индустриализация - обязательное условие модернизации страны. Одна из отличительных черт "социалистической индустриализации" - навешивание на нее идеологических и политических задач. Другое отличие состоит в том, что во главу угла возводится принцип плановости и решающей роли государства в противовес "стихийной капиталистической индустриализации". В третьих, теория "социалистической индустриализации" предусматривает своеобразный промышленный рывок путем максимального сосредоточения усилий на развитии тяжелой индустрии, производящей средства производства (Группа "А") с целью технической реконструкции всего народного хозяйства. Теоретически после него должен быть осуществлен переход к сбалансированному пропорциональному развитию экономики. Как видим, в такой постановке проблема индустриализации в общем не противоречит взгляду на нее, как на общеисторическую закономерность. Не противоречит ему и теория промышленного или технологического рывка, особенно для стран, в которых все слои общества и руководители государства осознают экономическую отсталость и пытаются ее преодолеть. В этом смысле необходимость промышленного ускорения также должна рассматриваться в качестве исторического закона.

Обычно считается, что в странах, которые вступают на этот путь, усиливается роль государственного вмешательства, устанавливается авторитарный режим, который призван подавить сопротивление старых общественных элементов и вовлечь их в систему нового общества. На этой основе происходит ломка социальной структуры и социальной психологии общества.

Дополнительным стимулом для форсирования индустриализации была экономическая и политическая изоляция страны на международной арене, враждебные отношения СССР с рядом стран, задача, как тогда говорили, "крепить оборону первого в мире государства рабочих и крестьян".

В силу многих причин как объективного, так и субъективного свойства, о чем речь впереди, осуществление индустриализации в СССР происходило несколько по иному сценарию, чем предусматривалось в теории, и превратилось в одностороннее и преимущественное развитие отраслей группы "А". В рамках советской планово-распределительной системы закладывалось ее ос-

новное противоречие: между амбициозностью провозглашаемых планов и реальными возможностями их выполнения.

Объем и масштаб задач, связанных с индустриализацией, руководством не был осмыслен до конца, тем более в условиях, требующих значительно больше капиталовложений в строительство, транспорт, сельское хозяйство, создание инфраструктуры по сравнению с другими странами, чтобы обеспечить органическое и пропорциональное развитие народного хозяйства. К тому же, как показывает исторический опыт, задачи преобразования ряда сфер экономики не сводятся только к их индустриальной трансформации, а зависят от совокупности многих факторов не только экономического порядка, но и исторических, природно-географических, социальных и других.

Одной из проблем индустриализации страны был вопрос о размещении ее производительных сил и ресурсов, которые были распределены крайне неравномерно. Основная масса населения была сосредоточена на Западе, преимущественно в Европейской части СССР. В старых промышленных районах (Центр, Северо-Запад, Донбасс) находились главные кадры квалифицированных рабочих, ИТР. В Москве и Ленинграде было сконцентрировано большинство учебных заведений, готовивших специалистов, и научных центров. В то же время в восточных, зачастую в труднодоступных и суровых по природно-климатическим условиям зонах, была сосредоточена большая часть разведанных полезных ископаемых, водных и лесных ресурсов. "Задачи индустриализации народного хозяйства СССР, - указывалось в первом пятилетнем плане, - побуждают инвестировать крупные средства в основной фонд восточных окраинных и национальных районов Союза. Эти вложения в то же время вытекают из задач форсированного производства средств производства и прежде всего каменного угля и железа, крупные ресурсы которых расположены на Урале и в Сибири. Так как с добычей угля и железа комбинируются металлургия, тяжелое машиностроение и химия, то направление капиталовложений в районы сырья, необходимых для производства средств производства, еще в большей мере усиливается". Разработке узловых проблем размещения производительных сил страны специально была посвящена XVII конференция ВКП(б) (апрель 1932 г.), которая определяла перспективы порайонного распределения капиталовложений на ближайшие годы вперед.

Вместе с тем совершенно очевидно, что промышленное освоение новых районов, по сравнению со старыми, требовало значительно больших капиталовложений и почти всегда упиралось в проблему интенсификации миграционных процессов, обеспечения трудовыми ресурсами многочисленных строек и промыш-

ленных объектов на Севере, на Урале, в Сибири, в Казахстане и на Дальнем Востоке. Решить эту проблему на органической основе было практически невозможно. В предшествующие годы миграционное движение на Восток, несмотря на некоторое усиление его после Столыпинской реформы, было недостаточным, носившим к тому преимущественно сельскохозяйственный характер.

Руководство страны пыталось разрешить эту проблему несколькими способами, которые еще в довоенные годы сложились в своеобразные традиции освоения новых районов. Это, во-первых, путем возбуждения общественного энтузиазма, комсомольских, молодежных и прочих призывов, приобретающих порой добровольно-принудительный оттенок, во-вторых, путем введения надбавок к заработной плате ("северных коэффициентов") и предоставления некоторых преимуществ лицам, работающим в тяжелых условиях, в третьих, широким использованием для решения этой задачи принудительного труда заключенных и спецпереселенцев.

В результате довоенных пятилеток в общем и целом произошел некоторый сдвиг в размещении индустриального потенциала СССР на Восток, особенно в сфере добывающей промышленности. Так, доля восточных районов в добыче угля возросла в 1940 г. по сравнению с 1928 г. почти вдвое, производстве стали - на 10%, чугуна - 7%. Несколько быстрее, чем в среднем по стране, развивались на Востоке добыча нефти, электроэнергетика. Резко шагнула на Восток цветная металлургия. Некоторые изменения произошли в размещении машиностроения, хотя и не столь заметные, как в добывающей промышленности. Так, доля Урала в машиностроении возросла в 1937 г. по сравнению с до-революционным периодом с 3 до 8.5%, главным образом за счет таких гигантов, как Уралмаш и Челябинский тракторный завод. Однако большинство машиностроительных заводов строилось в довоенный период на Европейской территории СССР (Украина, Поволжье, Центр).

Искусственный во-многом, неорганичный характер освоения новых районов наложил свой отпечаток на индустриализацию страны. В восточных районах ее однобокий и уродливый характер был особенно очевиден, способствуя целому ряду деформаций в экономической и социальной сферах. Разрыв и отставание многих отраслей на Востоке по сравнению со старыми районами даже увеличились. Это касается инфраструктуры, сельского хозяйства, коммунального обслуживания. Вместе с тем бурная индустриализация меняла контуры производства и производственных связей, формировалась новая хозяйственная ткань страны, в которой начали складываться отраслевые и территориальные

комплексы, основанные на сложившихся приоритетах и системе разделения труда. Раньше всего начали складываться топливно-энергетический и угольно-металлургический комплексы, каждый со своей системой ТПК, затем обозначились контуры машиностроительного комплекса - все, принадлежавшие к тяжелой индустрии.

Упор на ее развитие в условиях СССР превратился в самоцель, приобрел инерционный и самоедский характер. В самой тяжелой промышленности под воздействием многих обстоятельств все более усиливались позиции отраслей, связанных с производством вооружений, приведшим уже в предвоенные годы к началу формированию военно-промышленного комплекса (ВПК). Многие предприятия строились с учетом их конверсии на военные нужды, на них создавались закрытые цеха и участки, связанные с военным производством. Чем больше расширялась сфера действия "железного синдрома", выраженного в цифрах произведенных тонн чугуна и стали, количестве тракторов, комбайнов, танков, орудий, самолетов и т.п., тем больше экономика замыкалась на самую тяжелую индустрию, усугубляя отставание ряда отраслей и диспропорции в народном хозяйстве. Система приоритетов и очередности фактически подменила собой плановое развитие и стала одной из сущностных черт советской экономики на долгие годы вперед. В этих условиях установка "план - любой ценой" способствовала деформации и всего общества, так как оказывала давление на все экономические, социальные и культурные процессы.

Перспектива развития такого общества очевидна: рано или поздно оно встанет перед необходимостью распутывания "узлов" и проведения экономических реформ с целью устранения сложившихся диспропорций.

В связи с этим встает другой вопрос, можно ли относить страну, где развитие экономики приобрело столь односторонний и уродливый характер к числу индустриально развитых? Ответ на этот вопрос упирается в проблему критериев индустриализации, где также существует великий разбой во мнениях. Отдельные авторы, ссылаясь на тех же большевиков, записавших в решениях своего XIV партсъезда задачу превращения страны из ввозящей машины и оборудование в страну их вывозящую, утверждают, что никакой индустриализации в этом смысле не произошло. Надо заметить, что подобный критерий является весьма аморфным и неопределенным, который никогда и нигде не применялся в оценке индустриализации. Тем более не применим он в отношении СССР, позиции которого на мировом рынке оказались достаточно сложными и противоречивыми на всем протяжении истории советского государства.

Другой, более часто используемый показатель индустриализации, исходит из объема возрастания валового общественного продукта и доли в нем промышленного производства. Если руководствоваться этим критерием, то, согласно официальным данным, превращение СССР в индустриальную державу произошло в результате завершения первой пятилетки (1928-1932 гг.). Объем национального дохода якобы возрос тогда чуть ли не вдвое (на 75%). Если в 1928 г. доля промышленности в нем составляла 48%, то в 1932 г. - 70%. Но эти цифры в качестве критерия индустриализации следует подвергнуть большому сомнению и по целому ряду причин. Во-первых, нужно учитывать падение за тот же период объема сельскохозяйственного производства. Во-вторых, - явное несоответствие стоимостных показателей, измеряющих национальный доход: рубль 1928 г. далеко не равен рублю 1932 г. В-третьих, - значительную долю в национальном доходе новых, более дорогих видов продукции и стоимости незавершенных объектов. Наконец, стоит принять во внимание обыкновенные приписки, страсть к "округлению", свойственную советской статистике. В свете сказанного надо, видимо, отнести на более поздний срок превращение страны из аграрной в индустриальную и рассматривать его как общий результат "социалистического наступления". Вопрос же о завершении индустриализации в данном контексте вообще отпадает. Отличительные черты более или менее стабильного "индустриального общества" СССР обрел только после войны 1941-1945 гг. в годы послевоенных пятилеток, когда под влиянием научно-технической революции в ряде стран обозначились уже иные, постиндустриальные процессы. Громоздкая и неуклюжая экономика, индустриальные основы которой были заложены в 1930-е годы, оказалась маловосприимчивой к новым веяниям. Ее перестройка на новый лад шла с невероятным трудом, затрагивая по инерции лишь самые приоритетные отрасли, связанные с ВПК, роль которого возросла в годы войны и постоянно усиливалась в период "противостояния двух общественных систем", буквально высасывая соки из народного хозяйства.

При экстенсивном затратном механизме, который характеризует планово-распределительную систему, особенно остро встает вопрос о той "цене", которая была уплачена за индустриализацию. Этот сюжет в последние годы привлекает пристальное внимание исследователей. "Цена индустриализации", как выясняется, оказалась огромной. Если раньше советские авторы освещали главным образом преимущества, достижения и успехи, связанные с превращением страны из аграрной в индустриальную, которые, нельзя этого отрицать, были внушительными, лишь глухо упоминая и громадном напряжении сил, невероят-

ных усилиях, лишениях и жертвах, положенных "на алтарь социалистической индустриализации", то теперь акцент перенесен на ее негативные стороны и последствия. Ни тот, ни другой подход не отвечает задачам объективного анализа, ставящим своей целью показать исторический процесс во всей сложности и противоречивости.

Сегодня общепризнанным считается факт, что главной жертвой "социалистической индустриализации" стала российская деревня. Здесь однако мы вплотную подходим к не менее сложной и запутанной проблеме преобразования сельского хозяйства как необходимого условия модернизации. Все авторы согласны в том, что традиционный уклад страны воплощался в ее деревне, в многомиллионном крестьянстве - самом "неповоротливом" и "неуклюжем" классе современной истории, - и большинство их не отрицает того, что в новейший период перед селом вставала проблема переделки экономических и социальных отношений. Возникает вопрос - на каких основах она должна была происходить? К началу "социалистического наступления" он не был ясен ни теоретически, ни практически, если не считать абстрактных доктринальных установок марксизма, в сущности третирующих крестьянство, не оформившегося окончательно "ленинского кооперативного плана" и отдельных соображений отечественных ученых-аграрников, не сложившихся однако в заверченный и ставший достоянием широкой общественности круг идей. Только сегодня стало очевидно (к сожалению, - не для всех), что модернизация сельского хозяйства - процесс исключительно сложный, требующий учета многих исторических, природных, экономических, социальных и других особенностей отдельных стран.

Выдвигая курс на "социалистическое преобразование сельского хозяйства", большевики в России, безусловно, рассчитывали на позитивные сдвиги в аграрном секторе и вовсе не ставили своей целью уничтожить крестьянство, как часто утверждается в нынешней историографии. Их политику сплошной коллективизации деревни тоже следует, на наш взгляд, рассматривать в общем контексте модернизационных процессов. При этом также необходимо учитывать идеологическую и экономическую сторону дела. Идеология требовала "выкорчевывания самых глубоких корней капитализма", которые для большевиков олицетворялись в мелком крестьянском хозяйстве. Связанные с этим настроения имели достаточно широкое хождение в советском обществе. Идеологией определялась и политика ликвидации кулачества как класса, "кулаков, подкулачников и поющих с их голоса элементов".

Курс на сплошную коллективизацию предусматривал полное производственное кооперирование мелких крестьянских хозяйств в форме колхозов или же их обобществление в рамках государственного сектора (совхозы). Такая форма объединения также вытекала из идеологических установок. С экономической точки зрения она представляла собой искусственное насаждение наиболее развитых организационных форм обобществления труда в сельскохозяйственном производстве, возможных только при наличии определенных условий (высокая степень механизации, разделения труда, специализации и т.д.). Ничего подобного в период "социалистического наступления" не было, хотя защитники колхозного строя и пытались утверждать противоположное. Они же нередко апеллировали к положительному якобы опыту колхозного строительства до начала сплошной коллективизации.

История однако свидетельствует о следующем. Опыт коммун, насаждаемых в годы военного коммунизма, показал их нежизнеспособность. С введением нэпа большинство из них распалось. К 1928 г. они составляли лишь 7% коллективных хозяйств, 26% из них составляли артели, а 67%, т.е. подавляющее большинство, - первичные производственные объединения ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли). Уровень обобществления в этих хозяйствах был очень различен. Если в коммунах он достигал 100%, то в артелях - от 30 до 50%, в ТОЗах - от 5 до 30% в зависимости от того, что обобществлялось (земля, скот, инвентарь и т.д.). Как правило, это были объединения маломощных крестьянских хозяйств, способ их выживания и взаимопомощи. Средний размер коллективного хозяйства - 12 дворов, 54 десятины посевов, 5 лошадей и 7 коров. Объединения эти были в общем добровольными, хотя к концу 1920-х годов усилился нажим на крестьян с целью побудить их к вступлению в колхозы. Последние находились в особых отношениях с государством, оказывавшим им первоочередную поддержку, но и требовавшим от них систематических поставок сельхозпродукции на определенных условиях. Это достигалось за счет сокращения внутреннего потребления колхозников, что объясняло более высокую "товарность" колхозного производства. Уровень существования и организации труда в коллективных хозяйствах был очень низким (об этом имеется масса свидетельств), и крестьянство в целом было настроено против них. Тем не менее именно данная модель, причем в утрированном виде, предусматривающем почти полное обобществление средств и орудий труда, была избрана политическим руководством в качестве образца при проведении сплошной коллективизации. Причем план ее проведения даже с позиций той же идеологии выглядел с точно-

стью до наоборот: первоочередной коллективизации подлежали те районы, где требовалась особенно осторожная политика в отношении к крестьянству.

Главную роль в форсировании сплошной коллективизации, по-видимому, сыграла обострившаяся проблема государственных хлебозаготовок, возможность без особых усилий изымать у коллективных хозяйств производимую ими продукцию. Создавалась иллюзия простоты и легкости решения зерновой проблемы путем чисто организационных мероприятий. Как говорил Сталин, "даже простое сложение крестьянских орудий даст нам такое приращение сельскохозяйственных продуктов, о котором мы не смели и мечтать, и через несколько лет наша страна станет самой хлебной страной в мире".

Проводимая путем принуждения и насилия массовая коллективизация деревни, сопровождаемая многочисленными эксцессами, в значительной мере дискредитировала идею преобразования сельского хозяйства на коллективистских началах, хотя, как полагает ряд отечественных экономистов, она лежит в русле традиций российской деревни, общинного землепользования и землевладения. Другие же, большей частью публицисты и писатели, хлестко называя колхозный строй агроГУЛАГом, ратуют за создание на селе "хозяина" типа американского фермера, забывая о том, что тот является продуктом хорошо организованной, высокомеханизированной, основанной на самой передовой научной технологии системы сельскохозяйственного производства. Есть и такие, которые призывают к возвращению к исконным формам существования деревни, воспевая "работающих аж до седьмого пота мужиков", занятых на своих клочках земли.

Встает вопрос, произошла или нет в СССР модернизация сельского хозяйства? Что касается 1930-х годов, то ответ на него будет однозначно отрицательный, о причинах пойдет речь ниже. Но даже оценивая этот процесс в долгосрочной исторической ретроспективе, трудно ответить на него утвердительно. В ряде аспектов, касающихся использования достижений науки и техники, прогресс был налицо и выразился в изменении структуры посевов, продвижении земледельческих культур в новые районы, в цифрах роста урожаев, поголовья скота, повышении уровня жизни и т.д., при одновременном абсолютном и относительном сокращении сельского населения. В послевоенный период можно говорить о начале формирования АПК, однако, как представляется, он так и не сумел сложиться за весь период советской истории. Процесс перехода от экстенсивных форм хозяйствования к интенсивным так и не произошел. Рост сельскохозяйственного производства был сопряжен с хроническими бо-

лезнями аграрного сектора, лекарства от которых за всю историю колхозно-совхозного строя так и не было найдено. Если объем промышленного производства в стране за годы советской власти увеличился в десятки, а то и в сотни раз, то сельскохозяйственного - всего лишь в три раза. Эти болезни вели к перманентному его отставанию и неспособности удовлетворить растущие потребности советского общества, вызывая в нем рост напряженности и нагнетание противоречий.

Системный взгляд на модернизацию всего народного хозяйства требует обратить внимание и на такие его отрасли, как транспорт, строительство, торговля, коммунально-бытовое обслуживание населения. По многим показателям положение здесь обстояло не лучше, чем в сельском хозяйстве. Транспорт, например, постоянно оставался узким местом советской экономики. Более или менее значительные усилия по развитию транспортной сети (шоссейные дороги, трубопроводы, энергосети и т.п.) были предприняты только в послевоенный период, но ее отставание так и не было ликвидировано. То же самое можно сказать и о других отраслях, причем, особенно резкие различия наблюдались при сравнении города и сельской местности, западных и восточных районов страны.

Третья составная часть "социалистического наступления" - культурная революция. В понимании этого термина в литературе тоже никогда не было единства. То в него вкладывали утопическую задачу формирования нового человека социалистического общества, то эфемерную цель овладения всей культурой современного общества, то более прозаические задачи, которые исходили из конкретных практических нужд. С этой точки зрения понятие культурная революция в наибольшей степени близко подходит к содержанию процесса модернизации общества, хотя в нем отчетливо проступают идеологические императивы. Задачи культурной революции в более приземленном варианте звучат как необходимая предпосылка построения социалистического общества, предусматривающие ликвидацию неграмотности населения, введение всеобщего начального образования, создание новой системы средней и высшей школы, формирование новой социалистической интеллигенции, отвечающей нуждам режима, и, наконец, создание новой культуры социалистического общества.

Оценка достижений культурной революции в СССР, конечно, зависит от содержания, которое в это понятие вкладывается. Если судить по объективным показателям: рост массового образования, число специалистов в различных отраслях народного хозяйства, развитие сети библиотек, кинотеатров, клубов и т.п., то успехи выглядят впечатляющими. Попытки их извратить и

принизить выглядят напрасными, особенно если учитывать, в каких условиях велось культурное строительство, хотя, конечно, нельзя закрывать глаза и на свойственные этому процессу огрехи и недостатки, идеологические выверты, искривления и ограничения.

Три главные составляющие-компоненты "социалистического наступления": индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию необходимо рассматривать не каждую саму по себе, как это нередко делается в исторической литературе, а в неразрывном единстве, как и было на самом деле. Так, коллективизация мыслилась руководством подчиненной задачам индустриального обновления страны. Предполагалось снабдить растущую промышленность сырьем, рабочий класс - хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, получить источники накоплений путем экспорта зерна, обеспечить поднимающиеся стройки, города, заводы рабочей силой путем высвобождения ее излишков среди деревенского населения. Напрямую с задачами индустриализации увязывалась и культурная революция, призванная подготовить для промышленности и прочих отраслей народного хозяйства кадры квалифицированных рабочих, инженеров, техников, механизаторов, агрономов, зоотехников и других специалистов.

Часто в литературе высказывается точка зрения, согласно которой модернизационные процессы в стране, происходившие под флагом "социалистического наступления", навязывались исключительно сверху и не имели внутренних источников саморазвития. Эта точка зрения представляется неверной по крайней мере по двум очень важным позициям, о которых уже говорилось в содержании курса. Одна основывается на том, что большевистское видение социализма находилось в русле идей и тенденций XX столетия с учетом российской специфики, и в этом смысле находило поддержку среди различных слоев населения. Вторая констатирует тот факт, что преобразования, о которых идет речь, в общем и целом соответствовали национально-государственным интересам страны, что также было немаловажным фактором их социальной поддержки, составляя предмет особой гордости советского периода отечественной истории. Причем, именно последний фактор в силу ряда специфических причин, речь о которых пойдет ниже, постепенно становится определяющим в последующем развороте событий.

Особого разговора заслуживает система власти, сложившаяся в СССР в 1930-е годы, со всеми присущими ей особенностями, не исключая совершенных ей преступлений, злоупотреблений и промахов. Однако главный вопрос все же заключается в том,

соответствовала или нет эта система власти объему и масштабу стоявших перед ней задач.

Рассматривая конкретный ход событий в период "социалистического наступления", необходимо также принимать во внимание прямые, немедленные результаты той или иной политики и ее долговременные следствия, которые не всегда и во всем совпадают. Определенные действия руководства страны вызвали подчас катастрофические последствия. Однако жизнь и совокупность ряда объективных обстоятельств заставляли как-то корректировать курс; каждый шаг "выправления" линии, в свою очередь, оставлял за собой "обломки и черепки", но в итоге, в результате затраты огромных усилий и жертв, выходил некий результат, который при желании можно было выдать за то, к чему собственно оно и стремилось. Отсюда - сложность оценки происходивших процессов. Если следовать какой-либо из этих линий освещения событий, то получится весьма искаженное представление об истории 1930-х годов: она может быть изображена или как цепь постоянных провалов и злодеяний режима, или же как ряд его последовательных успехов и достижений. Действительность же была намного сложнее.

2. "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ" 1930-1932 гг.

Взвинчивание плановых заданий первой пятилетки привело к разрушительным последствиям для экономики, хотя поначалу положение на "фронте индустриализации" внушало некоторые основания для оптимизма, усиленно подогреваемого официальной пропагандой того времени, а после этого - в многочисленных книгах, кинофильмах, воспоминаниях о первой пятилетке. В них насаждался миф о возникающих будто на пустом месте заводах, создаваемых ударным трудом советских рабочих и инженеров. На самом же деле большинство объектов индустриализации начали строиться еще в годы нэпа под выделенные на них материально-технические ресурсы. Были и такие, которые возводились на строительных площадках и по проектам, оставшихся еще со времен дореволюционного предпринимательского грюндерства и программ развития производительных сил России при прежнем режиме. К ним, например, следует отнести заводы "АМО", "Электросталь", Московское метро и др.

Но нельзя отрицать и то, что в годы первой пятилетки были заложены и десятки новых объектов. Но что значит каждая такая стройка? Это реальные, а не бумажные кирпич, цемент, стекло, машины, оборудование и т.п., которых не было в наличии. Экономически необоснованные решения привели к тому, что план первой пятилетки стал "трещать по всем швам".

Массовый исход из деревни, начавшийся с проведением сплошной коллективизации осенью 1929 г., позволял обеспечивать стройки дешевой, а подчас и почти даровой рабочей силой, вооруженной тачками и лопатами. На ряде строек, относительно обеспеченных материалами и оборудованием, благодаря энтузиазму и нечеловеческим усилиям рабочих, инженеров, руководителей, удавалось выдержать темпы и ввести их в строй. Об этом

победно рапортовали газеты, сообщая о пуске Днепрогэса, Сталинградского тракторного завода, Турксиба и др. объектов или публикуя репортажи с ведущих строек, напоминающие боевые сводки. В целом же однако возникло гигантское перенапряжение сил. Средства на индустриализацию черпались за счет дальнейшего роста поборов с деревни, особенно с индивидуальных крестьянских хозяйств, госпоставок, расширением экспорта зерна, лесопродуктов, продажи водки. В ход пошли национальные ценности, началась распродажа на мировом рынке картин, реликвий из музеев. Такими способами удавалось наращивать капиталовложения в промышленность, доводя их до 45% от национального дохода на 1932 г., и поддерживать высокие темпы. Ободренный этим Сталин похвалялся, что мы, дескать, еще более "сверхиндустриалисты", чем "левые".

Между тем среди части сталинской номенклатуры, прежде всего хозяйственных руководителей, возникли тревожные опасения, стали раздаваться призывы к более умеренной и осторожной политике, к более разумному планированию. Однако они встретили резкое осуждение со стороны Сталина и его сторонников в ЦК ВКП(б), о чем свидетельствует разгром так называемой "группы Сырцова-Ломинадзе" в конце 1930 г. Тем не менее тревожные симптомы в экономике продолжали нарастать.

Крах наступил во второй половине 1931 г., хотя признаки его наступления отмечались и ранее. Страна погрузилась в состояние экономического и социального хаоса. Размеры новых капиталовложений резко упали, снизилась их отдача. Если в 1929 г. промышленный рост составил 23.7%, то в 1931 г. - только 5%, да и то в значительной степени иллюзорный, достигнутый за счет так называемого "освоения средств". Наблюдалось их фактическое распыление по многочисленным стройкам. Нарядно-карточная система распределения и снабжения вела к тому, что повсеместно обнаруживались дефициты: кирпича, цемента, стекла и т.д. Невыполнение планов вызывало цепную реакцию задержек по всем отраслям народного хозяйства. Сложилась система приоритетов и очередности, которая распространялась на несколько ударных объектов, такие как Кузнецкстрой или Магнитострой, которые служили эталоном для всей страны. Однако нехватка ресурсов и система приоритетов вызвала конфликты между отраслями и предприятиями. Недостаток средств не удавалось преодолеть за счет расширения экспортно-импортных операций. Они натолкнулись на последствия мирового экономического кризиса. Цены на хлеб на мировом рынке резко упали. Увеличение вывоза зерна не давало ожидаемого эффекта. Если в 1931 г. было экспортировано около 5 млн. т зерна, то в 1932 г. - 1.7 млн. т. Основным источником валютных

поступлений был вывоз древесины. Отсюда - нацеленность на его расширение, сыгравшая не последнюю роль в географии ГУЛАГовских лагерей, колоний и спецпоселений, сеть которых стала опутывать страну.

Экономические трудности списывались на происки "вредителей", "саботажников", к числу которых относились "старые" или "буржуазные" специалисты. Им вменялись в вину все срывы и провалы на производстве. В течение 1930-начала 1931 гг. состоялись многочисленные судебные процессы (над специалистами ВСНХ, над членами Крестьянской трудовой партии, над членами меньшевистского Союзного бюро и др.). Большинство из них происходило за закрытыми дверями, однако имели место и "открытые" процессы, сфабрикованные совместно ОГПУ и судебными органами. В процессе над Промпартией обвиняемые "сознались" в создании крупной подпольной организации, состоящей из 2 тыс. специалистов, цель которой якобы состояла в ведении по заданию иностранных разведок подрывной деятельности в народном хозяйстве СССР. На многих предприятиях начались увольнения и аресты специалистов. Например, шахты Донбасса в этот период лишились более половины управленческих кадров. Кризис на транспорте привел к тому, что в первой половине 1931 г. было "разоблачено" 4.5 тыс. "саботажников".

За годы "социалистического наступления", в период первых двух пятилеток из деревни в город перешли около 12 млн. человек. История еще не ведала миграций такого масштаба. Численность только рабочих, занятых на стройках, предприятиях и т.п. увеличилась на 8 млн. Основной поток мигрантов приходится на первую пятилетку и связан с проведением сплошной коллективизации и "политики ликвидации кулачества как класса". Официально она была принята только на XVI съезде ВКП(б), созванном в конце июня 1930 г., но фактически проводилась с конца 1929 г. по прямым указаниям Сталина и его окружения, и кажется, что большинство "перегибов", связанных с нею, имели место еще до ее формального принятия.

Процессу "раскулачивания" подлежали 3 категории крестьян: 1) так называемый "контрреволюционный кулацкий актив", подлежащий аресту и заключению с высылкой членов их семей; 2) "крупные кулаки, агитировавшие против колхозов", которые подлежали выселению вместе с семьями в другие, как правило северные, районы страны ("ликвидация кулаков в даль"); 3) "остальные кулаки", подлежащие переселению в пределах той же местности. Критерии раскулачивания были весьма неопределенными, что позволяло местным работникам толковать их и "вкривь и вкось". Доподлинно известно, что крестьяне-

промысловики попадали в категорию кулаков. Таким образом, "раскулачивание" наносило деревне двойной удар: и по ее земледельческому хозяйству, и по мелкой деревенской промышленности, служившей важным подспорьем в жизни сельского населения. В остальном "раскулачивание" происходило совершенно произвольно и зависело от ряда субъективных факторов: от служебного рвения местного начальства и "деревенского актива", от степени социальной напряженности в деревне, постоянно тлеющих внутри нее конфликтов, взаимного сведения счетов, доносов и пр.

Общее количество ликвидированных "кулацких хозяйств", по сведениям историков, измеряется цифрой 1.1 млн. Если сравнить ее с данными о социальной структуре страны накануне массовой коллективизации, то видно, что она уже существенно превышает долю зажиточных крестьянских хозяйств. Количество выселенных в 1929-1931 гг. семей составило 381 тыс., насчитывавших в общей сложности 1.8 млн. человек.

Эшелоны и обозы с раскулаченными, сопровождаемые работниками ОГПУ, двигались по всей стране, направляясь на Север, Урал, в Сибирь. К ним присоединялись семьи священников, "бывших помещиков", отдельных представителей сельской интеллигенции и других "чуждых" и "враждебных" элементов. За каждой из таких "отправок" стояла личная и семейная трагедия. Наряду со спецпоселениями стало быстро увеличиваться число заключенных в тюрьмах и лагерях.

Но приведенная цифра не дает еще полного представления о социальных катаклизмах, связанных с массовой коллективизацией. Дело в том, что "раскулачивание" лишь одна сторона этого процесса. Как уже говорилось, крестьянство в массе своей было настроено против коллективизации, оказывая ей активное, в форме восстаний и бунтов противодействие, о чем свидетельствуют систематические отчеты органов ОГПУ, но больше - пассивное сопротивление, которое коснулось всех слоев сельского населения и выразилось в форме "бегства из деревни" и других неуправляемых процессов. Немало было крестьян, которые просто бросали свое хозяйство и уходили на стройки и в города, не желая вступать в колхозы. Их причисляли к категории "самораскулачившихся". Среди них оказывались не только зажиточные, но и "бедняки", и "средняки", не приемлющие колхозный строй. Среди жалоб на "перегибы" в период сплошной коллективизации, поступавших в различные органы, неоднократно фигурирует письмо бедняка Белоцерковского, которого, как он пишет, "загнали в колхоз как кота". Иной раз чуть ли не всей деревней "мужики шли в пролетариат зачисляться", особенно если вблизи нее находился очередной "котлован".

"Большой исход" из деревни приобрел невиданные масштабы. Многие стройки в то время напоминали таборы кочевников-цыган.

Между тем нажим на крестьян и силовые формы колхозного строительства нарастали. Если на 1 января 1930 г. было коллективизировано 20% хозяйств, то к 1 марта (всего лишь за три месяца) эта цифра увеличилась почти в три раза (58,6%). Плач и стон стояли по всей стране. Раскулачивание, массовый забой скота, изъятие имущества, нередко переходящее в грабеж, выселение под дулами винтовок и многие другие трагические события были типичной картиной той поры.

Сопrotивление крестьян коллективизации встревожило руководство. В начале марта 1930 г. в "Правде" появилась статья Сталина "Головокружение от успехов", в которой автор, говоря о "перегибах в колхозном движении", свалил вину за них целиком на местные органы. На деле же вся кампания была инициирована сверху, а активисты на местах, плохо представляя себе, что такое колхозы и зачем они нужны, только и ждали, когда сверху спустится очередная директива.

Статья Сталина была встречена неоднозначно, обескуражила местных работников, многие из которых как виновные в "перегибах" были в духе времени подвергнуты репрессиям. Как утверждал один из них, "статью писал не Сталин, а кулак".

О масштабах насильственной коллективизации говорит тот факт, что после выхода статьи процент коллективизированных хозяйств снизился до 21. Советская историография утверждала, что после исправления "перегибов" коллективизация вошла в нормальное русло. Однако дальнейшие события показывают, что это далеко не так. С осени 1930 г. все пошло по-прежнему. К 1 июля 1931 г. доля коллективизированных хозяйств снова поднялась до 58%. О масштабах пассивного сопротивления крестьян коллективизации говорит тот факт, что именно в 1931 г. более 4 млн. людей покинули деревню и переехали в города.

Появился ряд новых факторов, заставлявших крестьян, остававшихся в деревне, примириться с колхозами. По уставу сельскохозяйственной артели ее собственность представляла собой неделимые фонды, не подлежащие раздаче. Вернуть обратно "свое" было очень трудно. Горемыки, вышедшие из колхозов, потерявшие скот, инвентарь, вынуждены были или идти обратно, или уходить из деревни. К тому же на индивидуальные крестьянские хозяйства постоянно усиливался налоговый пресс. В колхозах же было разрешено вести личное приусадебное хозяйство, иметь корову, мелкий скот и птицу. Так что в последующие годы проценты коллективизации стали быстро расти. А чтобы число отъезжающих, не желавших работать в коллектив-

ных хозяйствах, не обезлюдило деревню, в декабре 1932 г. была введена система выдачи паспортов, которые можно было получить только у председателя колхоза.

Тем не менее несмотря на этот барьер отток жителей из деревни продолжался. Для этого использовались разные способы, формировавшие своеобразные "каналы" социальных перемещений в советском обществе. Одним из них стал оргнабор: вербовка рабочей силы в колхозах на стройки, на сезонные работы, на лесозаготовки и т.п. специальными уполномоченными, которым колхозное начальство не имело права чинить препятствия. Другим "каналом" стало продолжение учебы в средних школах, в школах ФЗО, в вузах и техникумах. Это создавало устойчивую установку на продолжение образования как средства избежать колхозной участи. Следующим "каналом", который стал особенно широким в последующие годы, стала служба в рядах Красной Армии, после которой мало кто возвращался в колхоз. Существовали и промежуточные формы, в частности, - через работу в МТС, откуда механизаторы могли перейти на завод. Таким образом, через эти "каналы" из деревни происходил отлив наиболее активной, дееспособной и молодой части населения.

Вследствие притока новых кадров быстро менялся социальный облик рабочего класса. Заводские цеха заполнялись выходцами из деревни, не знавшими производства, не имевшими рабочих навыков. Вырванные из привычной обстановки, неустроенные, они походили на "перекати-поле". Чтобы получше устроиться, они без конца странствовали по стране, порождая огромную текучесть кадров на предприятиях. Самыми привлекательными пунктами назначения были Москва и Ленинград, куда устремлялись многие деревенские жители. Это привело к неуправляемому росту этих городов, обострению в них жилищных, транспортных и других проблем. Не случайно именно в Москве и Ленинграде были в первую очередь введены ограничения на приток новых жителей. Несмотря на это, люди все же находили способы "устраиваться" и закрепляться в них.

Адаптация новых рабочих к современному производству была исключительно болезненным процессом. Случаи пьянства, отлынивания от дела, порчи станков и оборудования, производственного травматизма, и без того типичные для рабочей среды, с приходом новых кадров стали более частыми. Эти явления обычно объяснялись в те годы происками кулацких элементов, сознательно препятствующих строительству социализма со всеми вытекающими отсюда мероприятиями.

Катастрофические последствия первых лет "социалистического наступления", хаос и беспорядок в стране требовали от

сталинского руководства предпринять какие-то шаги. Первые симптомы изменения политики можно проследить в выступлении Сталина перед хозяйственными руководителями 23 июня 1931 г. Сказывалось влияние наиболее прагматично настроенной части партийно-хозяйственной номенклатуры. Сталин говорил теперь о необходимости организованного набора рабочей силы в колхозах, ликвидации текучести, уравниловки, улучшении бытовых условий, правильной расстановки кадров, внедрении хозрасчета. Наряду с призывом создавать новую рабочую интеллигенцию, Сталин осудил травлю специалистов старой школы. Руководство осознало, что гонения на них в условиях нехватки квалифицированных кадров только усугубляют трудности на производстве. Специалистов сначала под присмотром органов ОГПУ стали возвращать на прежние места, потом было объявлено о "прощении" ряда лиц, связанных с "вредителями" ввиду их готовности работать на благо социализма. Были отменены некоторые ограничения, установленные ранее по социальному признаку, введены дифференцированные ставки оплаты труда, осуждалась уравниловка. Зарплата ставилась в зависимость от непрерывного производственного стажа. Был приторможен процесс выдвигенчества, поскольку многие специалисты-практики не оправдали возложенных на них ожиданий и своими действиями только подрывали авторитет руководства. Предпринимались шаги для укрепления дисциплины на производстве. В сентябре 1932 г. были введены трудовые книжки, в которых отражались все трудовые перемещения, которые становились объектом внимательного изучения со стороны отделов кадров. На предприятиях вводилась сдельщина, т.е. оплата труда, размеры которой зависели от количества произведенной продукции. Неявка на работу по закону от 15 ноября 1932 г. была чревата увольнением с производства, лишением продовольственных карточек и выселением с занимаемой жилплощади. С конца года началось введение системы паспортов и прописки (декабрь 1932 г.), одной из задач которой была борьба с текучестью кадров. Таким образом, большинство предпринимаемых мер лежало в русле усиления административного режима и карательных мер, мало способствующих реальному преодолению трудностей, число которых продолжало расти.

Проведение насильственной коллективизации сильно отразилось на результатах сельскохозяйственного производства. По

официальным данным в 1930 г. (год, исключительно благоприятный по погодным условиям) было собрано 84 млн. т зерна, в 1931 г. - 70 млн. т., в 1932 г. - 67 млн. т., в 1933 г. - 68 млн. т. Цифры вроде бы и немалые, хотя и на порядок ниже, чем в годы нэпа, однако им есть основания не доверять из-за возросших масштабов потерь сельскохозяйственной продукции в колхозах и организационной неразберихи в период сбора урожая. На этом фоне важно сопоставить их с данными государственных хлебозаготовок, которые возросли за тот же период с 23 до 27 млн. т. Они означают, что для внутреннего потребления селян продуктов оставалось все меньше и меньше. Хлеб зачастую, минуя колхозные амбары, шел на государственные хлебозаготовительные пункты.

Больше всего от коллективизации пострадало животноводство как следствие массового забоя скота при вступлении крестьян в колхозы. Число голов крупного рогатого скота сократилось с 60 млн. в 1928 г. до 33 млн. в 1932 г., лошадей - с 32 до 15 млн., свиней - с 22 до 9 млн., овец - с 97 до 33 млн. и т.д. Если бы не запретительные меры со стороны государства на забой скота, его убыль, наверное, была бы еще выше.

В итоге коллективизации усилились пауперизация и обнищание деревни. Чтобы прокормиться, сельские жители были вынуждены рыскать повсюду. Появились так называемые "парикмахеры", т.е. лица, выстригавшие колоски на колхозных полях, участились случаи воровства и хищений колхозного имущества. Появление техники на колхозных полях, пока еще довольно немногочисленной, тоже породило немало проблем. Из-за низкого качества она частенько выходила из строя, слабой была ремонтная база МТС, да и квалификация кадров оставляла желать лучшего. Частые поломки нередко рассматривались как акты вредительства и саботажа. В связи с этими явлениями в августе 1932 г. был принят закон об охране социалистической собственности, предполагавший поистине драконовские наказания за хищения и порчу государственного имущества вплоть до 10 лет заключения и даже расстрела.

1932 год не был неурожайным, наблюдалось лишь некоторое снижение сбора зерновых вследствие неблагоприятных погодных условий. В ряде районов выполнить намеченный план хлебозаготовок не удалось. Это вызвало неистовый гнев руководства и прежде всего Сталина ввиду явно обозначившихся трудностей в снабжении городов и наращивании внешней торговли. Для про-

ведения хлебозаготовок были созданы чрезвычайные комиссии, которые выгребли, что называется, "под метелку" зерно в колхозных амбарах, включая семенные фонды, в таких хлебных районах, как Украина, Сев. Кавказ, Поволжье. Впервые в истории страны в отсутствие неурожая разразился голод. До недавнего времени его обстоятельства тщательно скрывались и циркулировали на уровне слухов. Сегодня же его описание можно прочесть во многих источниках и в литературе. Число погибших от голода оценивается по-разному: от 3 до 10 млн. человек. Ближе к истине, учитывая страсть к преувеличениям и разоблачительный пафос авторов, находится первая цифра, которая, кстати, подтверждается демографическими расчетами. Однако и в этом случае масштабы голода выглядят катастрофическими. Трагедия состояла в том, что официально голод в стране не признавался. Толпы людей, заполнявших вокзалы, словно призраки, скитавшиеся в поисках пропитания и подаяния, считались париями общества, кулаками, которые, как сообщалось в печати, "в целях борьбы с Советской властью нарочно голодали и умирали назло ей". Все же в порядке успокоения общественного мнения было расстреляно 10 руководителей Наркомзема якобы за организацию голода в стране.

Зима 1932/33 г. была одна из самых тяжелых в истории 1930-х годов. Как раз наступило время подведения итогов первой пятилетки. По большинству показателей она была провалена, в том числе и по отраслям тяжелой индустрии. Ее контрольные цифры были достигнуты только к концу 1930-х годов. Несмотря на огромные капиталовложения в промышленность, отдача от них оказалась значительно меньшей, чем ожидалось. Производительность труда рабочих в 1932 г. была ниже на 8%, чем в 1928 г. Объем сельскохозяйственного производства составлял только 73% от 1928 г., а животноводческой продукции - 47%. В сельском хозяйстве наблюдался упадок производительных сил. Производство тракторов и комбайнов не компенсировало убыли рабочего скота и оказалось очередной иллюзией "социалистического преобразования деревни".

Между тем реальное положение дел в народном хозяйстве тщательно скрывалось. Пресса на все лады трубила лишь о замечательных успехах, якобы достигнутых в результате пятилетки. Чтобы воспрепятствовать распространению правды о действительных ее итогах, руководство разослало всем ведомствам и учреждениям на местах телеграмму о том, чтобы не публиковать в печати никаких цифр, помимо официальных Госплана СССР.

С этого времени становится очень трудно судить о реально протекавших в обществе процессах. Редко публикуемые официальные итоги были сфальсифицированы и рапортовали только о "выдающихся достижениях СССР на фронте социалистического строительства".

Тем не менее полностью заглушить голос правды не удалось. Многочисленные источники того времени, которые хранятся в архивах, свидетельствуют о нарастании общественного недовольства, выражаемого в тысячах писем, жалоб, обращений в различные органы. Условия жизни в деревне и в городе по сравнению с нэпом резко ухудшились. Большая часть писем с мест в различные инстанции говорит об обострении продовольственных затруднений, лишениях, нарастании дефицитов, об отвратительном питании в рабочих столовых, о безобразиях, творившихся в очередях. Нормы карточного снабжения, установленные для различных категорий населения, не удовлетворялись. Для "отоваривания" карточек не хватало продуктов. На этой почве нередко были случаи злоупотреблений и коррупции. Поступали сообщения о разгроме магазинов, кооперативных лавок, "бабьих бунтах". Характерной чертой этого времени стало возникновение своеобразной ностальгии по нэпу. Вот, например, типичная частушка:

*Вставай, Ленин, вставай, дедка,
Замучила нас пятилетка!
Ленин встал, взмахнул руками:
"Что ж поделать с дураками!"*

Можно отметить некоторое усиление оппозиционных настроений внутри ВКП(б). Об этом свидетельствуют письма коммунистов в руководящие органы партии. О том же говорит, например, дело М.Рютина и его сторонников из числа так называемых "марксистов-ленинцев". Рютин от лица недовольных распространил документ, в котором вина за многие негативные явления в стране возлагалась непосредственно на Сталина и ставился вопрос о необходимости его смещения с поста Генсека. Примерно те же мотивы звучали во взглядах арестованной органами ОГПУ группы руководящих работников советского аппарата (группа Смирнова-Толмачева-Эйсмонда).

Вместе с тем численность партии за годы первой пятилетки вследствие массовых кампаний по приему увеличилась более чем вдвое и достигла в 1932 г. цифры 3.7 млн. членов. ВКП(б) все более утрачивала черты политической партии, превращаясь в аморфную организацию, встроенную в государственный организм. Фактически всеми делами в партии заправляли примерно 30 тыс. работников партийного аппарата различных уровней: от ЦК до освобожденных партийных секретарей на местах.

На рост недовольства и оппозиционных настроений в партии и обществе сталинское руководство отвечало усилением репрессий и чисток, которые становились практически перманентным явлением в жизни советского общества. Вслед за Генеральной чисткой партии 1929 г. последовали чистки различных советских учреждений, продолжавшиеся вплоть до 1932 г., в которых на первый план постепенно выходят новые социальные и политические мотивы. Если раньше активную роль при проведении чисток играли партийные собрания или присланные с производства рабочие бригады, то в дальнейшем усиливается роль аппаратных методов чисток и органов ОГПУ (заполнение всевозможных анкет, сбор "компромата", проверка фактов и т.п.).

С началом "социалистического наступления" существенные изменения претерпевают бытовая и духовные стороны в жизни общества в соответствии с складывающейся новой расстановкой социальных и политических сил. В этот период им свойственны крайние формы радикализма и экстремизма, поиски и эксперименты в духе провозглашаемых новых социалистических ценностей. Отвергались прежние формы быта под флагом критики обывательщины, мещанского образа жизни и существования, агрессивно насаждались коллективистские начала, велась атака на такие традиционные общественные понятия, как любовь, семья, брак, воспитание детей, времяпрепровождение, досуг и т.д. Однако в борьбе этих весьма противоречивых тенденций, в столкновении нового и старого, начинают вырисовываться черты советского образа жизни и новой социалистической культуры, продиктованные идеологическими установками правящей элиты.

Идеология "социалистического наступления" характеризовалась дальнейшим свертыванием многообразия процессов духовной жизни, присущих 1920-м годам, и утверждением монополизма, вождизма и культизма. Рассчитанная на восприятие

"широких масс трудящихся" идеология схематизируется и примитивизируется. Под нее приспособляются и догматизируются отдельные положения марксизма, а роль главного и единственного их интерпретатора закрепляется за Сталиным. В этой связи следует обратить внимание на то, как Сталин преподносил свои мысли и идеи. Рубленные, близкие к афоризмам, прямолинейные и не допускающие двусмысленности, блуждания в "потемках" противоречий фразы были присущи текстам его речей и сочинений. Они легко усваивались и воспринимались в качестве руководящих установок и ориентиров в общественной жизни. Сталинские положения отличались удивительным догматизмом, абсолютной нетерпимостью ко всяким "отклонениям" и "теоретическим рассуждениям". Они облакались в официально принятые партийные и государственные решения, которые были обязаны выполнять не только члены партии, но и беспартийные под страхом оказаться в числе противников советской власти и "врагов народа".

Примитивность и догматизм идеологии сочетались с претензией на универсализм. "Социалистическое наступление" отмечено атакой буквально на все области научного творчества. Сталин, подчеркивая свою верность марксизму, избрал тактику обвинения в отходе от него своих политических противников, наклеивая на них ярлыки "троцкистов", "зиновьевцев", "бухаринцев" и т.д., которые становились поводом для политических преследований. Образующийся после дискредитации других соратников Ленина вакуум заполнялся личностью Сталина. С именами "двух вождей" олицетворялись история большевизма, Октябрьская революция, победа в гражданской войне. С именем Сталина связывалось воплощение "заветов Ленина" и построение социализма.

Для утверждения этих представлений в начале 1930-х годов проводилась инициированные самим Сталиным кампании критики и переосмысления состояния философии, политэкономии, истории. Результатом их стали осуждение "рубинщины", "деборинщины", (т.е. якобы враждебных направлений в экономической и философской науке, названных по имени ученых, их возглавлявших), исторической школы М.Н.Покровского. Разворачивалась "неустанная работа по искоренению враждебных взглядов и теорий" и утверждению одного авторитета во всех областях - товарища Сталина.

Литература, искусство, кино в период "социалистического наступления" переживают процесс организационной и идейной унификации. Единственно верными и разрешенными были объявлены только те направления, которые "вписывались" в новую идеологию и концепцию социалистического строительства. На этой основе в апреле 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций. В нем отмечалось, что рамки прежних объединений создавали "опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности..." В соответствии с постановлением создавались союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов, объединявшие творческих работников. Каждый из этих союзов представлял собой бюрократически иерархизированную организацию, поставленную под строгий контроль партийных органов. Творческие союзы возглавлялись секретариатами, состоявшими из специально подобранных людей, лояльных по отношению к власти и поставленных в привилегированное положение. Творческие работники, не входившие или исключенные из союзов, превращались в "изгоев" общества.

Единственно приемлемым творческим методом был провозглашен так называемый "социалистический реализм". В его основе лежало стремление превратить деятелей литературы и искусства в апологетов строящегося социалистического общества. Критериями оценки произведений становились неперемное наличие жизнеутверждающего оптимизма, трудового пафоса, веры в "завтрашний день". Теоретически принцип социалистического реализма допускал разнообразие приемов художественного творчества, однако большинство произведений, созданных в традициях этого жанра, признанных в тот период эталонными, проникнуты духом вульгарной политизации, классовой вражды и ненависти. Отношение к ним не может быть однозначным. Многие из них были созданы действительно талантливыми людьми и оказывали огромное воздействие на общество, формируя в нем новые идеалы, интересы, потребности, стандарты и стереотипы поведения людей. Сколь бы далеко ни отстояли эти произведения от исторической правды, они все равно остаются своеобразными памятниками эпохи.

Дополнительным штрихом к утверждению основ новой идеологии и культуры стало ужесточение деятельности цензурных органов: Главлита, Главискусства и Главреперткома. Основное их назначение - идеологический контроль за деятельностью издательств, редакций газет и журналов, творческих организаций, над проведением выставок, конкурсов, выпуском кинофильмов, репертуаром театров и т.п. В этот период легли на полки спецхранов огромное число научных трудов, художественных и публицистических произведений, не укладывающихся в новую систему ценностей.

3. "СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ" 1933-1937 гг.

Вторая пятилетка (1933-1937 гг.) была отмечена борьбой нескольких тенденций. С одной стороны, - продолжение политики штурма, "большого скачка", рассчитанного на построение в кратчайший срок социалистического общества. С этой точки зрения - указанные годы - органическая составная часть "социалистического наступления". С другой стороны, - постоянное возрастание прагматических начал в политике сталинского руководства в области экономики. Осознание провалов и неудач экспериментов предшествующих лет знаменовало переход к более реалистическим подходам. Они выразились в принятии более взвешенных и умеренных показателей развития народного хозяйства, смещением акцента на повышение производительности труда, усилении внимания к социальным нуждам населения. Этот факт повлиял на психологию руководителей, продиктовал необходимость будничной напряженной работы, показал, что экономика и социальная жизнь не меняются, словно по мановению волшебной палочки. В то же время методы выполнения плановых заданий во-многом оставались прежними: директивы, указания, развитие соревнования, расчет на общественный энтузиазм, вера в собственные силы и грядущий светлый день. Планы плохо принимали в расчет реальные возможности и метеорологические условия. Страна по-прежнему находилась "на марше", в постоянном напряжении. Долго пребывать в таком состоянии нельзя, если не прибегнуть к более "действенным", по мнению руководства, стимулам, чем общественный энтузиазм. Годы второй пятилетки характеризовались поэтому усилением административного, полицейского и идеологического давления по всем направлениям политики, железными обручами повязавших общество, и все более частым включением в действие

карательных механизмов. Новая чистка партии, объявленная на январском 1933 г. пленуме ЦК, определяла, что исключению из партии подлежали классово чуждые и враждебные элементы, двурушники, с виду верные генеральной линии партии, а на самом деле срывающие ее политику, нытики и маловеры, подвергающие сомнению установленные партией планы и ее решения болтовней об их нереальности и неосуществимости, перерожденцы, шкурники, морально разложившиеся, политически малограмотные элементы.

Важной вехой в истории 1930-х годов стал XVII съезд ВКП(б), происходивший в январе 1934 г., названный "съездом победителей". Встает вопрос, кто были эти победители и какую победу они на нем отмечали? Анализ состава съезда говорит о том, что на него собрались прежде всего представители партийно-хозяйственной номенклатуры различных уровней, пришедшей к власти в предшествующие годы и выдвинутые при непосредственном участии Сталина. Присутствовавшие на съезде бывшие оппозиционеры, представлявшие "старую партийную гвардию", больше каялись в своих заблуждениях и славословию вождю, тем самым признавая свое окончательное поражение.

В литературе широко обсуждается вопрос о проявлении недовольства среди части делегатов съезда сталинской линией, о попытках организовать его смещение с поста руководителя партии, инициированных "старыми большевиками", и замену его С.М.Кировым, одним из самых ярких и энергичных выдвиженцев периода революции и гражданской войны, возглавлявшим в то время Ленинградскую партийную организацию. Но, даже признавая наличие такой оппозиции, необходимо признать, что расклад сил на съезде был далеко не в ее пользу. Сколько бы голосов поданных против Сталина на тайных выборах в руководящие органы партии ни приводилось, их число оказывается небольшим по сравнению со всей массой делегатов. Более того, надо обратить внимание на реакцию того же Кирова на подобную инициативу, который счел своим долгом немедленно проинформировать о ней Сталина.

Для Сталина видимое противоречие между внешним проявлением лояльности и тайными действиями, направленными против него, послужило лишним свидетельством существования заговора лично против него, а значит против той политики, которую он олицетворял. Это усилило подозрительность вождя по отношению к своему окружению, которое отныне было обречено на постоянную демонстрацию преданности, приобретающую иногда нелепые формы. Это оказало влияние и на судьбу делегатов съезда, большей частью впоследствии репрессированных.

На XVII съезде активно обсуждались контрольные цифры второго пятилетнего плана. В итоге многочисленных дискуссий линия Сталина, предлагавшая максимальное ускорение темпов ежегодного прироста производства до 19% в год, не была подержана. Непосредственные руководители производства стремились несколько ослабить напряжение, сложившееся в предшествующий период, и добились некоторого снижения плановых наметок, хотя никто из выступавших на съезде не подвергал сомнению правильность продолжения политики "социалистического наступления".

Для Сталина, как свидетельствует его выступление на съезде, главным препятствием в выполнении намеченных планов был разрыв между "словом и делом", между партийными директивами и тем, как они выполняются. Это на 90% проистекало, по его мнению, из-за организационных слабостей, плохой расстановки кадров, отсутствия самокритики, бюрократизма и преступной халатности местных органов. Главный вывод, следовавший из этого, - необходимость организации жесткой системы контроля за выполнением принятых решений.

Как форум "победителей", XVII съезд был отмечен еще одним важным решением - перестройкой партийных комитетов всех уровней по отраслевому принципу. Это означало дальнейшее укрепление лично-аппаратного начала и усиление роли партийно-хозяйственной номенклатуры. Фактически в лице центрального партийного аппарата, непосредственно подчиненного Сталину, создавалась реальная управленческая структура, соединявшая в себе все нити руководства страной, с соответствующим постепенным падением роли и престижа всех остальных органов и организаций, призванных теперь выполнять исполнительские функции партийного руководства.

В русле проводимых мер находилась ликвидация ЦКК-РКИ в целях усиления партийного контроля и партийной дисциплины. Была образована Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) со своим аппаратом в центре и постоянными представителями в республиках, краях и областях, назначаемых и отзываемых центром. Роль руководителя КПК, предназначалась одному из секретарей ЦК ВКП(б). В 1935 г. на этот пост был назначен один из самых преданных сталинских выдвиженцев Н.И. Ежов.

1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит Киров. Убийца - молодой коммунист Л. Николаев сумел пробраться в Смольный и осуществить свой террористический акт. До сих пор это убийство широко обсуждается в литературе. Высказываются версии о прямой или косвенной причастности к нему самого Сталина, хотя доказательств на этот счет нет. Тем не менее общеприня-

тым является лишь то, что убийство Кирова послужило началом в развязывании массовых репрессий. В подтверждение приводится факт, что уже вечером в день убийства было подготовлено постановление о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, согласно которым разрабатывался ускоренный порядок проведения следствия по делам о терроре. Их можно было рассматривать в отсутствие обвиняемых и выносить смертный приговор, не подлежащий обжалованию и пересмотру. В течение короткого времени по делу об убийстве Кирова последовало несколько официальных версий: в одном случае оно приписывалось "проникшим в страну белогвардейцам", в другом - "Ленин-градскому террористическому троцкистско-зиновьевскому центру", в третьем - аналогичному Московскому центру. Каменев и Зиновьев были обвинены в "идеологическом пособничестве" убийству и арестованы.

Однако свидетельства "нагнетания обстановки" в стране были как до, так и после убийства Кирова. Вся вторая пятилетка была отмечена реорганизацией и разрастанием функций карательных и репрессивных органов. В июле 1934 г. было принято постановление об образовании общесоюзного Наркомата внутренних дел с включением в его состав аппарата ОГПУ. Таким образом, была создана единая система административно-полицейского управления, своим острием подчеркнуто направленная на внутренние дела страны. В обстановке "всеобщего заговора", усиленно внедряемого в сознание людей, мероприятия такого рода приобретали зловещий смысл.

Уже в 1933 г. в стране было арестовано 505 тыс. человек, более половины из них - 283 тыс. - за контрреволюционные преступления, однако число осужденных от общего числа арестованных составило лишь 48%. Убийство Кирова стало лишь удобным моментом для принятия вышеуказанного постановления, которое, очевидно, разрабатывалось ранее и было вызвано стремлением "разгрузить" тюрьмы за счет расширения сферы принудительного труда. Если в 1933 г. население ГУЛАГа увеличилось на 176 тыс., то в 1934 г. - на 455 тыс., в 1935 г. - еще на 330 тыс. Однако события этого времени можно рассматривать лишь как прелюдию к развязыванию последующих массовых репрессий, имевшую характер очередной кампании, которая в 1936 г. пошла на убыль. В этом году число заключенных в лагерях и колониях уменьшилось приблизительно на 100 тыс. человек. Видимо, более правы те исследователи, которые утверждали, что каждая из подобных кампаний в репрессивной политике имела свои всплески и периоды затухания.

Несмотря на умеренные цифры второго пятилетнего плана, утвержденные XVII съездом, и более рациональное планирова-

ние выполнение плановых заданий осуществлялось с большим трудом, напряжением и задержками (простоями), создавая у сталинского руководства впечатление о противодействии генеральной линии, направленном на ее срыв. Вместо анализа действительных причин существующих трудностей власть пошла по пути сотворения мифа о "всеобщем заговоре", мифа, который легко воспринимался неискушенной общественностью и объяснял существующие неурядицы.

Новая пятилетка пришлось на период, когда в строй действующих должны были войти большинство запланированных ранее объектов. И, действительно, если первым пятилетним планом был предусмотрен ввод в действие 1500 предприятий, то вторым - 4500. Упор на тяжелую индустрию сохранился, хотя пришлось несколько снизить объемы новых капиталовложений в промышленность (до 25-30% в год). На этом фоне стало более заметным отставание отраслей, производящих предметы потребления (группа "Б"). Тем не менее новые предприятия давали уже в 1935 г. 73% валовой продукции промышленности. Этот факт знаменовал завершение первой стадии промышленного рывка и переход на новый, более высокий уровень технологии. Советская техника того времени в основном представляла собой копии с западных образцов, но освоенных и разработанных преимущественно советскими конструкторами, инженерами и техниками. В дальнейшем это легло в основу разработки собственных технологий, доля которых увеличивалась по мере превращения СССР в закрытое общество. Нельзя, конечно, сбрасывать со счета и помощь иностранных специалистов, факты промышленного шпионажа, но безусловный приоритет должен быть отдан отечественной науке и технике. Немалую роль в этом процессе сыграло создание уже в годы первой пятилетки системы НИИ и учебных заведений, тесно привязанных к производству: заводов втузов, техникумов, технических и политехнических институтов.

За годы первой и второй пятилетки в СССР возник целый ряд новых отраслей: тяжелое машиностроение, производство новых станков и оборудования, автомобильная, тракторная промышленность, танкостроение, авиационное и многие другие. Такие отрасли, как энергетика, черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность были практически полностью реконструированы.

Внедрение новой технологии с точки зрения того времени означало переход к массовому поточному конвейерному производству, требующему определенных квалификационных навыков, уровня образования и дисциплины труда. Отсюда вполне понятным становится комплекс мер, выдвинувшихся на повестку дня

в эти годы, которые раньше были своего рода камнем преткновения на пути индустриализации. Необходимо учитывать, что характер нового производства, требующий постоянного, в общем-то изматывающего силы напряженного труда, не был особенно привлекательным для молодых поколений. Складывающаяся планово-распределительная система сообразно своей логике вынуждена была приспособливаться к новым условиям и делать шаги, которые представляли собой любопытное сочетание методов принуждения, морального и экономического стимулирования.

Ввод в действие новых объектов сразу же обнажил центральную проблему - необходимость освоения новой техники. Прибывающая на заводы рабочая сила из деревни не отвечала этой задаче. В 1934 г. примерно треть установленного оборудования бездействовала, 60% было задействовано не на полную мощность. Даже официальные советские источники свидетельствуют о громадных трудностях, которые возникали при пуске новых заводов. Отсюда выдвижение главного лозунга второй пятилетки: "Кадры, овладевшие техникой, решают все!", созвучный сталинскому лозунгу: "Кадры - решают все!", однако иначе представлявший акценты в проводимой политике.

Наряду с увеличением выпуска дипломированных специалистов через вузы и техникумы была перестроена вся система массового общего и профессионально-технического образования.

На базе начальной школы, обязательность обучения в которой была установлена государством, была создана широкая сеть школ ФЗО и ремесленных училищ со сроком обучения от 0.5 до 2 лет для подготовки рабочих массовых профессий. Значительно расширилась сеть школ, дающих неполное среднее (школы-семилетки) и среднее общее образование (десятилетки).

Исподволь происходило изменение методов управления народным хозяйством, их приспособление к планово-распределительной системе. Повсеместно осуществлялось внедрение так называемого "социалистического хозрасчета", который представлял собой замену карточно-нарядной системы снабжения финансовыми платежами и обязательствами. Теперь все накопления предприятий изымались в госбюджет. Были установлены два вида отчислений: отчисления с прибыли и налог с оборота. Это позволяло государству централизованно выделять средства для нового строительства, для поддержки "на плаву" не только отдельных предприятий, но и целых отраслей экономики. При этом главную роль играли устанавливаемые сверху обязательные цены на товары и услуги ("социалистические цены"), чаще всего далекие от их реальной стоимости. Деньги, хотя и получили право на жизнь, служили лишь своеобразным мерилем об-

ращения, финансовой отчетности, оплаты труда. Вводилась жесткая финансовая дисциплина, которая сковывала малейшие проявления инициативы и предприимчивости. Все звенья производства, все его непосредственные участники и все ресурсы становились объектами прямого государственного регламентирования.

Вместе с тем государство вынуждено было пойти на сохранение в экономике элементов рыночной торговли. Было признано существование "колхозного рынка", оставалась коммерческая торговля, продолжала иметь место спекуляция. Важным источником валютных поступлений была сеть магазинов Торгсина, которой могли пользоваться и советские граждане, сдававшие имевшиеся у них золото, валюту, драгоценности.

На всем протяжении второй пятилетки происходило свертывание внешней торговли СССР. В среднем, по сравнению с первой, ее объем сократился более чем в 2 раза. Так, экспорт нефти уменьшился в 1937 г. почти в 3 раза по сравнению с 1932 г., зерна (по сравнению с 1931 г.) - в 4 раза. Импорт машин и оборудования сократился в 1937 г. по сравнению с 1931 г. (год, когда этот импорт достиг наивысшей отметки) в 7 раз. Причины этого были достаточно многообразными. К этому времени вакуум, сложившийся в результате ухода России после революции с мирового рынка, стал заполняться другими контрагентами, складывались новые международные связи и система международного разделения труда без участия СССР. С приходом к власти Гитлера свертываются отношения с Германией, которая была главным экономическим партнером СССР в предшествующие годы. Однако главную роль в экономической изоляции страны играла политика "опоры на собственные силы", которая теперь, в итоге индустриализации, получала дополнительную подпитку. Народное хозяйство страны все более приобретало автаркический характер, становилось способным к самовоспроизводству и саморасширению.

Существенные изменения произошли на селе. Можно сказать, что советская деревня смирилась с колхозным строем. Немалую роль в этом сыграли средства политического давления, задачи которых были возложены на политотделы МТС и совхозов, учрежденные в 1933 г. Правда, политотделы просуществовали недолго и в 1934 г. были ликвидированы, так как нарушали единство системы партийно-политического руководства сельским хозяйством. Тем не менее они успели оставить о себе в деревне недобрую память, выявляя кулаков и подкулачников, третируя председателей колхозов, подвергая их разносам и арестам.

К 1937 г. фактически сошло на нет индивидуальное крестьянское хозяйство: 93% дворов было коллективизировано. Еди-

ноличники остались преимущественно на окраинах страны среди скотоводов, оленеводов, пастухов, охотников, рыболовов. Последним актом наступления на единоличников стало уничтожение хуторов, которое пришлось на конец 1930-х годов. Основными ячейками сельской жизни стали колхозы, которых по всей стране насчитывалось 237 тыс. Колхозы находились в тесных тисках государства, которое практически ежегодно увеличивало им обязательные планы поставок сельскохозяйственных продуктов, расширения посевов технических культур, проведения агротехнических мероприятий и т.п. Обязательные поставки были обременительными для колхозов. Твердые цены, по которым государство расплачивалось с ними, были мизерными и в 10-12 раз ниже рыночных. Формально колхозы, чтобы облегчить свое положение, могли создавать у себя подсобные предприятия, однако руководство всячески препятствовало этому процессу как мешающему основному назначению колхозов - производить прежде всего продукты полеводства и животноводства.

Вместе с тем в результате индустриализации на село стало поступать больше техники, что сгладило негативные последствия убыли рабочего скота в предшествующий период, увеличилось число специалистов, выпускаемых для деревни учебными заведениями страны. Основная масса тракторов, комбайнов, автомашин и другой техники поступала в распоряжение МТС, которые за свои услуги взимали с колхозов дополнительную плату.

После расчетов с государством и МТС, создания семенных фондов, которыми колхоз не имел права распоряжаться, оставшаяся в распоряжении колхозов часть продукции могла использоваться для оплаты труда колхозников в форме трудодней, т.е. натуральных выплат. Реальное содержание трудодней было весьма различным и зависело от многих факторов: от размера урожая, от политики колхозного руководства, от дополнительных поставок и т.д. В большинстве случаев оно оставалось весьма незначительным и не покрывало необходимого прожиточного минимума.

Вместе с тем государство подтвердило право колхозников на ведение личного приусадебного хозяйства и даже пошло на увеличение его размеров. С этого времени оно становится главным источником существования деревенских жителей и главным источником рыночной колхозной торговли. Сюда же могла быть направлена продукция, полученная на трудодни, и та, которая оставалась в колхозе после всех выплат.

Аграрный сектор продолжал оставаться самым большим местом советской экономики. Земледелие не желало подчиняться

плановым расчетам сталинского руководства и оставалось практически в полной зависимости от капризных погодных условий. Осень 1935 г. была сухой и холодной, зимой почти не было снега. Озимые посевы погибли на многих миллионах гектаров. Запоздалая весна следующего года сопровождалась заморозками, к тому же летом 1936 г. на большой территории страны стояла многодневная засуха. Собранный урожай зерновых (56 млн.т) был даже на порядок меньше, чем в "голодном" 1932 г. (67 млн.т). Пострадала и заготовка кормов, нанесящая урон скоту, поголовье которого только что стало восстанавливаться после губельных лет "колхозного разворачивания". Однако голода в стране не было. Официальная пропаганда объясняла это "замечательным трудом тружеников колхозных полей", бросившим вызов природе. Однако здесь можно скорее усмотреть некоторое преимущество созданной плановой экономики, позволявшей создавать резервы зерна, более целенаправленно и равномерно их распределять. Тем не менее обнаружился недостаток хлеба, введена норма (не более 1 кг в одни руки), впрочем, как и на все продукты первой необходимости. В магазинах выстраивались огромные очереди, ставшие теперь почти непререваемым спутником советского образа жизни. Небывалый урожай 1937 г. (98 млн.т) сгладил неблагоприятные последствия предыдущего года.

После ряда лет хаоса и жизнь страны внешне, казалось бы, начинала обретать признаки стабильности. Наметилось даже некоторое улучшение положения в стране. С 1 января 1935 г. отменялись продовольственные карточки. Деньги и возможность больше зарабатывать становились весомым стимулом для повышения производительности труда и улучшения жизни. Однако государство не могло позволить развиться этим тенденциям в полную силу. Напряженность в стране и трудности сохранялись, создавая постоянную угрозу для выполнения заданий новой пятилетки.

Крайне противоречивым явлением того времени стало стахановское движение. В августе 1935 г. шахтер Алексей Стаханов вырубил 102 т угля, во много раз превысив дневную норму. По примеру Стаханова устанавливались рекорды и в других отраслях народного хозяйства. В отличие от ударничества первой пятилетки, когда упор делался на коллективные формы труда: ударные бригады, цеха, участки, заводы и стройки, соревнование теперь идентифицировалось с именами индивидуальных героев трудового фронта. Газеты пестрели сообщениями о новых достижениях А.Стаханова, Н.Изотова, Н.Сметанина, А. Бусыгина, Е. и М. Виноградовых и др. В какой-то мере это движение

было отражением новой потребности получать вознаграждение за труд в соответствии с количеством вложенного труда.

Руководство решило использовать движение, чтобы возбудить новую волну трудового энтузиазма, направленного на решение задач пятилетки. В отличие от ударничества, делавшего упор на силовые, экстенсивные формы соревнования, стахановское движение было провозглашено как движение новаторов производства, достигающих успехов за счет улучшения организации труда, более совершенного владения техникой. Вместе с тем в стахановское движение была принесена и политическая подоплека. На первом Всесоюзном слете стахановцев в ноябре 1935 г. Сталин подчеркнул революционный характер движения, противостоящего консерватизму инженеров, техников и руководителей предприятий. Тем самым движение с самого начала пришло в противоречие с логикой развития плано-распределительной системы, входившей в стадию гомеостаза. Рекордомания вела к нарушению производственного процесса, перерасходу сырья и материалов, износу оборудования. Установка на рекорды для остальных рабочих означала повышение интенсивности труда и снижение расценок за произведенную продукцию, увеличение норм выработки. Как говорили на заводах, "через соревнование они (т.е. начальники) хотят узнать нашу производительность, чтобы расценки снижать". В то время как стахановцы разъезжали по всей стране, делясь опытом на различного рода совещаниях, конференциях, слетах, реализация их достижений ложилась на плечи остающихся на производстве рабочих.

1936 год, объявленный стахановским, был отмечен нарастанием производственных трудностей. Однако политическое руководство видело их причины не в самом движении, а противодействии ему со стороны управленческих кадров. На них обрушился огонь критики, обвинения в саботаже и бюрократизме. Это сыграло свою роль в развязывании массовых репрессий, преследованиях и увольнении специалистов, которые только усиливали экономическую дезорганизацию. Всплеск штурмовых настроений не оправдывал себя.

В этой связи следует обратить внимание на развитие сектора принудительного труда: заключенных и спецпереселенцев (с 1934 г. - трудпоселенцев). В годы второй пятилетки этот сектор получает свое организационное оформление и становится фактором развития экономики, приобретая огромные масштабы. Значительную часть этого сектора уже в предшествующие годы, составили спецпереселенцы, более половины которых было сосредоточено на Урале и в Западной Сибири. Ссылных, как правило, привозили в безлюдные места и бросали в открытом поле.

Те, кто имел топоры, пилы и лопаты немедленно начинали "обживаться", рыть землянки, строить дома. С увеличением числа домов, росло число могил на близлежащих кладбищах. Так рождались спецпоселения, ставшие одним из средств принудительной колонизации. В 1933 г. в них прибыло почти 400 тыс. "кулаков" и членов их семей, вдвое больше, чем в предшествующем году. Однако общее число спецпереселенцев в стране уменьшилось на 70 тыс., вследствие высокой смертности и массовых побегов. В том же году, например, умерло 152 тыс. переселенцев, бежало - 246 тыс. По мере решения задач сплошной коллективизации "кулацкая ссылка" постепенно сокращается в своих размерах. В 1934 г. в трудпоселки прибыло 255 тыс., в 1935 г. - 246 тыс., в 1936 г. - 165 тыс., в 1937 г. - 128 тыс. человек. Однако на конец 1937 г. их общая численность составила только 878 тыс., т.е. почти на 450 тыс. меньше, чем на конец 1931 г., когда число спецпереселенцев достигло максимальной отметки.

К 1935 г. трудпоселенцы уже несколько обжились на новых местах, обустроились. В трудпоселках появились школы, профтехучилища, техникумы. Началось размывание их жителей вследствие увеличения лиц, не состоявших на учете НКВД. (Надзор, хозяйственное устройство и другие вопросы управления в трудпоселках осуществляли комендатуры НКВД, а в масштабах СССР - Отдел трудовых поселений ГУЛАГа). В мае 1934 г. трудпоселенцы были восстановлены в гражданских правах, а с января 1935 г. - в избирательных. Одновременно с 1934 г. трудпоселенцы обязаны были платить налоги и погашать задолженность по ссудам, выданным на первоначальное обустройство. Однако восстановление трудпоселенцев в правах было далеко не полным. До конца 1938 г. они не имели паспортов, их не могли призывать в Красную Армию, они не имели права возвратиться на старые места своего проживания. Тем не менее число людей, самовольно покидавших трудпоселки постоянно увеличивалось.

По мере продвижения в наиболее удаленные, суровые и малонаселенные районы освоения - безводные степи и арктические пояса усиливалась роль такой формы принудительного труда, как исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), отличавшиеся особенно жестоким режимом. К 1937 г. в них содержалось, по данным НКВД, 821 тыс. заключенных. Эти лагеря становились главным средством освоения новых труднодоступных районов и использования дешевой рабочей силы в экстремальных условиях. Почти каждый такой лагерь имел свою столицу (главный лагерь) и пригороды (лагерные пункты, лагпункты). Отдаленная Колыма и ее столица Магадан, добраться куда можно было

лишь морем да и то только в определенный период года стали символом ГУЛАГа.

В дополнение к лагерям была придана система более мелких и многочисленных исправительно-трудовых колоний (ИТК), раскинутых по всей огромной стране. В них к 1937 г. по данным НКВД находилось 375 тыс. заключенных.

Привлечение принудительного труда позволило решить многие задачи индустриализации. Трудом заключенных прокладывались каналы, железные дороги, возводились промышленные объекты. Значительное число заключенных было занято на добыче золота, цветных металлов. Трудом спецпереселенцев, объединенных в колхозы и совхозы, раскорчевывались и осваивались новые земли, много их было занято в угольной, лесной промышленности. Государство провозглашало политику "исправления принудительным трудом", в которой, по мнению многих, было больше лицемерия, чем реализма. Тем не менее те лица, которые активно проявили себя в "социалистическом строительстве", имели хорошие шансы на прощение, на получение наград и даже на продолжение карьеры. В 1930-е годы весьма популярным был фильм "Заключенные", в котором описывался процесс быстрого перевоспитания в Беломорбалтлаге заключенных, как уголовников, так и политических, их превращение в активных участников социалистического строительства. Реальная же картина была далеко не столь радужной.

Следует обратить внимание на неестественный, искусственный характер освоения новых районов, который не столько решал проблемы, сколько закладывал основы для будущих противоречий в их развитии. Но было бы неправильно однако сводить проблему освоения северных и восточных районов только к средствам принуждения и репрессий. На вторую пятилетку приходится развертывание грандиозных кампаний по исследованию природных ресурсов северных и восточных районов, прокладыванию новых трасс, Северного морского пути. Энтузиасты этого освоения становились героями, "знатными людьми страны Советов". Именами геологов, ученых, летчиков, штурманов - пионеров освоения Арктики пестрели страницы газет. Они становились образцом для подражания и ориентирами для подрастающего поколения.

На 1937 год приходится завершение второго пятилетнего плана. Как и предыдущий, он не был выполнен по большинству показателей, хотя его производственные задания были намного ближе к реальности. Официально же провозглашалось, что план был выполнен за 4 года и 3 месяца. По промышленности план он объявлялся выполненным на 102%. Этот общий показатель, составленный без учета инфляции и роста цен, не отражал по-

ложения дел в различных отраслях. В легкой промышленности процент выполнения был намного ниже запланированных показателей. Тем не менее за годы второй пятилетки в результате описанных выше мер наблюдалось довольно существенное повышение общественной производительности труда (по официальным данным на 64% по сравнению с 1932 г.).

В общем итоге "социалистического наступления" ценой огромных усилий были достигнуты значительные результаты по превращению страны в индустриальную державу. Несмотря на многочисленные издержки, процент ежегодного прироста производства в среднем составлял по разным оценкам от 10 до 16%, т.е. был весьма высоким, создающим впечатление о внутреннем динамизме системы и ее высоком потенциале. В сельском хозяйстве успехи были намного меньше. Если производство технических культур (хлопок, лен, сахарная свекла и т.п.) возросло по сравнению с нэпом на 30-40%, то производство зерновых топталось на месте. Только к 1937 г. достигло довоенного уровня производство животноводческой продукции, заметно уступая еще показателям последних лет нэпа.

В годы второй пятилетки происходили крупные изменения в духовной жизни советского общества и идеологии. Они отмечены нарастанием двух тенденций. С одной стороны, утверждением в обществе "сталинизма", т.е. марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации, идеологии вождизма и культового экононизма. С другой стороны, - усиление, по мере укрепления экономического и политического могущества СССР, государственно-патриотических начал и соответствующим оформлением государственных традиций и символов. Марксистский тезис об отмирании государства был осужден как троцкистский. Вместо него активно внедрялся тезис о всемерном укреплении социалистического государства и необходимости его защиты от внешних и внутренних посягательств. В 1934-35 гг. началась кампания по пересмотру истории страны. Были восстановлены исторические факультеты в вузах. Восстанавливалась преемственность в развитии Российской империи и СССР. Если раньше все, что касалось дореволюционного прошлого, подвергалось поруганию и поношению, теперь представлялось несколько в ином свете. История России рассматривалась теперь в контексте движения страны к революции и к социализму. Отмечались имена и события, способствовавшие укреплению мощи государства (Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Минин и Пожарский, Петр I, Екатерина II и др.). Если раньше, согласно тому же Сталину, Россия была страной, которую непрерывно били за ее экономическую отсталость, то теперь она начинает все более представляться как победоносная держава. С большой

помпой отмечались юбилеи, посвященные Отечественной войне 1812 г., освобождению Москвы от польских захватчиков в 1612 г. и др. событиям). Были "реабилитированы" многие деятели науки и культуры, способствовавшие прогрессу России и ее прославлению. Подверглось полной ревизии положение о колониальной политике России, теперь она становилась "цивилизаторской и прогрессивной" по отношению к народам, вошедшим в ее состав. В тот же контекст выстраивалась история советского государства и правящей партии. В общественное сознание внедрялась идея тождества марксизма-ленинизма и государственного патриотизма, олицетворяемого личностью Сталина. В этом духе создавались "Краткий курс истории ВКП(б)" и "История гражданской войны в СССР".

Подобные же тенденции находили отражение в литературе, искусстве, кино. Писатели засели за сочинение исторических романов. Утверждались помпезная живопись, архитектура, призывные прославлять мощь и величие державы и ее вождей в достаточно примитивной и натуралистической манере, доступной пока еще малоразвитому в культурном отношении советскому обществу. Творческие поиски, лежащие вне этого, подвергались разному и осуждению как проявление формализма и вырождения. Поэты, писатели, художники и т.д., которые настаивали на свободе творчества, попадали в "рискованную зону" и либо обрекались на забвение, либо подвергались преследованиям.

Возвращение к государственно-патриотическим устоям в какой-то мере способствовало консолидации общественного мнения в стране и примирению с режимом. В связи с этим даже в эмигрантских кругах стало заметно усиление внимания к СССР. Одновременно наблюдалось возрождение традиционных норм поведения и нравственности. Эксперименты первой пятилетки в этой области были отвергнуты. Они были признаны дестабилизирующими факторами, способствующими росту антисоциальных явлений. Был взят курс на укрепление семьи, которая официально признавалась первичной ячейкой общества. В 1936 г. было принято постановление о запрещении абортов и помощи многодетным матерям. Усилилась борьба с разводами, преступностью, беспризорностью. Проводимые в жизнь административными и репрессивными мерами указанные действия приносили порой неожиданные эффекты, порождая новые проблемы и трудности, о которых речь еще впереди.

Наряду с распространением прежних идеалов всеобщего равенства и жертвенности во имя светлого будущего как существенных черт "социалистического образа жизни" в обществе начинает обретать свою ценность идея личного благосостояния и

карьеру, которая коснулась прежде всего правящей партийно-государственной номенклатуры и вылилась в создание иерархии должностей и привилегий, складывавшихся в одну из отличительных черт советского режима.

Внутренние изменения в стране были неразрывно связаны с изменением роли СССР на международной арене, с процессами, происходившими в мировом рабочем, коммунистическом и национально-освободительном движениях. В предшествующий период СССР заставил мир признать факт своего существования, установил дипломатические и торговые отношения со многими государствами, несмотря на явную враждебность существующих в них режимов и игнорирование со стороны СССР принятых норм в международном сообществе. Двойственность внешней политики СССР была обусловлена сочетанием двух факторов: осуществления государственных интересов страны и задач мировой революции. Последние в результате политической борьбы в высших эшелонах партийного руководства еще в 1920-е годы были отодвинуты на второй план. Идеи интернационализма и экспорта революции были отброшены. Более того, политика сталинского руководства сводилась к тому, чтобы подчинить интересы коммунистического и национально-освободительных движений интересам советского государства. Вместе с тем Сталин никогда полностью не отказывался от революционной риторики. До 1933 г. ставка делалась на обострение межимпериалистических противоречий, которые спонтанно приведут к революционному взрыву. В то же время, особенно после "военной тревоги" 1927 г., руководство СССР старательно избегало политики, которая могла бы привести к вооруженным конфликтам. Страна нуждалась в сохранении мира для решения задач по развитию экономики и упрочения политической системы. Ближе к середине 1930-х годов в связи с возрастанием агрессивности ряда режимов в Европе и Азии (Германия, Италия, Япония) и их враждебных выпадов против СССР сталинское руководство сделало ставку на создание системы коллективной безопасности. Новый курс позволил советской внешней политике добиться некоторых успехов на международной арене. В ноябре 1933 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и США. В сентябре 1934 г. СССР был принят в Лигу Наций. В мае 1935 г. был заключен договор о взаимопомощи между СССР и Францией.

В том же году состоялся последний VII конгресс Коминтерна. На нем провозглашалась стратегия создания "единого фронта", призванного преградить дорогу фашизму. На самом же деле конгресс скорее демонстрировал факт полного подчинения зарубежных компартий внешней политике СССР, которые должны

были отныне "бороться за мир и безопасность Советского Союза", как заявил в своем выступлении генеральный секретарь Коминтерна Г. Димитров. Это было отражением новой сталинской формулы: "Интернационалист тот, кто выступает за СССР". Примерно в то же время прекращает деятельность большинство международных организаций, созданных ранее по инициативе большевиков.

Гражданская война в Испании стала для СССР испытанием на прочность двух тенденций в его внешней политике. Вместе с Францией и Великобританией он заявил о своем невмешательстве во внутрииспанские дела. Однако в связи с тем, что Германия и Италия начали открытую интервенцию против республиканского правительства Испании, СССР заявил о своей поддержке Испанской республики. Полностью отречься от оказания помощи сталинское руководство не могло, так как это означало бы измену революционным идеалам. Однако помощь, которую оказал ей СССР, не составляла и десятой части того, что направили мятежникам генерала Франко Италия и Германия. Помимо материальной и технической помощи, СССР направил в Испанию около 3 тыс. "советников", которые тщательно отбирались партийными органами. Сталинское руководство испытывало органическую неприязнь к входящим в испанское правительство Народного фронта анархистам, анархо-синдикалистам, троцкистам и т.п., сваливая на них всю вину за поражения и неудачи.

1937 год в советской историографии считался завершением переходного от капитализма к социализму периода. Построение социалистического общества считалось итогом выполнения второй пятилетки и общим результатом "социалистического наступления". Задачи курса требуют осмысления сущности и характера общественного строя, возникшего в СССР в этот период.

4. СТАЛИНСКИЙ "СОЦИАЛИЗМ"

Выступая 5 декабря 1936 г. на VIII Всесоюзном чрезвычайном съезде Советов, созванном для принятия новой конституции, Сталин заявил о построении социализма в СССР: "Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т.е. осуществило то, что у марксистов называется первой фазой коммунизма - социализм". Заявить о построении социализма Сталин неоднократно пытался и раньше, по мере того как обозначались контуры новой системы, однако только на исходе второй пятилетки появилась возможность сделать это в полном объеме и закрепить ее законодательным актом.

С этого момента в советской историографии датировалось завершение переходного от капитализму к социализму периода и построение в основном социалистического общества. Сегодня в литературе обнаруживаются разные, зачастую прямо противоположные подходы к трактовке этого события. Одни авторы утверждают, что созданная в 1930-е годы система органически вытекает из воплощения на практике марксистской теории как утопической программы социально-экономического и политического переустройства общества. Другая точка зрения состоит в том, что созданный строй - логическое следствие большевизма как специфической национальной ветви марксизма или марксизма-ленинизма. Сторонники этой точки зрения считают, что Сталин лишь осуществил на деле то, что было задумано Лениным и его сторонниками, т.е. здесь происходит смыкание с концепцией "Краткого курса". Одно время многие авторы развивали теории различных вариантов социализма и примеривали их на советскую действительность. Разговор шел о государственном,

деформированном, казарменном социализме и о необходимости перестройки его в сторону "демократического социализма", "социализма с человеческим лицом". Некоторые авторы рассматривали созданную систему как отрицание марксизма и ленинизма вообще, а значит, и отрицание социалистической сущности нового строя. Говорилось также о неудачной попытке построения социализма в СССР. Широкое хождение до сих пор имеет концепция "сталинизма", т.е. особого общественного устройства, тесно связанного с личностью самого Сталина. Есть авторы, которые продолжают настаивать, что созданная при Сталине система и есть реальный социализм, а личность самого вождя мало что меняет в этой оценке. Самой распространенной в настоящее время для интерпретации общественного устройства, возникшего в СССР, стала тоталитарная модель или тоталитаризм.

Видимо, следует подробнее остановиться на отдельных позициях, поскольку от этого во-многом зависит оценка всего советского периода истории нашей страны.

Прежде всего нужно уточнить, что же такое социализм и как соотносятся с его положениями основные черты советского общества 1930-х годов. Это наиболее трудный вопрос, поскольку их приходится соизмерять с некими общими абстрактными социалистическими идеями, пока еще нигде не воплощенными в реальной исторической практике. У самих классиков нет четкого и ясного определения социализма. Об этом лучше всего сказал Ленин в 1918 г.: "... дать характеристику социализма мы не можем, каким социализм будет, каких достигнет готовых форм мы не знаем, мы этого сказать не можем." Впрочем, почти тут же, как часто бывало у Ленина, все же имеется такое определение социализма, как "советская власть" плюс "американская промышленность и американская система образования", плюс "пруссские железные дороги и телеграф" и т.п. Развивая это определение, можно было бы сказать, что социализм есть воплощение всех лучших достижений человечества. Далее, в соответствии с теориями классиков марксизма, можно было бы сказать, что социализм - это живое творчество масс, т.е. цели, которые общество считает социалистическими, находятся в постоянном развитии.

Все же в различных определениях социализма, в том числе и принятых на вооружение в СССР, прослеживаются несколько общих идей. Во-первых, признавалось, что социализм - низшая фаза коммунистической формации, которая еще несет на себе черты старого общества, из недр которого она появляется на свет. Это сказывается на отношениях собственности и распределения продуктов общественного производства и воплощается в

принципе: от каждого - по способности, каждому - по труду, т.е. каждый получает то, что заработал за вычетом общественных расходов. Во-вторых, считалось, что социализм уничтожает эксплуатацию человека человеком, т.е. такую систему социального неравенства, которая позволяет одним (собственникам) присваивать труд других (несобственников). Таким образом, социализм означает и ликвидацию в обществе эксплуататорских классов. Одновременно происходит соединение работника со средствами производства. В-третьих, есть согласие в том, что цель социализма - добиться путем планомерного развития более высокого по сравнению с капитализмом уровня развития производительных сил, общественной производительности труда, потребления благ: материальных и духовных. В-четвертых, в политической области социализм, сохраняя еще государство, его учреждения и институты, тем не менее перестраивает их на принципах более широкой демократии и самоуправления.

Однако в пределах и за пределами этих идей остается достаточно широкий простор для различных толкований социализма в зависимости от конкретной ситуации и состояния общества. Чем ближе к современности, тем больше расхождений с первоначальными представлениями о социализме. То, что казалось очевидным людям своего времени, теперь переосмысливается в связи с накопленным историческим опытом. Это касается отдельных нюансов в отношении собственности, действия закона стоимости, товарно-денежных отношений, экономических и политических свобод. Возникают новые подходы к вопросу о путях и методах достижения социализма: революционных и реформистских, с изрядной долей насилия и принуждения или без оных.

С этих позиций и надо взглянуть на теорию и практику "сталинского социализма". Его экономическую основу составляет понятие "социалистической, т.е. общественной собственности", якобы существующей в двух формах государственной и колхозно-кооперативной. Но о самостоятельной роли последней в экономической системе 1930-х годов говорить не приходится. Она подчинялась единому хозяйственному плану и была фактически придатком к первой. Более того, согласно теоретическим представлениям Сталина, в перспективе колхозно-кооперативная собственность должна была смениться государственной. Попытку такого рода предпринял позднее Хрущев, чисто административным путем преобразовывая колхозы в совхозы, и ликвидировав Промкооперацию. Было бы неверно, в свете ранее сказанного, утверждать, что колхозно-кооперативная собственность была создана самими трудящимися.

Отсюда становится очевидным, какими критериями руководствовался Сталин, объявляя о построении социализма в СССР.

Социализм, по Сталину, это, когда все работают под одной "государственной крышей", когда частный сектор и связанная с ним экономика ликвидируется, когда сходит со сцены индивидуальные крестьянские хозяйства.

О том, что государственная форма собственности не является в полной мере общественной, уже говорилось. Она не преодолевает отчуждения тружеников от средств производства. В сознании работника она принадлежит всем, а значит никому в отдельности. Много в понимании государственной собственности зависит от того, а какое, собственно, государство ею владеет и распоряжается, т.е. зависит от системы власти. Государство в советской системе выступает верховным распорядителем собственности. Превращение права распоряжения в социалистическое требует, чтобы хотя бы часть его передавалась в руки самих трудящихся, а это, в свою очередь, передачу ряда государственных функций трудовым коллективам, общественным организациям и повышению их прав, т.е. отмирания государственных функций. Так ставился вопрос в ортодоксальном марксизме-ленинизме. При Сталине утвердился тезис о необходимости укрепления социалистического государства. Некоторые авторы считают, как, впрочем, и сам Сталин, что вопрос об "отмирании государства" отражал первоначальный утопизм теоретиков марксизма, что действительность диктовала совсем противоположное. Пусть так, но тогда не стоит говорить о воплощении на практике социалистической идеи. Отсюда возникновение явного противоречия между теорией и действительностью, которое нашло отражение во всей системе государственного и общественного устройства советского общества. Если в теории "сталинского социализма" власть провозглашалась народной, то на деле она все более сосредотачивалась в руках партийно-государственного аппарата, а значит бюрократии, вернее ее верхушки - номенклатуры. Это обстоятельство не только не способствовало преодолению отчуждения рядовых тружеников от власти, но скорее углубляло его. Неизбежным следствием этого становится возрастание социальной и политической апатии, абсентеизма. Усиливающееся отчуждение компенсируется возрастанием элементов принуждения и насилия, укреплением роли карательных органов, созданием разветвленной пеницитарной системы и расширением сектора принудительных работ. Таким предстает развитие советской системы в 1930-е годы и выражается в форме усиления репрессий, установления обязательных норм выработки, строгих мер за нарушения трудовой дисциплины и т.п. Логика развития системы такова, что ослабление мер принуждения и насилия ведет к возрастанию неэффективности общественного производства. Таким образом, "сталинский социализм" и здесь

оказывается, в конечном счете, далеким от реализации на практике социалистической идеи о свободном сознательном труде на благо общества.

Сфера власти и управления при Сталине строится в соответствии со строгой иерархией. Степень власти определяется близостью к вершине властной пирамиды, наверху которой находится вождь, окруженный ореолом культа и всеобщего поклонения. Это означает, что отношение к собственности для людей оказывается далеко не одинаковым. Если право владения ею можно рассматривать как ограниченное для всех, то право распоряжения четко распределяется по принципу близости к властным рычагам. От настоящего экономического равенства система также оказывается весьма далекой. Тому же закону подчиняется система распределения произведенного продукта, материальных и духовных благ, которая становится все более зависимой от властных притязаний и приоритетов, от влияния на общество тех или иных социальных групп.

Наибольшей властью и влиянием в советском обществе обладал партийно-государственный аппарат. Ему же полагались наибольшие привилегии и льготы. Иногда это трактовалось как осуществление принципа вознаграждения за труд с упором на бремя ответственности, на то, как многочисленные начальники работают без сна и отдыха, зачастую, как сам тов. Сталин, - по ночам. Тем не менее наличие подобных привилегий тщательно скрывалось от остального общества. Очевидно, что они плохо живались с существующими представлениями о социализме.

Впрочем, теория социализма вообще не предусматривала образование в обществе групп с особым положением, властью и влиянием. Возникновение номенклатуры в условиях советского строя некоторые авторы склонны рассматривать как образование нового господствующего класса, подрывающее всю марксистскую теорию классового деления общества. Однако все дело в том, с каких позиций подходить к определению класса. Определить номенклатуру классом в канонах марксизма нельзя, ибо она с этой точки зрения не обладает всеми необходимыми классовыми признаками, сколько бы их ни пытались для этого притянуть. Так же, как бюрократия не является классом в марксистском понимании, так же и ее верхний слой не может быть классом. Номенклатура не владеет собственностью, хотя использует свое положение, для того чтобы урвать самый жирный кусок общественного пирога.

Теория социализма предусматривает более высокую производительность общественного труда, более высокие темпы роста производства и более справедливое распределение произведенного продукта среди членов общества, по сравнению с капитализ-

мом. С учетом сказанного следует подходить к вопросу об общественных расходах и общественных фондах потребления. Ими, действительно, определяется степень "социалистичности" общественного строя. Отчисления на общественные расходы: на содержание государства, на бесплатное образование, медицинское обслуживание, культурные, воспитательные, бытовые нужды, на страхование и т.п. в советском обществе всегда были громадными и постоянно увеличивались. Общественные и государственные расходы росли быстрее, чем производительность труда. Это вынуждало государство изымать у трудящегося не только весь произведенный прибавочный продукт, но и значительную часть необходимого для воспроизводства рабочей силы продукта, влияя тем самым на личную заинтересованность человека в труде и способствуя снижению его эффективности.

Для того чтобы добиваться своих целей, созданный режим запускал в действие все рычаги (принцип "план - любой ценой"), не считаясь ни с какими затратами природных, людских, материальных ресурсов. При экстенсивном, затратном механизме, не нашедшем стимулов для повышения производительности труда, такой подход до определенного времени может тем не менее обеспечивать продвижение вперед, но рано или поздно он придет в противоречие с объемом вовлекаемых ресурсов. В этих условиях создание более высокой общественной производительности труда становится эфемерной задачей. Так и получилось. Несмотря на все ухищрения советской официальной статистики, данные свидетельствуют, что за рассматриваемый период по такому синтетическому показателю, как национальный доход, СССР оставался примерно в том же ряду стран, что и дореволюционная Россия. За 1929-1941 гг. он увеличился в 1.5 раза, в то время как фондоотдача, например, снизилась за тот же период на 30%. Это означает, что с точки зрения того, что конкретно получили члены общества, ни о каких громадных успехах социализма в одной стране речь идти не может. Можно говорить лишь о более справедливом распределении общественного богатства и о частичных достижениях, особенно очевидных, если сравнивать положение людей с временами провалов в экономике, когда их жизнь резко ухудшалась. В целом же условия их существования оставались очень трудными. Очереди, коммуналки, бараки, общежития, плохое питание, отсутствие товаров массового спроса и т.п. мало напоминали о воплощении на практике этой социалистической идеи.

Классики марксизма утверждали, что социализм без политических свобод - не социализм. Говорить о существовании таких свобод в условиях сталинского социализма было бы лицемерием, хотя режим постоянно пытался возбудить политическую актив-

ность масс, направляя ее в русло развития тех идей, которые он сам же провозглашал социалистическими. На все другие, даже если они проповедовались от имени социализма, налагался строжайший запрет. Отсюда догматизация социалистической идеологии, вступавшее в противоречие с краеугольным положением марксизма о том, что социализм есть живое творчество масс. Более серьезным является аргумент, что отсутствие или ограничение политических свобод диктовалось складывающейся обстановкой (гражданской войной, враждебным капиталистическим окружением, обострением классовой борьбы и пр.). Однако строить на этом теорию и выдавать ее положения за существенные черты социализма - значило бы вступать в противоречие с социалистическими заповедями. Если раньше многое в ограничении политических прав и свобод оправдывалось теорией диктатуры пролетариата, то применительно к ситуации 1930-х годов ее положения выглядели явно устаревшими. Не случайно они исчезают из лексикона партийных руководителей и из конституции 1936 г. Предложить же что-либо взамен догматическая идеология в довоенный период так и не смогла. Тезисы об общественном государстве, о ведущей роли КПСС и рабочего класса в социалистическом и коммунистическом строительстве появились позже.

Сложность оценки советского общества 1930-х годов упирается в расхождение между тем, какие ценности и идеалы преподносились в теории и официальной пропаганде, и тем, что было на деле. Исследователи, которые склонны доверять официальным источникам, найдут в советском обществе гораздо больше элементов социализма, чем те, которые будут изучать реалии повседневной жизни. Как писал один крестьянин: "Где же тут социализм? Здесь нет социализма! Здесь социализм уснул.". Тогда, может быть, следует вообще отказаться от попытки интерпретации советского общества 1930-х годов в социалистических терминах и взять на вооружение модную сегодня теорию тоталитаризма?

Многим, особенно молодым исследователям представляется, что обращение к этой теории, заимствованной из западной общественной мысли, позволяет понять и объяснить все перипетии достаточно сложных проблем развития советского общества. В теории есть свои привлекательные стороны. Она привлекает тем, что органически связана с понятием модернизации в историческом процессе и рассматривается в контексте истории XX в., о чем, впрочем, постоянно нужно напоминать авторам, склонным к месту и не к месту щеголять термином "тоталитаризм". Следует напомнить также, что тоталитаризм - это, прежде всего,

теория политическая, теория власти, хотя под нее зачастую подгоняются экономические модели развития общества.

Если добираться до сути теории тоталитаризма, то нельзя не прийти к выводу, что в его основе лежит наблюдение и обобщение "негативных", вернее неприемлемых для западного индивидуалистического сознания тенденций, свойственных в определенный период новейшего времени для взаимодействия общества и власти в таких странах как Германия, Италия, СССР и др. Из этого выводятся так называемые признаки или атрибуты тоталитаризма, коих иные авторы насчитывают до десятка, а то и поболее того. В результате возникает довольно жесткая конструкция, где на одну доску ставятся такие исторические феномены как "коммунизм", "фашизм", "нацизм", "военно-диктаторский режим" и пр. Сколько бы общих признаков этих политических институтов ни перечислялось, тоталитарную модель в сущности объединяет только признание некой особой формы власти, которая зиждется на насилии и индоктринации, и сосуществование с которой для "свободного мира", для демократий западного типа неприемлемо. Различия властных форм в отдельных странах, которые, по признанию идеологов тоталитаризма, могут быть весьма разнообразны и являются частью истории отдельных стран, непосредственно на сущность власти не влияют и представляют главным образом академический, т.е. научный интерес. Уже сам по себе такой подход не может не вызвать возражения у добросовестного ученого, на долю которого выпадает лишь детализировать особенности тоталитаризма в своей или других странах. Однако более всего тревожит идеологическая заданность и моральные императивы, явно просматриваемые в тоталитарной модели, от которых объективный исследователь в своем научном анализе должен воздерживаться.

Отчетливо осознавая, к чему может привести подобная заданность на практике - к средоточию и сгущению усилий на показе главным образом негативных черт в той или иной системе, - одна из столпов и творцов тоталитарной модели на Западе Х.Арендт призывает пользоваться термином "тоталитаризм" редко и благоразумно, чего не скажешь о нынешней нашей ситуации, когда со всех сторон только и слышно об "ужасах и гримасах тоталитаризма".

Как же выглядит приложение данной теории к истории России и СССР, разрабатываемое главным образом в западной историографии, поскольку пока еще мало кто из отечественных авторов озабочен методологическими основаниями заимствованных ими понятий и категорий тоталитарной модели? Вырисовывается примерно следующая конструкция.

Вступление того или иного общества в стадию модернизации может привести к особой организации взаимодействия общества и власти, которая может походить на прежние или отличаться от таких свойственных прошлому властных форм как тирания, диктатура, демократия, охлократия и т.д. Под влиянием ряда объективных факторов, присущих истории XX столетия (роста экономики, культуры, образования, урбанизации, социализации жизни человека и др.), возникает движение к тоталитаризму, связанное с пробуждением политического сознания масс и появляется стремление к объединению в политические и общественные организации, которые становятся способом приобщения людей, не обладающих политическим опытом, к политической деятельности. На этой основе происходит формирование человека массы.

Человек массы или массовый человек определяется не своей классовой принадлежностью, а некоторыми идеалами и ценностями, которые разделяют многие члены общества. Поэтому необходимой предпосылкой формирования человека массы является создание монотонного и абстрактного единства. Отсюда - установка на разрушение классов, социальных групп и других ячеек общества, обладающих какими-то своими специфическими интересами, подчинение их общему движению.

Массовый человек, впервые вступающий на арену политического действия, нуждается в руководителе-вожде, которому он доверяет, которому он безоговорочно подчиняется и позволяет говорить от своего имени, отказываясь от собственного личного интереса и даже порой от здравого смысла. Это то, что в свое время известный философ и политолог Э.Фромм назвал "бегством от свободы". Тем не менее для формирования массового человека необходимы некоторые хотя и невысокие, но совершенно определенные жизненные стандарты, например элементарное образование, чтобы по крайней мере быть способным к усвоению идеологических штампов и определенных понятий. В то же время к движению могут сознательно примыкать и высококультурные люди, как правило, вследствие процесса деклассирования и маргинализации отдельных общественных групп. Эти люди формируют политическую элиту движения, его лидеров, которые несут на себе характеристику массы, разделяют ее психологию и политическую философию. Лидеры и массы образуют неразрывное единство.

Что касается России, то ее предрасположенность к тоталитаризму коренилась в ее прошлом и в том, что процесс модернизации и связанный с нею революционный взрыв происходили в стране, где деспотический режим и централизованная бюрократия управляли аморфным и бесструктурным обществом, где по-

литически не были организованы ни остатки феодализма, ни зарождающиеся капиталистические классы. Эти обстоятельства предрасполагали к возникновению человека массы и распространению большевистских идей.

Надо заметить, что в данном пункте у представителей тоталитарной школы с самого начала обнаруживается существенное противоречие, из которого никак не могут выпутаться наши доморощенные "тоталитаристы". Одни, как например З.Бжезинский, считают создателем тоталитарного режима Ленина, другие, и их большинство, связывают становление тоталитарного общества в СССР с правлением Сталина.

Как бы то ни было, но Октябрьский переворот отмечается как важная веха в системе становления тоталитарной власти. Он означает установление официального и официально признанного штаба в движении к тоталитаризму и создание условий для проведения разного рода социальных экспериментов. Большинство авторов, как уже было сказано, считают, что захват власти лишь шаг на пути к созданию тоталитарного общества. Цель достигается тогда, когда тоталитарная власть или государство поглощает все общество.

Создание единого центра власти в виде господствующей партийной элиты, состав которой может со временем меняться, является неперменным условием тоталитаризма. Поэтому партийная элита уничтожает или полностью подчиняет себе все другие центры власти, в частности Советы, путем назначений и повсеместного насаждения партийных комитетов. Ликвидация классов начинается с городских средних слоев, затем в начале 1930-х годов уничтожается крестьянство. Его рудимент - колхозники, становятся объектом политики постоянного выравнивания и обезличивания. Следующий шаг - уничтожение рабочего класса и превращение его в абстрактную рабочую силу, осуществленное к концу 1930-х годов. Дальнейшие действия сводятся к ликвидации элитных управленческих групп: административной, военной, научной. Происходит атака на все другие общественные группы, на семью, вторжение в личную жизнь. Завершается процесс всеобщей идеологической чисткой, призванной внедриться в сознание. В результате возникают люди-атомы, своеобразные обезличенные микроорганизмы тоталитарного общества, как правило объединенные различными организациями, от которых требуется прежде всего демонстрация лояльности по отношению к власти. Для массового человека на первом месте стоят не личные интересы, не семья, а чувство общности, принадлежности к организации, к партии.

Террор и пропаганда - два главных инструмента, с помощью которых тоталитарное государство обеспечивает лояльность и

подчинение, причем террор превалирует на первых порах, поэтому поначалу все тоталитарные формы правления обнаруживают поразительное сходство с насильственными режимами прошлого, в дальнейшем же преобладают приемы массовой индоктринации.

Формы тоталитарной организации власти имеют иерархическую структуру, где назначения и перемещения производятся, исходя из значимости для движения к тоталитаризму, которые постепенно кристаллизуются и складываются в систему номенклатуры. Окружающий мир раскалывается на два враждебных лагеря: на "наших" и "ненаших", из чего якобы проистекает агрессивность тоталитарных режимов.

В центре тоталитарной организации - вождь, который отделяет себя от остальной политической элиты ближним кругом лиц, задачей которых становится создание ауры таинственности, священнодействия и магии власти. На самом же деле технология власти в тоталитарном обществе достаточно проста и эффективна. Она представляет собой абсолютную монополию вождя на принятие решений и уверенность, что все его указания будут выполнены. Для их реализации создается множество "приводных ремней", разного рода учреждений, зачастую параллельных, делающих вождя относительно независимым от подчиненных ему институтов власти.

Таким образом, власть в тоталитарном обществе покоится на силе организаций и учреждений, главные из которых - карательные органы (НКВД) и партийно-идеологический аппарат. Одновременно большинство представителей тоталитарной школы отмечает смещение, отчасти умышленное, властных форм, невозможность отделить партию от государства.

Такова в общих чертах представленная, может быть, несколько утрированно, вернее схематично изображенная, как и полагается концептуальной модели, конструкция тоталитарной власти, явно списанная с нашей отечественной действительности 1930-х годов.

Привлекательность данной теории состоит еще и в том, что она обладает известным правдоподобием, так же как и прежняя официальная история советского общества. Более того, как представляется, нынешнее широкое распространение тоталитарной модели в отечественной исторической литературе объясняется ее антиномическим сходством с советским классовым или партийным подходом к проблемам взаимодействия общества и власти. В этом смысле она близка и понятна бывшим адептам "Краткого курса" и "Истории КПСС". Под эту модель, как и прежде, можно подгонять факты, игнорируя и отбрасывая то, что в нее не укладывается. Достаточно заменить такие прежние

ходовые понятия, как "пробуждение политического сознания масс" на "движение к тоталитаризму", "советского человека" на "человека массы" или "совка", "создание партии нового типа" на "формирование политической элиты", "преодоление классовых различий и движение к социальной однородности" на "образование бесструктурного общества", "морально-политическую общность советских людей" на "создание монотонного и абстрактного единства" и пр., и, кажется, что ключ к пониманию процессов, происходивших в СССР 1930-е годы, найден. Впечатление от этой конструкции возникает довольно жуткое, действительно, достойное изображения лишь в фантастических романах-антиутопиях или под пером бойких и скорых на руку публицистов.

В предыдущем изложении уже не раз подчеркивалась сложность взаимоотношений общества и порожденных им институтов власти, несводимость их к простым и ясным объяснениям, наличие многих подспудных сил и движений, от которых зависел тот или иной поворот событий на протяжении истории 1920-30-х годов. Таких критических поворотных "точек" оказалось немало, и они подрывают одномерное видение советской истории.

Еще больше сомнений в пригодности тоталитарной модели возникает, если обратиться к анализу такого феномена, как взрыв массовых репрессий в 1937-38 гг., названный в народе "ежовщиной", или изменений в социальной структуре общества, происшедших к концу десятилетия, или же тех противоречий и сложностей в советской действительности, которые отчетливо проявились в СССР накануне новой "большой" войны. Только после этого анализа можно сделать какой-либо определенный вывод о характере общественного строя в стране, возникшего в 1930-е годы. Но прежде нужно, видимо, обратиться к оценке конституции 1936 г., которая была призвана законодательно оформить основы построенного в СССР социализма, и где, как в зеркале, отразились противоречия, свойственные советской действительности.

Решение о выработке новой конституции было принято в 1935 г. на VII съезде Советов. Была образована конституционная комиссия в составе 31 человека (18 из них впоследствии были репрессированы), которая выработала проект, предложенный для всенародного обсуждения. Кампания по обсуждению проекта способствовала оживлению общественного мнения в стране по многим злободневным проблемам жизни советского общества. Обнаружились некоторые различия в освещении того, как проходило это обсуждение. Если главный рупор партийной пропаганды - газета "Правда" делала акцент на повсеместном народ-

ном одобрении проекта, то "Известия", руководимые Бухариным, уделяли внимание недостаткам, формализму и бюрократизму, которые повсеместно отмечались в организованной по этому поводу кампании. При этом следует учесть, что многие отклики на содержание конституции вообще не публиковались в печати. Часть их хранится в архивах под рубрикой "анти-советские высказывания". В них чаще всего говорится о несоответствии отдельных статей конституции реальной жизни, неверной политике в отношении крестьянства, о плохой жизни в колхозах, о необходимости прекратить преследования верующих и о других извращениях и искривлениях в жизни советского общества. Очевидно, что обсуждение конституции отчасти спровоцировало общество на серьезный разговор о существующих проблемах.

В нынешней литературе утвердился несколько упрощенный взгляд на конституцию 1936 г., как на "пустую бумажку", "фиговый листок" сталинского режима. Первый вопрос, который здесь возникает, насколько искренним было руководство в своем стремлении предоставить населению конституционные права и свободы, или же оно просто разыгрывало очередной фарс? Что прослеживается совершенно очевидно, - это намерение обеспечить себе массовую поддержку, выдать за социализм результаты своей предшествующей политики и сделать его приемлемым для трудящихся СССР и других стран. С этой точки зрения в содержании конституции был отражен ряд положений, вытекающих из идеалов и ценностей, провозглашенных Октябрьской революцией. Очевидно также, что для разработчиков проекта и тех, кто ее принимал, новая конституция не была фарсом. Поэтому она явилась удивительным и двойственным документом. По демократизму своего содержания конституция 1936 г. превосходила все созданные до этого законодательные акты. В этом заключалась сила ее воздействия на общество. Не случайно конституция служила своеобразным маяком и ориентиром для развития советского общества, служила точкой отсчета на разных этапах реформирования системы. Спротивление злоупотреблениям власти также происходило под флагом соблюдения конституции.

В литературе одно время активно обсуждался вопрос о том, кто являлся ее автором. Авторство приписывали Бухарину, Радеку. Однако это не подтверждается документами. Конституция

выступает как плод коллективного творчества. В какой-то мере ее можно рассматривать в качестве завещания революции, выраженное в мыслях ее активных участников, своеобразную констатацию ее целей и задач. Играя на том, что созданный режим не мог от них отказаться, что он вынужден говорить на языке революции, освящать свои действия ее идеями, прикрываться амальгамой из марксистско-ленинского наследия, составители конституции изложили свои мысли на бумаге.

Какой в этом свете представляется роль самого Сталина в разработке проекта и как председателя конституционной комиссии. Можно предположить, что Сталин не мог не заметить вызова, брошенного в содержании проекта реалиям советской действительности. Возможно, что это обстоятельство повлияло на судьбу членов конституционной комиссии - "приверженцев советской демократии". Реальность жестоко расходилась с тем, что было записано в конституции о свободе слова, печати, собраний, о свободе совести, о неприкосновенности личности и жилища и т.п. Вместе с тем Сталин понимал, что нужно заботиться о фасаде режима, что нужно показать народу, что он трудился и шел на огромные жертвы не напрасно. Поэтому для Сталина лучше всего было сделать вид, что в содержании конституции выражены и его мысли, что это и его творчество, что это - "сталинская конституция", как, собственно, она и была названа. Между тем следы поправок Сталина на подготовительных материалах конституции касаются главным образом положений об укреплении социалистического государства.

Конституция формально закрепляла основы социализма, новые отношения собственности, взаимоотношения классов, права и обязанности советских граждан. Гарантировались права на труд, на образование, на отдых и многие другие.

Конституция 1936 г. изменила избирательную систему и устройство органов власти. Формально были отменены ограничения демократии, свойственные переходному периоду. Провозглашались всеобщие прямые (вместо многоступенчатых), равные (вместо пропорциональных), тайные (вместо открытых) выборы в Советы всех уровней. Было отменено исключение из политической жизни каких-либо категорий населения, кроме умалишенных и осужденных судом. Был понижен возраст для тех, кто мог избирать и быть избранным в органы власти.

Вместо Всесоюзного съезда Советов и ЦИК СССР высшим органом власти в стране становился Верховный Совет СССР. Ему принадлежало исключительное право принятия законов. В то же время СНК был выведен из непосредственного подчинения Верховному Совету, не обязан был отчитываться перед ним, получил широкие права для создания множества подзаконных актов - постановлений и инструкций, которые никто впоследствии не проверял на предмет их соответствия духу и букве конституции, но именно по этим нормам стала жить страна. По конституции увеличивалось число союзных и союзно-республиканских наркоматов, что явилось отражением растущих централизации, ведомственности, командно-административных начал в управлении.

В конституции содержался ряд недомолвок и неуточненных мест, которыми искусно пользовался аппарат. Например, о выдвижении кандидатов в депутаты. В процессе обсуждения проекта обсуждался вопрос о состязательности на выборах, о возможности выдвижения на одно место нескольких кандидатов. Работники аппарата, отлично понимая, чем это им грозит, тем не менее открыто против этого принципа не выступали. Но после принятия конституции формулировка на этот счет оказалась крайне расплывчатой. Со ссылкой на традиции на выборах все свелось к выдвижению одного кандидата, представлявшего "блок коммунистов и беспартийных", и голосованию за него.

Фактически и многие другие демократические принципы были выхолощены в содержании конституции подобным путем. Уже в предшествующий период сложились довольно искусные аппаратные инструменты подбора и выдвижения кандидатур, разнарядки и установления квот, создания видимости демократии, широкого участия людей в избирательных кампаниях, контроля за работой избирательных комиссий и т.п. Одним из признаков социалистической демократии было участие в государственном управлении рабочих и крестьян. Их, действительно, привлекали, подбирая чаще всего из "героев трудового фронта": ударников, стахановцев. Но интересно, что ротация, т.е. обновление выборных органов, осуществлялось прежде всего за счет рабочих и крестьян, а основной костяк депутатов состоял из номенклатурных работников. Состав советских органов после принятия новой конституции нисколько не изменился, более того

они приобрели более аппаратный характер и стали еще сильнее зависеть от партийных органов.

Аналогичные конституции были приняты в союзных республиках, число которых увеличилось до 11. Статус союзных республик приобрели Казахстан и Киргизия.

Выборы в новые органы власти проходили как широко организованная сверху всенародная кампания и пришлось на 1937-38 гг. Выборы в Верховный Совет СССР состоялись 12 декабря 1937 г. Этот день отмечался как всенародный праздник, как "триумф социалистической демократии". Парадокс ситуации заключался в том, что как раз во время этого "триумфа" на страну обрушился вал массовых репрессий, называемый "ежовщиной", который не обошел стороной и только что избранных депутатов, обладавших по конституции "правом неприкосновенности".

5. "ЕЖОВЩИНА"

В цепи трагических событий, которыми отмечена советская история, массовые репрессии 1937-38 гг., занимают особое место. Репрессии, как уже говорилось, были и раньше. Количество арестованных и осужденных постоянно увеличивалось, пополняя население ГУЛАГа. Но то, что случилось в 1937 г., не идет ни в какое сравнение с предшествующими годами, причем в развязывании новой волны репрессий сразу бросаются в глаза несколько особенностей. Прежде всего их размах. Если в 1936 г. было арестовано 131 тыс. человек, то в 1937 г. - 937 тыс. человек, т.е. в 7 раз больше, из них 779 тыс. (83%) по 58 статье, т.е. за контрреволюционные преступления. В следующем 1938 г. было арестовано 639 тыс. человек, из них 593 тыс. (90%) - по той же статье. Это было намного выше, чем в предшествующие годы, и означало, что кампания имела совершенно четкую политическую направленность. Было приговорено судами к различным видам наказания 791 тыс. человек в 1937 г. и 554 тыс. - в 1938 г. Тюремные страны были переполнены: на конец февраля 1938 г. в них содержалось 549 тыс. заключенных при "лимите" в 155 тыс. мест. Прослеживалось и явное ужесточение карательной политики, поскольку прежде многие задержанные могли быть освобождены после ареста. Теперь для большинства людей, взятых агентами НКВД, этот шанс становился призрачным. Нельзя не обратить внимание на рост числа приговоренных к высшей мере наказания: расстрелу или "10 годам без права переписки", что на деле также означало смертный приговор. Согласно справке КГБ, составленной в 1990 г., из 786 тыс. приговоренных к расстрелу за "контрреволюционные и государственные преступления" в период с 1921 по 1953 г. 682 тыс. приходятся на 1937-38 гг. (для сравнения: в 1936 г., по официальным данным, было расстреляно 1118 чел.). Помимо этого, в 1937 г.

существенно пополнился ГУЛАГ - примерно на 0.6 млн. заключенных, а процент "политических" среди них "скакнул", согласно той же статистике, с 12-18% до 33-34%.

О массовых репрессиях в СССР в 1930-е годы имеется огромная литература. Большая группа авторов связывает их с общей репрессивной природой советского режима. В соответствии с этим взглядом, 1937 г. не является событием из ряда вон выходящим. Приводимые же выше данные скорее свидетельствуют об обратном. Однако и среди авторов, которые обращают внимание на специфические черты развязанного в 1937 г. террора, существует широкий диапазон мнений по поводу того, почему он разразился, против кого, в первую очередь, был направлен, кто были жертвы и сколько их, в конечном счете, оказалось.

В этой связи хотелось бы сказать об условности широко распространенного термина "ежовщина", применяемым для обозначения массовых репрессий в 1937-38 гг., который родился уже тогда, "по горячим следам событий", и связан с именем тогдашнего наркома НКВД Ежова, на которого сталинское руководство решило взвалить вину за "некоторые перегибы" организованной им же самим "кампании по выявлению и разоблачению врагов народа" и отмежеваться от нее. На самом деле, как было позднее установлено совершенно четко и документально, Сталин и все его окружение несут непосредственную ответственность за то, что происходило, а Ежов являлся всего лишь рьяным и усердным исполнителем руководящих установок. Тем не менее, чтобы отличить массовые репрессии этого времени от предыдущих и последующих термин "ежовщина" целесообразно сохранить.

По вопросу о том, почему Сталин и его окружение развязали в 1937 г. настоящий террор против своего народа, также существуют разные точки зрения. Группа авторов объясняет это стремлением Сталина избавиться от соперников и утвердить режим единоличной власти. Есть и другие мнения. Один из авторитетных на Западе исследователей советской истории И. Дейчер считал, что террор был развязан Сталиным в связи с опасностью надвигающейся войны. Дескать, Сталин хотел устранить возможное возникновение в СССР "пятой колонны" и обеспечить беспрекословное выполнение своих директив полностью подвластным и послушным ему аппаратом. Есть сторонники этой точки зрения и у нас в стране.

Большинство представителей тоталитарной школы рассматривают репрессии как средство создания тоталитарного государства, в котором устранены или раздавлены автономные или относительно независимые источники власти, а также как способ "атомизации" социальной структуры общества. Другие же, на-

пример З.Бжезинский, считают развязывание террора логическим следствием ранее возникшего тоталитарного большевистского режима.

Большое число авторов, как в России, так и на Западе, объясняя массовые репрессии, указывают в качестве их главного виновника Сталина как человека, страдающего психическими отклонениями, болезненной подозрительностью, маниакальной депрессией, шизофренией и т.д., порождавшими с его стороны недоверие ко всем окружающим и стремление избавиться от них. В том же ряду стоит концепция сталинского "дьявольского плана" по уничтожению потенциальных соперников, осуществленного "гением злодейства" и одержимого неумной жадной власти.

В последние годы на Западе получил распространение другой взгляд, исходящий из представления о репрессиях не как о едином процессе, у которого был один-единственный дирижер, а связывает "ежовщину" с общественной ситуацией, сложившейся в стране к этому времени. Призывая избегать при анализе репрессий предположений, догадок, спекуляций, нагнетания страстей и опираться на систему точно установленных фактов, извлеченных из архивных документов, в том числе ставших доступными в последние годы, эти авторы считают, что нужно посмотреть на "ежовщину" через призму состояния общества, существовавших в нем институтов и инструментов власти, внутренней борьбы в ВКП(б), групповых интересов и конфликтов в политической сфере.

Разделяя в целом такой подход, все же, как представляется, нужно искать причины вспышки массовых репрессий в 1937 г. не только в ситуации середины 1930-х годов, но и в более глубоких исторических основаниях. В разнузданной и крикливой кампании по выявлению и уничтожению врагов народа, развязанной в 1937 г., наблюдались черты, свойственные временам разжигания "охоты на ведьм", которые свидетельствовали о значительных аномалиях в развитии общества. Многие явления советской истории и дали тот всплеск, своеобразный резонанс, который пришелся на вторую половину 1930-х годов. К ним относятся и периодически проводимые "чистки" партии и аппарата, и преследования по социальным и политическим мотивам, и поощрение доноительства, явного и тайного, и постоянные проработки людей по поводу недостатков, искривлений партийной линии, и организованные ранее "показательные" процессы, и постоянный соблазн применить к "несознательным членам общества", наряду с убеждением и воспитанием, пропагандой и агитацией, методы принуждения и насилия, причислить их к врагам существующего строя, а значит и народа. Со своими про-

тивниками у советской власти со времен гражданской войны разговор был вообще короткий - пуля в затылок или широко распахнутые для них двери тюрем и лагерей. Таким образом, если в целом "ежовщина" представляла небывалое прежде явление, то все ее компоненты уже просматривались в исторической ретроспективе.

Но почему же все-таки массовый террор был развязан именно в 1937 г.? На это был свой комплекс причин, не в последнюю очередь связанный с провозглашением построения социализма в стране. Среди причин экономического характера следует назвать существование постоянных трудностей на производстве и в быту, провалы на различных участках, которых в "социалистическом обществе", казалось бы, не должно быть, сгладить нарастающие напряженность и раздражение, противоречие между тем, что было обещано, и тем, что было в действительности. Беды и неудачи надо было списать на козни врагов народа, на предателей, изменивших делу социализма. В закреплении этой идеологемы в сознании широких слоев населения большую роль сыграли новые так называемые "открытые процессы".

Первый из них был организован летом 1936 г. и был нацелен на то, чтобы привязать бывших оппозиционеров к числу самых ярых противников советского строя. "Козлами отпущения" были избраны Каменев и Зиновьев, ранее осужденные за "нравственное пособничество" убийству Кирова. Вместе с ними по процессу проходили ряд менее известных коммунистов из рядов бывшей "левой оппозиции" (всего 16 обвиняемых). Путем морального и физического давления в застенках НКВД у них были вырваны признания не только в идейных ошибках и заблуждениях, но и в организации антисоветской деятельности, в заговоре против Сталина и прочих руководителей, в связях с находившимся за границей Троцким. Были названы фамилии и других оппозиционеров, якобы вовлеченных в контрреволюционную деятельность, в том числе бывшие лидеры правых - Бухарин, Рыков, Томский. Всем обвиняемым был вынесен смертный приговор.

Параллельно с организацией процесса велась кампания по усилению "большевистской бдительности", "умению распознавать врагов партии, как бы те ни маскировались". На многочисленных митингах и собраниях принимались резолюции, клеймившие позором изменников и предателей, призывавшие расстрелять их как "бешеных собак". В этой обстановке был заменен руководитель карательного ведомства. Вместо Г.Ягоды, который, по мнению руководства, оказался не способным полностью разоблачить "троцкистско-зиновьевский блок", был назначен Ежов как человек более подходящий требованиям момента.

В январе 1937 г. состоялся второй "открытый процесс", известный как "процесс Пятакова-Радека". По нему проходило 17 человек, обвиняемых в создании "подпольного троцкистско-зиновьевского центра", якобы ставившего своей целью реставрацию капитализма в СССР, организацию массового саботажа и шпионажа в пользу иностранных государств. Последствия этого процесса, разыгранного уже по сценарию нового наркома, распространились на сферу экономики и охватили различные звенья и этажи управления. Начался настоящий террор против руководителей и специалистов. Ошибки в планировании, брак в работе, несчастные случаи, поломки оборудования и т.д. и т.п. могли быть использованы для обвинения в актах вредительства и саботажа. Образ повсеместного "вредителя и шпиона на производстве", внедряемый в массовое сознание, создавал атмосферу взаимной подозрительности, настраивал людей на разоблачения. С этой точки зрения "ежовщина" носила антибюрократический, популистский характер. Суровые расправы с мнимыми виновниками трудностей приносили частичное удовлетворение, позволяли "выпустить пар". Эта волна репрессий затронула близких друзей и соратников зам. председателя СНК Г.К. Орджоникидзе, который, будучи не в силах противостоять ей, покончил жизнь самоубийством.

Маховик репрессий набирал обороты. Важной вехой стал февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б). Изучение его материалов показывает, что истерия, связанная с репрессиями, и "расстрельная психология" охватила и верхушку партии. Люди, давно знавшие друг друга, работавшие вместе десятилетиями, были тем не менее готовы "растерзать" своих товарищей, требовали безоговорочного признания абсурдных обвинений и покаяния без всякой надежды на снисхождение. Были исключены из партии и арестованы Бухарин и Рыков. Подобная модель поведения распространилась на все руководящие эшелоны ВКП(б).

В своей речи на пленуме Сталин указывал, что страна оказалась в крайне опасном положении из-за происков саботажников, шпионов, диверсантов. Он обрушился на руководящие кадры, якобы пребывающие в самодовольстве и утратившие способность распознавать истинное лицо врага. Подвергались критике те, кто искусственно порождает трудности, создает большое число недовольных и раздраженных, те, кто старается "не выносить сор из избы", те, кто шлет вверх возмутительные фиктивные отчеты. В пример руководителям ставились рядовые члены партии, разоблачавшие врагов народа.

В марте-апреле началась кампания по переизбранию местных и районных комитетов партии. В ней содержался призыв к рядовым членам партии разоблачать злоупотребления местных ру-

ководителей. В июне 1937 г. в газетах было заявлено о вынесении смертного приговора особым военным трибуналом зам. наркома обороны М.Н.Тухачевскому и ряду крупных военачальников. Это послужило началом развязывания репрессий в Красной Армии.

Словно пожар, репрессии, касаясь поначалу небольшого круга лиц, охватывали все большее число людей. Подобно тому как проводились кампании по обсуждению конституции, выборам в Верховный Совет, успешной уборке урожая, заготовке кормов и т.п., велась кампания по выявлению и разоблачению врагов народа. Устанавливались даже квоты на то, сколько их должно быть выявлено в пределах той или иной территории. Развертывалось своего рода соревнование, кто больше разоблачит, кто больше проявит бдительности. Руководители, отстраняющиеся от этой кампании, сами рисковали оказаться в числе репрессированных. Тем не менее в ряде мест она протекала довольно вяло. В этих условиях инициатива переходила к аппарату НКВД. Из центра на периферию направлялись специальные уполномоченные вместе с сотрудниками НКВД, чтобы "выкурить и разорить гнезда троцкистско-фашистских клопов". Берия орудовал в Грузии, Каганович - последовательно в Иваново и Смоленске, Маленков - в Белоруссии и Армении, Молотов и Хрущев - на Украине. Каждая из этих "экспедиций" оставила по себе недобрую память.

Кульминационным пунктом "ежовщины" следует считать пышное заседание в Большом театре в декабре 1937 г., посвященное 20-летию юбилею органов госбезопасности. В каждом выступлении сквозило славословие в адрес "карающего меча диктатуры пролетариата" и "остроглазого наркома". Но, как уже часто бывало, неумеренное возвышение кого-то, помимо Сталина, имело свои последствия. Кроме того, Сталин и его приближенные встревожились, видя, какую роль стал повсеместно приобретать аппарат НКВД, выходящий уже из под контроля партийных органов.

В январе 1938 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее ошибки парторганизаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическое отношение к апелляциям исключенных. Осуждались клезуники, карьеристы, создававшие в партии атмосферу недоверия и подозрительности. Упоминались работники НКВД, прокуратуры и судебных органов, которые пошли на их поводу, допустив "ошибки" в осуждении честных коммунистов.

В марте 1938 г. состоялся последний "открытый процесс", известный как "процесс Рыкова-Бухарина", по которому проходил 21 человек. В отличие от других, этот процесс поражает

неоднородностью состава обвиняемых. Помимо собственно Бухарина и Рыкова - лидеров правой оппозиции (третий ее лидер Томский еще в августе 1936 г. покончил жизнь самоубийством), среди них оказались и бывшие троцкисты, и руководители наркоматов, и лидеры советских республик, и деятели международного коммунистического движения, и бывший глава НКВД Ягода. Обвинения предшествующего времени как бы сплетались в один клубок, что порождало явные несообразности и противоречия, на которые многие сразу же обратили внимание. (Обвиняемым приписывались убийство Кирова, Горького, Куйбышева, заговор против Сталина, саботаж в промышленности, вредительство в сельском хозяйстве, шпионаж в пользу Германии, Японии, Англии, Польши, пособничество националистам и пр.). Тем не менее практически все обвиняемые признали свои преступления. В обвинительном заключении генеральный прокурор СССР А.Я.Вышинский перенес акцент на последствия деятельности врагов народа для повседневной жизни советских людей. "Задачей всей этой вредительской организации было, - говорил он, - добиться такого положения, чтобы то, что у нас имеется в избытке, сделать дефицитным..."

Хотя почти все обвиняемые были приговорены к расстрелу, процесс не послужил сигналом для дальнейшего развертывания репрессий. Напротив, их вал постепенно идет на убыль. Как свидетельствует статистика, количество заключенных в ГУЛАГе в 1938 г. уменьшилось примерно на 200 тыс. Известны случаи освобождения из под следствия, из тюрем и лагерей. Снизилось число исключенных из партии и, наоборот, увеличился новый прием.

В августе 1938 г. Ежов он был назначен на незначительный пост наркома водного транспорта, а в декабре - совсем смещен с поста наркома НКВД. На его место был назначен другой сталинский ставленник Л.П.Берия.

В связи с "ежовщиной" нельзя не обратить внимание на некоторые тайные пружины действий власти. С развязыванием массовых репрессий в различные инстанции хлынул огромный поток писем и жалоб от самих пострадавших, членов их семей, друзей и знакомых. Хотя в литературе сложилось мнение, что они никак не влияли на политику руководства, изучение архивных документов показывает, что это не совсем так. Большинство писем по крайней мере прочитывалось и, видимо, их содержание так или иначе доводилось до сведения партийных вождей. В письмах идет речь о злоупотреблениях и безобразиях, творимых работниками НКВД, их авторы апеллируют к только что принятой конституции, пишут о необходимости соблюдения социалистической законности. На отстранение Ежова общество

ответило новым потоком разоблачений. Вот некоторые выдержки из писем, отражающие настроение общества:

... Как рядовой гражданин СССР не могу не откликнуться на устранение Ежова от руководства НКВД событие немалой важности. Призванный к работе, чтобы вскрыть предателей и изменников и очистить страну от вражеских элементов, он сам навредил столько, сколько быть может все предатели и изменники вместе взятые...

... Сейчас нет в стране почти ни одного дома, откуда кто-нибудь не сидел бы. Получилось в конце концов такая картина, что вся страна против советской власти. При этом совершались неслыханные жестокости. Под тяжелыми пытками люди вынуждены были "сознаться" в никогда не деланных преступлениях. Жена арестовывается потому только, что муж сидит. Дети бросались на произвол судьбы. О сосланных никому из родных ничего неизвестно.

... Получился резкий контраст между объявленной у нас Конституцией и проводимым в стране жестоким произволом. При чрезвычайно низкой у нас заработной плате, при отсутствии предметов первой необходимости, никто еще вдобавок не уверен, что он завтра не окажется в тюрьме...

... Со слов десятков и сотен тысяч невинных людей - Ежов просмотрел настоящих шпионов и диверсантов. У нас еще не прекратились пожары и взрывы на предприятиях, которые несомненно организуются диверсантами. Наивно думать, что страна полностью от них очищена. Но Ежов специализировал своих сотрудников на то, чтобы брать мирных граждан из постели, а настоящих диверсантов ловить разучились...

... Ни политика, ни законы советского государства, ничто не оправдывает то, что произошло в Туле за этот 1938 год. Тысячи арестов за один-два месяца, из которых очень небольшой процент арестов по законам, по существу. В массы просачиваются сведения, слухи, факты, которые только создают вредные настроения и недоверие. Даже в партийных рядах есть много осторожных разговоров о перегибах, о неверии в то, что справедливо судят и ссылают людей. После того, как распространились в массах слухи о снятии и аресте начальника управления НКВД и снятии бывшего наркома НКВД и аресте по другим городам представителей вла-

сти, стали говорить открыто о том, что тысячи невинных людей томятся в тюрьмах и в ссылке...

... Вполне советские люди, преданные советскому государству, чувствуют, что здесь что-то не так, что-то неладно. Создается впечатление, что сознательно все здесь перепутано, сознательно оголили крупные предприятия. Товарищи, все это не помогает советской власти, а только отдаляет людей. Я партийный человек, но я начинаю колебаться, у меня появляется какая-то апатия. Я знаю, какие разговоры и настроения в нашей партийной организации после того, как арестовывают и ссылают вполне честных людей. Если человек сказал, что нет ботинок - это не антисоветская агитация...

... Неужели до Вас еще не дошли все те ужасы, которые творятся у нас в провинциальных городах, где в буквальном смысле слова творятся ужасы, что даже не верится, что мы живем в "стране радостей". Ведь мы живем в счастливое время, а между тем нашими НКВД творятся форменным образом безобразия...

... Товарищи, вы лучше обратите внимание, что делается в наших НКВД и проверьте не втерся ли туда враг народа или не укрылся ли так кулак, который делает там всякие гадости с целью подрыва советской власти...

... Пишу от имени сотен женщин, которые пролили потоки слез, которые называют советскую тюрьму "стеною слез", где молодые следователи, чтобы пробить себе дорогу и проявить, якобы, свою бдительность, издеваются над арестованными... мы, женщины Советского Союза, требуем от власти, чтобы наших мужей судили открытым судом, чтобы мы знали, что наши мужья действительно враги народа и мы тогда сумеем вырвать их из своих сердец и порвать с ними навеки... Ведь когда-то промпартию и троцкистско-бухаринскую партию судили открытым судом, ведь была возможность прямо назвать их: гады, мерзавцы, подлецы, так вам и надо, не покушайтесь на нашу родную страну. А наших бедных мужей стали судить тайно, чтобы никто не знал...

... Обратите серьезное внимание на провинциальные органы НКВД, так как провинция всегда умела перегибать постановления партии и правительства, вот так и получилось у нас в провинции...

Стало ясно, что нужно "спустить пар". Участь Ежова была решена. Удаленный от дел, он пишет письма в ЦК, Сталину,

пытаясь оправдаться, представить себя верным сыном партии, добросовестно исполнявшим все ее руководящие указания и директивы. Однако это не спасло его от ареста. Несколько позже он был расстрелян вместе с плеядой своих, связанных круговой порукой, подчиненных.

Подводя итог массовым репрессиям в период "ежовщины", нельзя сказать точно, кто пострадал от нее больше, а кто меньше. В литературе часто перечисляются различные общественные группы, якобы в первую очередь пострадавшие от репрессий. Называются старые большевики, интеллигенция, военные, национальные кадры, работники различных ведомств.

Статистика однако этого не подтверждает. Она говорит, что в зоне повышенной опасности в тот период были бывшие оппозиционеры, крупные руководители и военачальники, хотя далеко не все из них подверглись репрессиям. Какой-то общей закономерности в них не прослеживается. Инициированная руководством кампания быстро вышла из под контроля и захлестнула общество. Досталось, как говорят, "всем сестрам по серьгам". Яростная и безжалостная машина репрессий в обстановке массового психоза и истерии была зачастую, не разбирая правого и виноватого, оставляя кровавые следы во всех общественных страдах и группах.

Что же заставляло людей поддерживать этот чудовищный конвейер и даже жаждать крови? Объяснение следует искать не только в системе власти и механизмах манипулирования массовым сознанием. Общество оказалось подготовленным к восприятию подобных явлений. В нем не было к тому времени ни одной устойчивой социальной группы. Оно почти сплошь состояло из людей, потерявших связи со старой социальной средой, утративших прежние нравственные и моральные ориентиры, определяемых по пословице "ни в городе Богдан, ни в селе Селифан". Такие люди представляют собой благодатную почву, на которой могут прорасти любые семена. Отсутствие правдивой информации и усиленное внедрение в массовое сознание неких стереотипов и стандартов поведения сопровождалось таинственностью и неизвестностью происходившего наверху. Срабатывали примитивные штампы вроде "нет дыма без огня", "зря у нас не сажают", вносившие свою лепту в натужный и поддельный энтузиазм в кампании по выявлению и разоблачению врагов народа, граничивший с кликушеством. Немалую роль играли, как вы-

ясняется сегодня, и шкурные интересы, стремление продвинуться по службе и занять место оклеветанного коллеги, получить привилегии, занять освобождаемую жилплощадь и пр. В какой-то мере "ежовщину", вслед за рядом автором, можно считать порождением "общества разрушенных структур". Нужно было время, чтобы новые социальные группы, возникшие в процессе "социалистического наступления", начали осознавать истинные свои интересы. "Ежовщина", без сомнения, имела свою социальную подоплеку.

Многие ученые и у нас, и на Западе придерживаются убеждения, что формирующаяся сталинская номенклатура была действенным и послушным орудием вождя, монолитной, сплоченной социальной группой, и, в этом смысле, - органической составной частью тоталитарного режима. Именно ее руками, в первую очередь, осуществлялись массовые репрессии. Интересно, что в данном случае сторонники тоталитарной модели почти смыкаются с адептами "Краткого курса ВКП(б)", утверждая, что стране в то тяжелое время необходима была монолитная сплоченная партия, способная руководить отсталой крестьянской страной, обеспечивать эффективность малообразованного и неподготовленного управленческого аппарата. Однако ВКП(б) и в 1930-е годы оставалась плохо организованным неуклюжим политическим организмом. В ней существовали и возникали постоянные конфликты, а обстановка подвела к возможности физического устранения соперников.

Огромные размеры страны, плохая связь между ее отдельными частями, низкий пока еще уровень культуры и образованности населения, нужда в подготовленных кадрах входили в противоречие с целями, которые провозглашались. Чтобы обеспечить эффективность управления на местах и претворение в жизнь намеченных планов, надо было наделить местных руководителей мало-мальскими полномочиями, как того требовала логика командно-административной системы, а не сноситься по каждому пустяку с центром. Необходимая власть концентрировалась в руках местных партийных секретарей. Но, поступая подобным образом, Москва как бы поступалась частью своих прав, что было отнюдь небезопасно для основ складывающейся централизованной системы. Не были случайными установки на контроль снизу, ответственность перед массами и призывы к критике и самокритике, бдительности, выявлению "врагов народа", антибюрократические настроения. Парадокс заключался в том, что активное насаждение и внедрение этих идей, направ-

ленных вроде бы на улучшение работы аппарата, разрушали даже тот минимальный уровень порядка и дисциплины, которые существовали внутри партии. Руководители всех уровней становились уязвимыми для критики как и сверху, так и снизу. Но и рядовые члены партии не могли чувствовать себя в безопасности, по мере того как разгоралась кампания и настраивала людей друг против друга. С этой точки зрения "ежовщина" представляла собой радикальную и истерическую реакцию на рост бюрократизма, некомпетентность и другие огрехи созданной системы. В волнах развязанных репрессий смешалось многое: хаос в управлении, волокита, бестолковость, ненависть к начальникам, допускающим злоупотребления и произвол, наивные надежды на то, что суровыми мерами можно радикально исправить ситуацию.

Несомненно, что сталинское руководство пыталось дирижировать кампанией, но на практике ему пришлось убедиться в том, что гораздо легче ее развязать, чем направить в нужное русло. Непрерывные искажения в цепи команд, спускаемых сверху и доходивших до нижних звеньев в весьма усеченном и деформированном виде, усугубляли хаос и дезорганизацию. Это одна из причин широкого размаха репрессий на местах.

Выдвижение новых кадров также сказывалось на росте напряженности в обществе, на столкновение интересов новой и старой поросли специалистов и выдвиженцев, старых и новых партийных кадров, "прагматиков" и "идеалистов". За каждым из них стояли свои социальные и политические силы, получавшие выигрыш в случае того или иного поворота в линии руководства.

Вопреки утверждениям сторонников тоталитарной школы "партия начальников" также оказалась не столь однородной и действующей "все как один" по заранее намеченному плану. Управление страной было настолько беспорядочным и неэффективным, что даже некоторые "тоталитаристы" были вынуждены признавать существенное отклонение от тоталитарной модели в случае с СССР, определяя ее как "несовершенный" или "недоразвитый" тоталитаризм. В свете новейших данных о состоянии советского общества в 1930-е годы и эта оценка представляется не совсем адекватной. Профессиональная некомпетентность и неумелость резко отличали советских руководителей от управленческого аппарата, который по идее должен быть

присущ тоталитарным режимам. Слабость центра в решении ключевых вопросов, элементы плюрализма в политической практике также противостоят концепции тоталитаризма. Очень часто власть на местах была в руках малообразованной и неотесанной администрации, которая, несмотря на все ее потуги, не могла соответствовать поставленным перед нею задачам. По сути это были местные "князьки", умеющие в основном кричать, разносить и арестовывать, в то время как проблемы оставались нерешенными, создавая богатую пищу для критики в духе осуществляемой кампании. Каждый, кто так или иначе пострадал от произвола и бюрократизма, как бы получал возможность свети старые счета.

В свете сказанного нужно рассматривать вопрос о сопротивлении режиму, который иногда поднимается в печати. Безусловно, что даже в обстановке массовых репрессий в обществе существовали антисоветские и антисталинские настроения, была масса недовольных. Об этом имеются достаточно многочисленные свидетельства. И все же, видимо, не стоит преувеличивать масштабы этого сопротивления. Сталинский режим имел свои социальные подпорки и большинство людей было искренне предано ему, готово было его защищать. Он отождествлялся с революцией, с идеалами социализма и советской государственностью. Это позволяет понять, почему даже многие подвергавшиеся репрессиям люди сохраняли верность существующему строю, рассматривали свою судьбу всего лишь как печальное недоразумение.

Были и такие, особенно среди "старой революционной гвардии", которые понимали, что происходит нечто противоестественное, но не пытались бороться против этого, превращаясь в мумии революционного прошлого. Фанатическая преданность революционным идеям стала для многих единственным светлым пятном в биографии. Во имя этих идей они готовы были оправдывать беззакония, унижения, пытки, тем более что сами были не безгрешны, не раз запуская в дело методы, усвоенные еще со времен военного коммунизма, убежденные, что великая цель оправдывает средства. Достаточно было подчас, чтобы их мучители произносили пару фраз из их революционного лексикона, и они делали то, что им подскажут, если того якобы требуют высшие интересы партии. Этот феномен общественного сознания привлекал пристальное внимание и ему, например, посвящен

замечательный роман А.Кестлера "Блестящая тьма". Имела также хождение формула: "Мы проиграли, мы должны покориться", принадлежащая, по некоторым свидетельствам, М.И.Калинину - представителю старой гвардии большевиков. Согривала надежда, что в скором будущем справедливость все-таки восторжествует.

6. СССР НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

К концу 1930-х годов в развитии советского общества обозначились новые, достаточно сложные проблемы и тенденции, как унаследованные от периода "социалистического наступления" - времени "бури и натиска", так и порожденные новыми обстоятельствами. Именно в эти годы окончательно определились хорошо знакомые нам по недавнему прошлому контуры советской партийно-государственной системы с присущими ей особенностями. Фактически на шестой части земного шара сложилась новая цивилизация, аналогов которой еще не было в истории, какие исторические параллели ни проводили бы современные авторы, пытающиеся сконструировать и подогнать реалии прошлого под некую типичную модель общественного развития.

Казалось бы, что с этой точки зрения указанный период должен был привлечь особо пристальное внимание исследователей, ибо он прежде всего дает ключ к пониманию и объяснению сложностей и противоречий истории последующих десятилетий и является необходимой предпосылкой для реформирования системы. Однако этого не случилось. Даже в официальной советской историографии предвоенному периоду не повезло. Внутренние проблемы СССР затрагивались мало. Во-многом это было обусловлено тем, что следовавшие вскоре масштабные мировые события переключали интерес исследователей на другую тематику, оставлявшую в стороне анализ глубинных процессов, происходивших в стране. Поэтому даже "мирный труд советских людей, прерванный злодейским нападением фашистской Германии на СССР" освещался мало и как-то скороговоркой.

Между тем события в мире, действительно, приобретали все более грозный поворот и оказывали влияние на жизнь советско-

го общества. Ощущение надвигающейся войны, которая все ближе и ближе подкатывалась к границам Советского Союза, проникало в сознание людей, вызывало чувство смутной тревоги и беспокойства, охватившие различные слои населения. Заключение "Антикоминтерновского пакта" между Германией и Японией и присоединение к нему Италии сопровождались усилением агрессивности установленных в этих странах режимов и нарастанием антисоветской риторики. На Востоке СССР вынужден был предпринимать практические шаги для сдерживания экспансии Японии. В этом контексте следует рассматривать помощь, которую оказывал СССР правительству Чан Кайши в Китае. Более того, советское руководство убедило китайских коммунистов присоединиться к единому фронту борьбы против японской агрессии. Летом 1938 г. произошло прямое столкновение между японскими и советскими войсками сначала в районе озера Хасан на Дальнем Востоке, а затем в Монголии на реке Халхин-Гол. Получившие "по зубам" японские генералы умили свой пыл по отношению к Советскому Союзу. Тем не менее к концу 1938 г. внешнеполитическое положение страны было очень сложным. Вполне реальной была угроза создания, как тогда говорили, "единого империалистического фронта против СССР".

Выводы, которые сделало сталинское руководство из новой ситуации, были следующие. Во-первых, была сделана ставка на всемерное укрепление военного потенциала СССР, что не могло не сказаться на развитии экономики страны. Во-вторых, на поддержание среди населения чувства боеготовности, патриотизма, уверенности в победе, причем в этой области наблюдался явный "перебор". Внушались мысли о мощи и непобедимости Красной Армии, достижении победы "малой кровью", превентивных ударах и быстром разгроме врага на его же собственной территории, о поддержке, которую немедленно окажут СССР трудящиеся других стран. Явно прослеживались "шапкозакидательские" настроения. В таком духе был создан, например, фильм "Если завтра война", шедший во всех кинотеатрах страны. В-третьих, во внешней политике был взят новый курс, в котором явно просматривалось имперское начало, стремление сыграть на так называемых "межимпериалистических" противоречиях.

На XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. Сталин заявил, что СССР не даст себя одурачить и не собирается "таскать каштаны из огня для поджигателей войны". Под "поджигателями" подразумевались страны Запада, которые хотели бы отвести от себя угрозу и направить германскую активность на Восток. На это указывали "Мюнхенский сговор" в сентябре 1938 г. между Гитлером, Чемберленом и Даладье и договор о ненападении, заклю-

ченый между Францией и Германией в декабре 1938 г. В этой обстановке началось сближение СССР со странами "оси". Не прерывая вялотекущих переговоров с Великобританией и Францией о противодействии экспансии Гитлера в Европе, сталинское руководство предпринимает ряд шагов в противоположном направлении. В мае был смещен руководитель НКВД М. Литвинов - главный конструктор "системы коллективной безопасности". На его место был назначен Молотов - сторонник прогерманской ориентации. Лето 1939 г. проходило под флагом секретной дипломатической игры, уточнения позиций, выяснения дальнейших намерений. Не видя конкретной пользы для себя из англо-французских предложений и недовольное ходом и уровнем переговоров, сталинское руководство сочло более выгодным сближение с нацистским режимом. 23 августа в Москву прибыл посланец Гитлера Риббентроп, наделенный чрезвычайными полномочиями, и в тот же день был подписан заранее подготовленный пакт о ненападении между СССР и Германией. Действие договора было рассчитано на 10 лет и вступало в силу немедленно.

Подписание договора вызвало настоящий фурор во всем мире и имело огромные последствия. Их отголоски до сих пор будоражат общественное мнение и лежат в основе различных версий об истоках и причинах развязывания Второй мировой войны. Между тем заключение подобных соглашений обычное явление в международной практике. Стремление любой страны обезопасить себя вполне понятно. Но предметом критики является не столько сам договор, сколько секретный протокол, составленный в качестве приложения к нему. В нем шла речь о разграничении сфер влияния в Восточной Европе. В зоне советских интересов оказывались Финляндия, Бессарабия и Прибалтика до северной границы Литвы. В протоколе ничего не говорилось о судьбе Польши, однако имеются некоторые свидетельства о том, что это "умолчание" не было случайным. Договаривающиеся стороны условились о невмешательстве в случае конфликта одной из них с "третьей державой".

Из содержания секретного протокола ясно, почему Сталин пошел на заключение пакта. Он удовлетворял его возрастающим великодержавным устремлениям. Гитлер же в результате подписания соглашения хотя бы на время развязывал себе руки, не опасаясь противодействия СССР.

1 сентября 1939 г. германские войска вторглись в Польшу. Англия и Франция немедленно объявили войну Германии. Началась Вторая мировая война, в которую вовлекались все большее число государств и территорий. Между тем сопротивление Польши было сломлено буквально в течение одной-двух недель. 17 сентября на ее восточные земли вступили войска Красной

Армии под предлогом оказания помощи населению Зап. Украины и Зап. Белоруссии, которые "оказались в опасности ввиду распада польского государства". В какой-то мере этот шаг был неожиданным для Германии, но она была вынуждена до поры до времени идти на уступки сталинскому руководству. Согласно соглашению от 28 сентября 1939 г., известном как договор о дружбе и границах, произошел раздел польского государства. Советско-германская граница была установлена примерно по прелесовой линии Керзона. В зону советского влияния перешла также Литва. Сразу за этим последовало заключение "договоров о взаимопомощи" с прибалтийскими республиками, по которым на их территорию вводились советские войска и предоставлялись базы для размещения ВМФ.

Через некоторое время Советский Союз предъявил ряд претензий к Финляндии. В них содержалось требование о демилитаризации приграничной зоны, отодвижении границы на 70 км от Ленинграда, ликвидации финских военно-морских баз. Взамен финнам предлагались территории на Севере. После того как Финляндия отвергла эти предложения, в ноябре 1939 г. СССР развязал против нее военные действия, рассчитанные на быструю победу. Одновременно было объявлено о создании "народного правительства Финляндии" во главе с О. Куусиненом и состоявшего большей частью из финских коммунистов, работавших в Москве.

Война, однако, протекала с большими трудностями. Красная Армия в течение многих недель безуспешно штурмовала "линию Маннергейма" - систему мощных укреплений, созданных финнами на Карельском перешейке. Лишь в феврале 1940 г. она, наконец, была прорвана и советские войска заняли Выборг. Финляндия запросила мира. По договору, заключенному в марте 1940 г., ей пришлось уступить СССР значительную часть своей территории. В "назидание" финнам была образована новая союзная республика - Карело-Финская ССР, включающая Карелию и некоторые отвоеванные у Финляндии земли.

Советско-финляндская война имела ряд важных следствий. Полностью цели войны, как видно, не были достигнуты. Советский Союз был осужден как агрессор и исключен из Лиги Наций. Англия и Франция всерьез рассматривали вопрос о вооруженной помощи Финляндии. Германия, с которой у последней завязывались все более тесные отношения, также косо посматривала на действия СССР. После этой войны Финляндия, мечтавшая о реванше, склонялась уже к полному военному союзу с Гитлером. Война, по-видимому, сыграла свою роль и в сроках принятия решения германского руководства напасть на Советский Союз,

так как в ходе ее обнаружили очевидные слабости в боевой подготовке Красной Армии.

В июне 1940 г. советское правительство обвинило прибалтийские республики в нарушении "договоров о взаимопомощи" и потребовало создания в Литве, Латвии и Эстонии коалиционных правительств, подконтрольных специально назначенным эмиссарам из Москвы. Затем в этих странах были проведены выборы наподобие тех, что сравнительно недавно прошли в СССР с безальтернативным голосованием за кандидатов, подобранных из местных коммунистов. Избранные таким способом парламенты обратились в Верховный Совет СССР с просьбой о принятии этих республик в состав союзного государства. В августе 1940 г. эта просьба была удовлетворена.

В то же время было реализовано расширение "сферы советских интересов" на границах с Румынией. Советское правительство предъявило ей ультиматум о немедленном возвращении "незаконно отторгнутой Бессарабии" и передаче в состав СССР Сев. Буковины. Румыния вынуждена была согласиться. Часть Бессарабии и ранее входившая в состав УССР Молдавская автономия на левом берегу Днестра в августе 1940 г. были включены во вновь образованную Молдавскую ССР, остальные приобретения - в состав УССР.

Таким образом, в течение года со времени заключения советско-германского пакта территория СССР значительно увеличилась (приблизительно на 300 тыс. кв. км), а его население выросло примерно на 23 млн. человек. Возвращенные в "лоно империи" народы поначалу довольно спокойно отнеслись к этому событию. Никаких бурных проявлений общественного недовольства, крупных вооруженных стычек отмечено не было, в отличие от того, что происходило на ряде этих территорий после Второй мировой войны. Однако уже тогда, в 1939-41 гг., обозначились черты той политики, которая не могла не вызвать противодействия местного населения. В целом для территорий, вошедших в состав СССР, был провозглашен переходный от капитализма к социализму период, задачи которого должны были решаться с "братской помощью всех народов СССР". В то же время стало ясно, каким общественным элементам предстояла скорая ликвидация в духе той, которая ранее имела место в Советском Союзе. Под угрозой оказался весь частно-предпринимательский сектор, крупные и мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства, достаточно прочно укоренившиеся на ряде территорий в предшествующие десятилетия. Проведение сплошной и насильственной коллективизации неизбежно сталкивалось бы здесь с гораздо более сильным сопротивлением, чем в других районах СССР. Требовалась более умеренная и осто-

рожная политика, проводить которую сталинское руководство не было способно, следуя путем перенесения сложившейся к концу 1930-х годов модели социально-экономического и политического развития на новое пространство. Уже в предвоенный период начались национализация, перераспределение земли, массовые депортации на Восток "враждебных и нелояльных элементов", репрессии против "буржуазных националистов" и "врагов народа". Особенно пострадали от этого поляки как представители враждебного СССР государства. Остатки польской армии, оказавшиеся на советской территории, были интернированы. До сих пор кровоточащим пятном во взаимоотношениях России и Польши является так называемое "Катынское дело", связанное с расстрелом в СССР 15 тыс. польских офицеров, обстоятельства которого до конца так и не выяснены.

Пожалуй, в гораздо большей степени плодами советско-германского пакта воспользовался Гитлер. Именно пакт открыл дорогу победному шествию армий вермахта по Европе. Занятый своими делами гитлеровский режим "сквозь пальцы" смотрел на экспансию Советского Союза, приобретая в ее результате военных союзников в лице "обиженных" стран, как в случае с Финляндией и Румынией. Советское руководство, взяв курс на поддержку наиболее агрессивных режимов и оказавшись с ними в одной упряжке, все более оказывалось в крайне неудобном и двусмысленном положении. Оно продолжало слать приветственные телеграммы по случаю "блестательных побед германского оружия", словно не замечая, что вместе с ними увеличивается экономическая и военная мощь Германии и ее союзников. Более того, Советский Союз, заключив в феврале 1940 г. соглашение с Германией об экономическом сотрудничестве, внес свою лепту в возрастание этой мощи, поставляя Германии сырье и сельскохозяйственные продукты. После разгрома Франции, оккупации Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Югославии, Албании, Греции основная часть европейского континента оказалась или под пятой режимов Гитлера и Муссолини, или в числе их союзников. Вставал вопрос о том, куда теперь обрушится следующий виток агрессии. Сталин и его советники были уверены, что активность держав "оси" будет направлена против Британской империи. На это вроде бы указывали некоторые признаки, а именно: налеты на Англию, военные действия в Африке, в Атлантике, на Тихом океане. Советское руководство даже подыгрывало этим агрессивным поползновениям, представляя Германию и ее союзников миролюбивыми державами, а в качестве агрессоров - ее противников. Предпринимались шаги, направленные на присоединение СССР к Тройственному пакту Германии, Италии, Японии. Однако предложения, которые выдвигало советское ру-

ководство, явно свидетельствовавшие о дальнейшем росте его имперских аппетитов (распространение зоны советского влияния до Персидского залива на Юге, включение в нее Болгарии, турецких проливов и т.п.), остались без ответа. Германия уже полным ходом вела подготовку к войне против СССР. К частичным успехам советской дипломатии этого времени следует отнести заключение в апреле 1941 г. договора о ненападении с Японией, но в целом в закулисных маневрах, которые велись накануне вторжения Германии в СССР, Гитлер явно переигрывал Сталина. В результате страна очутилась перед лицом самой страшной опасности из тех, что выпали на ее долю в истории.

События на международной арене, как уже было сказано, самым непосредственным образом влияли на обстановку в СССР, гораздо больше, чем в предшествующие годы, но все же главное, что должно быть принято во внимание, это положение внутри страны, в ее экономике, социальной сфере, в других областях общественной жизни.

Провозглашение построения социализма в СССР имело свою оборотную сторону, о которой руководство едва ли полностью отдавало себе отчет. Пока в обществе существовали великие цели, легче было зажигать его энтузиазмом, поднимать людей на свершения и подвиги, нагнетать страсти. Теперь же было заявлено, что в основном эти цели достигнуты. Настало время оглянуться вокруг, подвести итоги. Несмотря на шумную пропаганду, льющуюся со страниц газет и по радио о достигнутых успехах, червь сомнения поселился в душах людей, особенно тех, кто знавал в своей жизни лучшие времена. Разочарование было бы еще большим, если бы общество знало истинное положение дел. Однако именно предвоенные годы были отмечены отсутствием какой-либо правдивой информации. Было бы неверно судить, как это часто делается, о стереотипах массового сознания тех лет по прессе, книгам и многочисленным кинофильмам, созданным в традициях социалистического реализма, вселяющим бодрость, оптимизм, радостное настроение и лишь отдаленно схожим с реалиями повседневной действительности. Это были подчас очень талантливые произведения, популярные до сего времени. Для одних сегодня их герои - "совки", люди с извращенной логикой и психологией, для других - олицетворение романтики и ностальгии по прошлому. На самом же деле массовое сознание тех лет было гораздо более сложным и дифференцированным.

Продолжительный марш, под знаменем которого прошли предшествующие годы, заканчивался. Жизнь обретала будничные черты, проникнутые постоянными нуждами и заботами. Попытки воодушевить общество программой построения коммунизма "под знаменем Ленина, под водительством Сталина", намеченной уже на третью пятилетку, не сопровождались массовым общественным порывом, сравнимым с периодом "социалистического наступления". Волны энтузиазма пошли на убыль, хотя внешние формы его проявления оставались те же: лозунги, призывы, бесчисленные митинги и собрания, эффект от которых становился меньше и меньше. Стало заметным возрастание политической апатии, уклонение от общественной активности. Начался процесс "окаменения" системы.

Эти явления немедленно сказались на развитии экономики. По плану третьей пятилетки, который рассматривался на XVIII съезде ВКП(б), национальный доход страны должен был возрасти на 100%, уровень потребления на душу населения - на 75%. Объем промышленного производства намечалось удвоить, а сельскохозяйственного - увеличить в 1.5 раза. Это предусматривало соответственно 20 и 10% ежегодного прироста. На самом же деле, за три года до начала войны прирост промышленности составлял в среднем не выше 3-4% в год, а сельское хозяйство вообще топталось на месте. Помпезная Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, открытая в 1939 г., служила скорее местом показухи, гигантомании и демонстрации "липовых" рекордов, чем способом распространения различных новаций в земледелии и животноводстве.

Считается, что хозяйственные трудности во-многом были связаны с последствиями массовых репрессий, нанесшими урон кадрам управленцев и ИТР. Однако внимательный анализ говорит, что спады на производстве наблюдались и раньше, в частности еще в 1936 г., когда пошло на сокращение производство угля, нефти, древесины. Симптомом замедления экономического роста стало относительное уменьшение доли новых капиталовложений в экономику. Если в 1934-1935 гг. они составляли более половины госбюджета, то в 1940 г. - всего лишь треть, а накануне войны сократились и в абсолютном выражении.

Представляется, что основные причины экономических трудностей конца 1930-х годов проистекали из органических дефектов созданной централизованной бюрократической планово-

распределительной системы, которая к этому времени приобрела более или менее завершённые контуры и инерционный характер. Если последовательно день за днем проследить деятельность любого наркомата-ведомства, выраженную в приказах, распоряжениях, инструкциях и т.п., то можно увидеть срывы планов, неправильное использование оборудования и техники, задержки в ее установке, распыление средств, диспропорции на различных производственных участках и другие факты, свидетельствующие о противоестественном надрывном ходе хозяйственных процессов, не гарантирующем от провалов и сбоев и требующем постоянного вмешательства сверху для развязывания "узлов". Единая промышленность распадалась на "уделы", во главе которых стояли свои "князья", довольно известные личности, главной задачей которых стало выбить средства для выполнения плановых заданий, убедить Сталина (СНК и СТО, Госплан, ЦК) в первоочередности своих нужд, уберечь свой наркомат от наскоков и поползновений со стороны других ведомств.

Борьба за благосклонность центра повторялась на региональном уровне. Руководители предприятий старались выбить побольше ресурсов, чтобы иметь возможность маневрировать, способствуя тем самым нарастанию дефицитов. Система пребывала в состоянии постоянной напряженности. Одним из способов разрешения трудностей продолжала оставаться репрессивная политика, которая, не устраняя их причин, способствовала складыванию и выдвиганию особого типа руководителей, умеющих "держать нос по ветру", "устроить разнос", "втереть очки", "пустить пыль в глаза" и т.п.

Назначение разного рода комиссий, создание "штабов" с большими полномочиями, проведение "активов", комплексных проверок с весьма неприятными для проверяемых последствиями - тоже типичная черта советской действительности того времени. "Кадры" пребывали в постоянном напряжении и страхе, утрачивали свойственную прежним руководителям напористость, инициативность и открытость.

Правовые отношения на производстве стали регламентироваться едва ли не уголовным законодательством. По постановлению, принятому СНК в январе 1939 г., любое опоздание на работу на 20 минут приравнивалось к неоправданному отсутствию, а повторное опоздание вело к увольнению работника. В мае 1939 г. было принято постановление об обязательной выработке ми-

нимума трудодней в колхозах - нечто уже похожее на "барщину". Указ Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г. предусматривал еще более строгие меры. Любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в народном суде. Признанные виновными приговаривались к исправительным работам на рабочем месте сроком до 6 месяцев с удержанием 25% заработка. Одновременно вместо 7-часового вводился 8-часовой рабочий день и семидневная рабочая неделя. Раньше это объяснялось оборонными интересами, однако скорее всего данное мероприятие было связано с возникшими производственными трудностями.

Одной из отличительных черт предвоенной экономики стала ведомственная экспансия. Число наркоматов стремительно увеличивалось. Если по конституции 1936 г. было установлено 18 союзных и союзно-республиканских наркоматов, то накануне войны их было около 40, не считая главных управлений и комитетов. Так, НКТП накануне войны распался на 17 отдельных наркоматов. Экономика, следуя законам планово-распределительной системы, приобретала ярко выраженный ведомственный характер со складывающейся иерархией и приоритетами отраслей и возрастанием их замкнутости.

Особое положение сохранялось за тяжелой промышленностью (группа "А"). Сюда по-прежнему направлялась львиная доля капиталовложений в ущерб отраслям легкой промышленности (группа "Б"), усиливая однобокий и уродливый характер народного хозяйства. Отставание производства товаров широкого потребления приводило к нарастанию товарного голода и постоянным дефицитам в продуктах даже самой первой необходимости. Вот, например, отрывки из сообщения, дающего типичную "картинку" из повседневной жизни того времени:

В станице Белая Калитва Ростовской области 26 и 27 ноября сего [1938] года проходила колхозная ярмарка, где скопилось несколько тысяч колхозников и рабочих для покупки промышленных товаров, так как в местной газете "Сталинский клич" было объявлено о достаточном количестве завезенных на колхозный рынок промтоваров. На ларьках торговых на красном полотнище огромными буквами были написаны лозунги "За культурную советскую торговлю в городе и деревне!..."

... Очереди у мануфактурных ларьков выстроились ночью. В 10 часов утра начали привозить мануфактуру. Подводы поломали очередь, и кто был первым - очутился последним, последние - очутились первыми. Поэтому мануфактуру могли купить спекулятивные элементы и по знакомству, [а также] многие лица, [которые] выдавали себя за членов содействия милиции. Прейскуранта на товары не было, а следовательно, - неизбежный обсчет покупателей.

Когда же начали мануфактуру покупать и бросать через головы, очереди совершенно поломались, образовалась общая сутолока и сплошной массив народа, что давало возможность лезть по головам в грязных сапогах и грязной одежде. Конкретно ... по головам ползли Леонов Роман и Черников Николай. Белоусову Марфу вытащили в безсознательном состоянии в растрепанном виде. Гражданину Аксенову с хутора Крутинского разбили нос - сильно шла кровь...

На следующее утро гражданин Мазолевский в форме железнодорожника тоже лез по головам, и особенно циническое издевательство было проявлено над 15-летней гражданкой Какичевой Натальей с хутора Форштадт. Она была выброшена на головы и каталась по головам (обнажены были ноги)...

... Я рассматриваю, что это работа классового врага, конкретная контрреволюционная агитация на практике...

Как свидетельствовали сообщения из других мест на всем протяжении довоенных лет, дефицит продуктов первой необходимости был постоянным явлением. В связи с этим высказывались даже предложения снова ввести "карточки".

В стране стремительно усиливались позиции формирующегося военно-промышленного комплекса (ВПК), содержание которого ложилось тяжелым бременем на все народное хозяйство. Курс на "укрепление обороноспособности советского государства" складывался из многих факторов, где не последнюю роль играло нарастание военной угрозы. Уже в период первой и второй пятилеток началось техническое перевооружение, "моторизация" Красной Армии. Ее численность с 1934 по 1937 г. была увеличена в 2,5 раза. Были созданы и развернуты новые ти-

пы самолетов, танков, кораблей, артиллерий-ских систем. Но все это было почти ничто по сравнению с последовавшими за этим оборонными мероприятиями. В сентябре 1939 г. в стране была введена всеобщая воинская обязанность. Численность вооруженных сил за один год увеличилась более чем вдвое и достигла 4.2 млн. человек. Расходы на военные нужды возросли с 11% бюджета в 1935 г. до 32.5% в 1940 г. Совершенно очевидно, что в условиях сокращения прироста нового производства военный сектор стал превращаться в "пожирающий" другие отрасли.

Несмотря на приоритетные позиции, которые занял ВПК в предвоенные годы, ему были присущи все огрехи, свойственные затратной экстенсивной экономике, провалы и сбои на разных участках. Производство вооружений шло зачастую путем их количественного наращивания. Новые системы внедрялись с существенными задержками. Так, за три года до войны было произведено около 23 тыс. боевых самолетов, но лишь 12% из них принадлежали к машинам новых типов. К началу войны на вооружении Красной Армии было 22 тыс. танков, но лишь 9% от этого числа составляли танки новых образцов - Т-34 и КВ. Тем не менее количественный и качественный рост вооруженных сил требовал подготовки соответствующего командного и технического состава, за которой не поспевали курсы, школы, училища, военные академии. Потребовался ряд экстраординарных мер, едва ли не принудительный (по разрядке) набор курсантов в военно-учебные заведения. Существенный урон военным кадрам нанесла "ежовщина", и, кажется, что их, прежде всего, коснулась частичная реабилитация ее жертв. Советско-финляндская война 1939-40 гг. особенно наглядно обнаружила проблемы, существующие в Красной Армии и ВПК.

Дальнейшее развертывание военного производства сказывалось и на сельском хозяйстве. Наращивание "мото-ризации" вооруженных сил вело к тому, что на село, в МТС стало меньше поступать тракторов, автомобилей, топлива, горюче-смазочных материалов. Да и сама деревня накануне войны представляла собой сгусток противоречий, и главное из них - между общественным и личным подсобным хозяйством. Задачи увеличения сельскохозяйственного производства и рост плановых заданий требовали, чтобы крестьяне как можно больше работали на колхозных полях. Но отсутствие серьезных стимулов в колхозном

труде и мизерное вознаграждение за него вынуждало колхозников затрачивать больше усилий на своих приусадебных участках. Занимая ничтожную долю посевных площадей и имея гораздо меньшее по численности количество скота и птицы, личные подсобные хозяйства колхозников давали почти половину сельскохозяйственной продукции в стране. Они же обеспечивали крестьянам основную часть их денежного дохода и позволяли как-то существовать. Естественно, что крестьяне стремились уклониться от работы в колхозе. В свою очередь, это вызывало ответные меры, давление на них, принуждение к труду со стороны колхозного начальства. Мало того, что работа на колхозных полях и фермах была очень нелегкой, занятия в личных подсобных хозяйствах становились способом консервации тяжелого ручного труда, так как сельская администрация почти не оказывала им поддержки, строго следя, между прочим, за своевременной уплатой налогов. Помимо этого, колхозники по линии сельсоветов обязаны были выполнять отдельные государственные трудовые повинности, так что жизнь в деревне поистине превращалась в каторжную.

К концу 1930-х годов окончательно сложилась система управления экономикой и государством, которая называлась в нашей литературе административно-командной и в основных чертах просуществовала достаточно длительное время. В чем-то обнаруживалось сходство с дореволюционным государственным устройством. Наркоматы, например, стали походить на прежние министерства. Окончательно оформилась номенклатура - штатное расписание огромного государственного хозяйства. Главным способом управления стало директивное планирование, представлявшее собой систему приоритетов в снабжении и распределении средств, тоже достаточно четко определившуюся уже накануне войны. Правда, возникло новое противоречие между основами планирования, которое централизованно осуществлялось по ведомствам и экономическим районам, и общими принципами территориально-административного устройства. Выработать оптимальную модель совмещения хозяйственной деятельности и административного руководства не удалось. Это противоречие должно было сниматься за счет централизации и изъятия самостоятельных функций управления у местных органов. Путем дробления административных единиц страна фактически вернулась к прежнему губернскому делению под именем краев и об-

ластей. Накануне войны их было уже более сотни. Отличием от прежнего государственного устройства было существование национальных образований. Накануне войны в СССР входило 16 союзных и 21 автономных республик. Правда, последние мало чем отличались от областей, за исключением некоторых формальных регалий и атрибутов.

Когда началась война, она на время как бы отложила разрешение многих противоречий, наметившихся в предвоенные годы, и даже, как представляется, способствовала развитию некоторых тенденций, заложенных в самой системе хозяйствования и управления.

7. ДОВОЕННОЕ СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Одним из самых малоразработанных в исторической литературе является вопрос о социальной структуре советского общества, об изменениях которые в ней произошли к концу 1930-х годов. При этом следует подчеркнуть, что данный вопрос является достаточно сложным и базируется на анализе взаимодействия различных классов и общественных групп, определяющих тенденции социального развития. Понятие социальной структуры общества неразрывно связано с изучением состава всего населения страны. Сведения об этом можно получить из переписей населения, которые, к сожалению, позволяют лишь косвенно судить о происшедших социальных сдвигах.

Сначала надо сказать о динамике общей численности населения СССР в 1930-е годы. На нее, несомненно, оказали влияние множество факторов, которые нелегко учесть в совокупности. К их числу относится вступление СССР в стадию демографического перехода, т.е. перехода на иной режим воспроизводства населения, вызванный к жизни процессами ускоренной модернизации и отмеченный относительно быстрым снижением коэффициента его естественного прироста. Так, если в 1928 г. этот показатель был равен 2.41%, то в 1935 г. - 1.4%. На его быстром падении сказывались также последствия демографических катастроф 1914-1922 гг. И главное, на что, видимо, нужно обратить особое внимание, - это результаты действий сталинского руководства, связанные с проведением насильственной коллективизации, ликвидацией кулачества как класса, голодом 1932-33 г.

Уже в середине 1930-х годов органы ЦУНХУ стали докладывать наверх о сокращении числа родившихся детей. Была предпринята попытка решить эту проблему чисто административной мерой - путем запрещения аборт. Она на первых порах произвела известный эффект. Если в 1935 г., согласно статистике заг-

сов, в стране родилось 4.9 млн. младенцев, то в 1936 г. - 5.3 млн., а в 1937 г. - 6.4 млн. Однако никакие запреты не могли остановить объективные законы движения народонаселения, и в последующие годы уровень рождаемости снова начал падать. Более того, как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, в стране стали быстро расти подпольные аборты, младенческая смертность, что вызвало тревогу у официальных лиц.

В начале 1937 г. в стране была проведена всеобщая перепись населения. Ее общий итог (162 млн. человек) в сопоставлении со статистикой текущего демографического учета показал нехватку в 6.3 млн. человек. Расхождение между ожидаемыми (а ожидалось значительно больше, чем по текущему учету) и реальными цифрами численности населения привело в ярость ряд руководителей и, прежде всего, председателя СНК Молотова. Виноватой была признана статистика, а не печальные результаты экспериментов предшествующих лет. Специальной комиссией перепись была дезавуирована, а ответственные за ее проведение лица репрессированы как враги народа. Было решено провести в начале 1939 г. новую перепись. Одной из ее задач было "исправить недостатки" предыдущей, т.е. скрыть от общества негативные последствия проводимой политики, приведшие к миллионным жертвам.

Общая численность населения СССР по официальным данным переписи 1939 г. составила 170.6 млн. человек. Эта цифра вызывает сильное сомнение. Большинство исследователей сходится на том, что ближе к истине находится цифра в 167.3 млн. человек, полученная в качестве одного из промежуточных итогов переписи, затем скорректированная в сторону повышения. (Как показывает детальный анализ - за счет самых младших возрастных групп). Это подтверждается и текущей демографической статистикой. Согласно ей, естественный прирост населения за 1937 и 1938 гг. вместе составил - 6.7 млн. человек. Если вычтены из этой цифры численность людей, пострадавших в указанные годы от "ежовщины" и расстрелянных в застенках НКВД (о чем уже говорилось), то второй итог выглядит гораздо более правдоподобным.

В то же время и официальная цифра численности населения включает в себе своеобразный компромисс. Ею как бы признавалось, что в предшествующие годы были значительные людские потери (в количестве примерно 4-5 млн. человек), на что обратили внимание статистики. В действительности же число сверхестественных смертей, пришедшихся на 1930-е годы, находится в пределах от 7 до 8 млн. человек. Сама по себе это огромная цифра, напоминающая о громадных демографических катаклизмах в истории, и не стоит громоздить десятки милли-

онов жертв, как это часто делается в литературе, чтобы подчеркнуть преступный характер режима, вступая при этом на путь искажения правды. Рост населения за счет присоединенных в 1939-1940 гг. территорий в какой-то мере сгладил проблему "неблагополучных цифр". К моменту нападения Германии на Советский Союз его население по официальным оценкам составляло 197 млн. человек (на самом деле, видимо, несколько меньше).

Детальный анализ состава населения СССР на конец 1930-х годов долгое время произвести было почти невозможно, поскольку практически единственный источник для этого - материалы переписи 1939 г. были засекречены и в полном объеме недоступны широкой общественности. Сегодня их, с рядом оговорок, можно использовать для этой цели, а также судить о некоторых изменениях в социальной структуре общества и наметившихся в ней накануне войны тенденций.

Первое, что сразу бросается в глаза, это то, что состав населения СССР на конец 1930-х годов был отмечен явным преобладанием молодых возрастов - явление, типичное для стран, переживающих последствия демографического взрыва. По принятой международной классификации такой состав присущ странам с прогрессивной возрастной структурой и определяется как молодое растущее население. Это, в свою очередь, оказывало влияние на состав рабочей силы, трудовых ресурсов, на характер социальных процессов. В обществах такого типа, и особенно в советском, переживающем стадию своего становления, это было чревато возникновением разного рода конфликтов между старшими и молодыми поколениями.

Второе, что необходимо отметить, сравнивая данные о населении СССР в 1920-х и 1930-х годах, - существенный сдвиг в соотношении городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% жителей, то в 1939 г. - 33%. (Вообще говоря, по переписи процент лиц, проживающих в городах, составлял 31.3 %, в сельской местности - 65.2%. Однако, около 6 млн. человек, т.е. 3.5%, переписанных в особом порядке, - военнослужащие, заключенные, трудпоселенцы и др., - находились как бы между городом и деревней. Их перераспределение по "городам и весям", сделанное разработчиками переписи, дает указанные пропорции). Процесс урбанизации имел постоянно нарастающий характер. Доля сельского населения к концу 1930-х годов уменьшилась не только в относительном, но и в абсолютном выражении, положив начало длительному процессу постоянного сокращения сельских жителей вплоть до конца 1980-х годов.

Третье, на что необходимо указать, это весьма существенные изменения в структуре занятости. Доля лиц, занятых в различных отраслях народного хозяйства, составляла 46% от общей численности населения. На долю иждивенцев отдельных лиц, главным образом детей и подростков, приходилось 47% населения. 3.9 млн. (2.3%) относились к пенсионерам и стипендиатам, находившимся на содержании государства.

Уровень занятости по отношению к взрослому населению страны был достигнут весьма высокий. При существующем затратном экстенсивном хозяйственном механизме большинство людей было так или иначе интегрировано в созданную систему занятости. Дополнительные источники привлечения рабочей силы, существовавшие в 1920-е годы, были близки к исчерпанию. В сущности было покончено с проблемой аграрного перенаселения. Только 8.3 млн. человек (4.8% жителей), из них 6.9 млн. в деревне, было зарегистрировано в качестве членов семьи, помогающих в личном подсобном сельском хозяйстве, 95% от их общего числа составляли женщины, главным образом члены семей колхозников (50.8%), сельских и городских рабочих (32.4%).

Подавляющее большинство женщин были вовлечены в общественное производство. Сложились своего рода профессиональные группы преимущественно женского труда: различные категории медицинского персонала, учителя начальных школ, воспитатели детских садов и ясель, работники библиотек, почтово-телеграфной службы, продавцы, счетоводы, кассиры, колхозные звеньевые, работницы текстильных, табачных, кондитерских фабрик, повара, официантки, прачки, курьеры, уборщицы.

Главным же источником пополнения трудовых ресурсов становилось теперь подрастающее поколение. Дети в СССР находились в относительно привилегированном положении по сравнению с остальными группами населения. В течение всех 1930-х годов был осуществлен целый ряд мероприятий, направленных на заботу о материнстве и детстве. Было практически покончено с беспризорностью, нищенством. Сложилась разветвленная сеть детских учреждений, пионерских лагерей. Вместе с тем на всех уровнях и начиная с самого юного возраста дети стали объектом массивной идеологической обработки, рассчитанной на "воспитание молодых строителей светлого будущего". В их головы буквально вдальбывались идеалы сталинского социализма и культового сознания. В борьбе с негативными явлениями в детской среде использовались очень крутые и жестокие меры. Закон, принятый ЦИК СССР в апреле 1935 г., предусматривал суровые наказания малолетних преступников вплоть до применения расстрела. В конце 1930-х годов в стране существовало более десятка колоний для несовершеннолетних. Самыми страда-

ющими и физически, и морально, как показывают детские письма в различные инстанции, были дети репрессированных - "отверженные" советского общества. В этих письмах сквозит обида, непонимание происходящего, но, в отличие от взрослых, дети редко отрекались от своих родителей.

Распределение занятого населения по отраслям народного хозяйства изменилось следующим образом. В промышленности было занято 18.9%, в сельском и лесном хозяйстве - 53%, в строительстве - 4%, на транспорте, в учреждениях связи - 4.4%, в торговле, снабжении, общественном питании - 6%, в здравоохранении - 2%, в науке, культуре, образовании - 4%, в партийном и государственном аппарате - 3%.

Если сравнить структуру занятости сельского и городского населения, то можно увидеть еще некоторые унаследованные от прошлого черты: основная масса деревенского населения (примерно три четверти) была занята в сельском хозяйстве. Если в городе занятые в промышленности составляли 39%, то в сельской местности - только 7.2%. Несмотря на сохраняющееся преобладание сельских жителей, удельный вес пришедших на них работников строительства, транспорта, связи, сферы обслуживания, здравоохранения, культуры, образования был на порядок ниже, чем в городах, как в абсолютном, так и в относительном выражении. Причем, если и в городе ощущалась неразвитость социальной и культурной сферы, то в деревне ее отставание сказывалось особенно остро. Большинство сельских жителей, прежде всего молодежь, чрезвычайно болезненно переживало эту ситуацию. От 1930-х годов берет начало достаточно острая для советского общества проблема ликвидации различий между городом и деревней, сформулированная партийным руководством, но так и не нашедшая своего разрешения за всю историю советского строя и лишь усугублявшая излишний отток сельских жителей в города.

Однако самую кардинальную ломку пережила социальная структура советского общества. Выступая на XVIII съезде ВКП(б), Сталин утверждал, что советское общество после ликвидации в нем капиталистических элементов состоит из двух дружественных классов: рабочих, колхозного крестьянства и межклассовой прослойки - народной интеллигенции. Казалось бы, что это общество, действительно, движется к социальной однородности. Данные переписи 1939 г. были разрабатаны таким образом, чтобы наглядно подтвердить это положение. Однако более внимательный и детальный анализ ее материалов позволяет выделить следующие заметно отличающиеся друг от друга социальные группы:

	%
Руководители партийных, государственных и прочих учреждений и организаций.....	2.5
в том числе в городах	1.3
в сельской местности	1.2
Служащие и интеллигенция	14.1
в том числе городские	9.4
сельские	4.7
Рабочие	32.1
в том числе городские	19.5
сельские	12.6
Колхозники	46.2
Кооперированные кустари	2.2
в том числе городские	1.3
сельские	0.9
Крестьяне-единоличники	2.2
Некооперированные кустари	0.6
в том числе городские	0.2
сельские	0.4
Прочие	0.1
Итого	100

Приводимые сведения, в отличие от тех, которые характеризовали социальную структуру общества на конец 1920-х годов, даны без распределения на занятое и не занятое население. Поскольку уровень занятости в 1930-е годы изменился существенным образом, то эти параметры оказались очень близкими между собой.

Прежде чем перейти к анализу отдельных социальных групп, следует сказать несколько слов о показателях, характеризующих изменения в уровне грамотности и образования советского общества. Число грамотных среди населения старше 9 лет, согласно переписи 1939 г., достигло 81.2%, увеличившись на 30% по сравнению с 1926 г. Правда, обозначились довольно резкие различия в уровне грамотности между старшими и младшими поколениями. Среди лиц старше 50 лет количество грамотных составляло только 41%. Невысокими оставались и качественные показатели уровня образованности общества. Число людей, имевших среднее образование, составляло лишь 7.8%, а высшее - всего 0.6%. Очевидно, однако, что в этой области советскому обществу уже в ближайшем будущем предстояли большие сдвиги. В 1-4 классах различных школ обучалось 21 млн. учащихся, в 5-7 классах - 8 млн., в 8-10 классах - 1.4 млн., в средних специальных средних учебных заведениях -

около 1 млн., в вузах - примерно 900 тыс. студентов. Фактически 22 человека из каждых 100 жителей страны были охвачены различными видами обучения. Тенденция на повышение уровня образования была заметна и в последующие годы. В самый канун войны 10-й класс заканчивали 900 тыс. учащихся, большинство которых мечтало о поступлении в вузы, не взирая на возрастающие конкурсы.

Образование, партийность, профессиональный опыт - три главных объективных фактора, способствовавших перемещениям советских людей по социальной лестнице, их карьере и служебному продвижению, которые постоянно сталкивались между собой в зависимости от складывающейся ситуации. Число наиболее "продвинутых" - руководителей различных рангов насчитывало около 2 млн. человек и более 300 тыс. из них - освобожденные партийные работники. Общей чертой, объединявшей руководящие кадры, было то, что это были еще далеко не старые люди. Три четверти из них составляли лица не старше 40 лет. Это означало, что они заняли свои посты относительно недавно. Из 172 тыс. студентов, получивших образование в годы первой пятилетки, 88% оказались в 1940 г. на ответственных постах, из 370 тыс. кадров ИТР, подготовленных в годы второй пятилетки, руководящие посты в 1940 г. занимали 70%. Интенсивное назначение молодых специалистов пришлось на время массовых репрессий. Бурный выход на сцену нового поколения руководителей сопровождался довольно острым социальным конфликтом.

Материалы переписи 1939 г. показывают, что среди директоров предприятий уровень образования был ниже, чем у подчиненных им руководителей производственных цехов и участков: у первых - 6.8% имевших высшее образование против 12.6% - у вторых. Но главное, что тех и других "подпирал" многочисленный отряд инженеров, недавно получивших высшее образование в советских вузах, но еще не занимавших никаких руководящих должностей. Нечто подобное, очевидно, было характерно для других сфер деятельности: административной, научной, военной.

По мероприятиям, которые прослеживаются накануне войны, отчетливо видно, что сталинское руководство, в противовес официальным утверждениям о движении к социальной однородности, продолжает свой курс на структурирование общества, выделение в нем привилегированных групп. Однако выделение и обособление этих групп неизбежно вело к вызреванию нового противоречия между ними и остальным обществом. Это выражалось в антагонизме между "мы" и "они", которое хорошо прослеживается по источникам того времени в отличие от часто

употребляемого "мы" периода "социалистического наступления". Давала знать прежняя уравнилельная психология. Многие письма в руководящие органы партии и государства содержат протест против высоких зарплаток и привилегий, предоставляемых работникам аппарата и представителям интеллигенции.

Верхний слой управленческих кадров, занимавших номенклатурные посты, или просто номенклатура, но уже в качестве социальной группы, куда входили наркомы, их заместители и члены коллегий, начальники отделов, управлений, секретари партийных комитетов, члены бюро, начиная от районного (городского) уровня и выше, руководители соответствующих исполкомов советских органов, высшая профсоюзная и комсомольская бюрократия, директора крупных предприятий, научно-исследовательских институтов, творческих организаций, высший командный состав РККА, прокуроры, следователи, судьи и т.п., занимал определяющее положение в социальной структуре общества и пользовался постоянно возрастающими привилегиями.

Отличительной чертой номенклатуры в силу уже отмеченной закономерности становится более высокий уровень образования. Так, среди руководящих работников центрального, республиканского, краевого и областного уровня доля лиц, имевших высшее и среднее образование, по переписи 1939 г., составляла 71.4% (высшее 20.5%) и 7% продолжали учебу, тогда как среди руководителей районного и городского масштаба только 46.3% имели высшее и среднее образование (высшее - всего 4%) и 6% продолжали учебу. Но самой "отсталой" группой среди руководителей были сельские администраторы. Их уровень образования был самый низкий. В низшее звено управления привлекалось значительно больше женщин. Приведенные данные свидетельствуют о сохраняющемся разрыве в уровне образованности между различными уровнями управленческого аппарата. Таким образом, необходимость образования и специальной подготовки к определенному роду деятельности начинают к концу 1930-х годов играть все более весомую роль в управлении. В связи с этим усиливаются процессы "размывания" и вытеснения руководящей элиты с "пролетарской закваской", к тому же достаточно пострадавшей от массовых репрессий.

Вопреки прежним идеалам равенства, справедливости, жертвенности во имя всеобщего блага в номенклатурных кругах негласно развиваются тенденции, направленные на то, чтобы закрепить свое положение, обеспечить его стабильность для себя и своего потомства, иметь гарантии продвижения по службе, материальный достаток и преуспевание. Для нового поколения руководителей уже не имело прежнего значения чувство сопричас-

тности к великим революционным свершениям, которым так гордились их предшественники.

В литературе существует представление о некоем единстве, спаянности, клановости номенклатуры, умения ее нутром чувствовать "своих". Но наряду с этим следует учесть ее постоянное разделение на соперничающие между собой группировки. Внутри нее возникали постоянные противоречия по ведомственному принципу, складывались региональные кланы, ведущие борьбу между собой и за благосклонность центра, и, как выяснилось позднее, столкновения между кадрами руководителей различных национальностей. Все эти противоречия выливались во взаимное подсиживание, дискредитацию друг друга всеми возможными способами, желание при случае "подставить" соперника.

Принадлежность к партии продолжала оставаться одним из условий вхождения в номенклатуру, профессиональной и служебной карьеры. Однако и здесь накануне войны произошли существенные изменения, отражавшие интересы оформившейся партийно-советской бюрократии. Они выразились в стремлении отменить прежние преимущества при вступлении в ВКП(б), которые предоставлялись представителям рабочего класса и принятии более "демократического" устава на XVIII съезде партии. Результаты не замедлили сказаться. Если в 1936-38 гг. в составе нового приема было только 44% представителей интеллигенции и служащих, то в 1939-41 гг. - 70%. Впрочем, прежний стереотип "партия - авангард рабочего класса" продолжал действовать, и партийный аппарат выдумывал множество уловок, чтобы выдавать необходимый для этого процент ее социального состава.

Существует традиция изображать ВКП(б) того времени как политическую организацию, спаянную единством помыслов и действий, особенно после того как в ней были разгромлены "уклоны" и, уничтожена, казалось бы, всякая возможность для проявления инакомыслия. На этом особенно настаивали советская официальная историография и тоталитарная школа. Внимательный анализ говорит, что единство партии существовало только в теории. На самом деле в ней, подспудно, как и раньше, существовали слои, группы и фракции, находившие каналы для выражения своих интересов. Даже внутри самой правящей клики, близкой Сталину, не было единства взглядов. Расхождения и столкновения наверху подчас бывали столь острыми, что прорывались иногда на страницы жестко контролируемой прессы. Не затрагивая вопроса о том, что делать, т.е., не подвергая сомнению "генеральную линию", они касались главным образом вопросов, как ее претворять. Просматривалось разное понимание дальнейших целей и задач. Логика управления созданной системой сосредотачивала перед руководством громаду дел, которые

нужно было решать постоянно. Сталин, конечно, стремился вникать и вмешиваться во все. Это его стремление сопровождалось поддержанием и возвышением его всеобъемлющего культа. Нынешние авторы непроизвольно подыгрывают впечатлению о гениальности и исключительности личности Сталина, когда утверждают, что буквально все определялось его решениями. На самом деле Сталин волей неволей вынужден был передавать кому-то часть своих полномочий, предоставляя тем самым возможность для выражения других мнений и интересов, особенно если они прикрывались искусно подобранными цитатами из весьма противоречивого творческого наследия вождя. Поэтому далеко не все в жизни советского общества решалось самим Сталиным, как это часто представляется в литературе, и многие инициативы шли не от него. Будущие "схватки бульдогов под ковром", как образно выражается по этому поводу литература, были предопределены социальным устройством высших эшелонов власти.

Уже накануне войны в них власти отчетливо обнаружились различные группировки. Одну из них, внешне наиболее активную и радикальную, возглавлял Жданов - главный творец нового устава партии. Жданов был сторонником усиления политической линии в работе ВКП(б), полагаясь при этом не столько на репрессии, сколько на агитацию и пропаганду, на идеологические чистки и проработки. Другую группировку можно обозначить как аппаратно-центристскую, возглавляемую Берией и Маленковым. Для нее был характерен как бы нарочитый уход от политических и идеологических вопросов, ставка на организационно-кадровые методы управления. Среди нового поколения руководителей усиливались позиции Н.Вознесенского, недавно возглавившего Госплан и выступавшего за известную либерализацию системы управления и повышение самостоятельности предприятий.

Очевидно, что все эти группировки выражали интересы руководящего слоя - номенклатуры. Ее общий интерес заключался в том, чтобы иметь определенные гарантии для своего самосохранения. Ей накануне войны удалось добиться хотя бы формального осуждения массовых репрессий. Но и здесь имелись свои нюансы. Логика сложившегося карательного механизма требовала дальнейших жертв и в высшем эшелоне власти были сторонники продолжения жесткой репрессивной политики в лице главы НКВД Л.Берия.

В литературе среди авторов, придерживающихся концепции сталинизма, считается, что накануне войны победила одна линия. Результат этой победы выражается формулой "аппаратный сталинизм победил личный сталинизм", т.е. как бы утверждает-

ся, что логика созданной системы исключала уже какие-либо субъективные отклонения и очередные импровизации со стороны вождя. Представляется, что это далеко не так. Борьба между различными группировками только начиналась и канун войны был отмечен своеобразными компромиссами, где главным арбитром выступал Сталин. В то время как XVIII партийная конференция, происходившая в мае 1941 г., в традициях партийно-хозяйственного актива занималась сугубо практическими вопросами, в стране продолжали свирепствовать массовые репрессии, проводиться шумные идеологические кампании, делались попытки снова "перекроить" аппарат управления. Многие из неразрешенных конфликтов нашли свое продолжение уже после войны.

Группа руководителей на протяжении 1930-х годов оказалась самой быстрорастущей. На втором месте по темпам роста была стоявшая под ней и вместе с ней группа служащих и интеллигенции (рост в 4.4 раза по сравнению с 1926 г.). Она же превратилась теперь в главный источник пополнения номенклатурных кадров. Самый многочисленный отряд служащих составляли работники учета, контроля, плановых и финансовых органов (около 3 млн. человек). Затем шел технический персонал предприятий и учреждений (около 2 млн. человек). Вместе с работниками административного аппарата эти группы включали в себя половину всех советских служащих. Это означает, что их социальный облик к концу 1930-х годов все более приобретал бюрократическо-технократический оттенок. Из других профессиональных отрядов следует отметить значительное увеличение педагогических, культурно-просветительных кадров (1.8 млн.), медицинского персонала (1.1 млн.).

Численность рабочих в 1939 г. по сравнению с 1926 г. выросла в 3.6 раза и насчитывала 25.4 млн. человек. Данные переписи 1939 г. показывают, что произошло решительное перераспределение кадров рабочего класса в сторону отраслей тяжелой промышленности. Однако недостаток рабочей силы в них продолжал настоятельно ощущаться, особенно там, где существовали тяжелые условия труда (шахты, предприятия черной и цветной металлургии и др.). Рабочие-металлисты насчитывали 4.4 млн. человек. Этот самый многочисленный профессиональный отряд рабочего класса заметно отличался от других своими качественными показателями. Так, без малого 60% металлистов составляли рабочие до 30 лет, тогда как среди строителей, например, только 29%. Уровень грамотности и образования рабочих ведущих массовых профессий металлистов был на порядок выше, чем у рабочих других отраслей. В частности, токари-станочники были практически поголовно грамотными и уже 4%

из них имели среднее образование, одновременно более 15% из них были охвачены различными видами обучения. (Для сравнения, среди рабочих, не имевших специальности - чернорабочих было только 76.5% грамотных, а продолжали учиться всего около 3%). Была отмечена также тяга молодежи к наиболее сложным по тому времени профессиям, связанными с работой на машинах и механизмах (шоферы, экскаваторщики, машинисты электропоездов и т.п.).

Как бы сумбурно и непоследовательно ни происходила индустриализация, она так или иначе привела к определенным результатам. Новая технология и ее освоение породили громадный спрос на квалифицированную рабочую силу. Данные переписи 1939 г. показывают, что в рядах аморфной и безликой массы, которая двигалась из деревни в город, начинают складываться постоянные кадры квалифицированных рабочих с определенными стандартами жизни и поведения. Это, конечно, не тот рабочий класс, образ которого создавался в пропагандистских документах. Он еще несет на себе остатки деревенского прошлого, невысок его в целом образовательный и культурно-технический уровень. Но он уже снисходительно, а порою с презрением, относится к новым пришельцам из деревни. Круг интересов этих рабочих переключается на то, чтобы повысить свой материальный уровень, обрести сносные условия существования, удовлетворить пока еще невысокие потребности в развлечениях, занятиях спортом. Отчасти государство и профсоюзы идут навстречу новым веяниям путем создания рабочих клубов, организации массовых зрелищ, добровольных спортивных и военизированных обществ, однако больше продолжают уповать на выделение своеобразной рабочей квазиэлиты: стахановцев и ударников, которые за установление рекордов на производстве удостоивались привилегий - выдвижения в депутаты, внеочередного предоставления квартиры, поступления в вуз и т.п. Своим пассивным сопротивлением основная масса рабочих фактически саботирует стахановское движение. Руководство тоже вынуждено было примириться с этим, фабрикуя рапорты о трудовых успехах для вышестоящего начальства.

Неудовлетворенность своим положением, глубокое социальное расслоение в рядах рабочего класса вели к возрастанию напряженности, недовольству, которое выражалось в росте пьянства, преступности, охоте к перемене мест в поисках лучшей доли и т.д. Государство ответило на это усилением репрессивных мер. Упомянутый указ от 26 июня 1940 г. запретил расторжение трудового договора о найме на работу в одностороннем порядке, что фактически означало прикрепление работника к предприятию. В августе того же года был принят указ об усилении уго-

ловной ответственности за мелкие преступления (пьянство, хулиганство и пр.).

По-прежнему остро стояла проблема подготовки новых кадров квалифицированных рабочих. Указ Президиума Верховного Совета в октябре 1940 предусматривал мобилизацию в промышленность от 800 тыс. до 1 млн. юношей и девушек путем обучения их в ремесленных училищах и школах ФЗО, а окончившие их должны были в обязательном порядке 4 года отработать на производстве.

Вместо крестьян-единоличников основной социальной группой на селе, так же как и во всем советском обществе стали колхозники - класс, находившийся на нижней ступени социальной лестницы. Уже в те годы стали определяться их специфические черты - отставание в области образования, значительно более высокая доля старших возрастных групп с явным преобладанием женщин. Так, среди деревенских жителей, указавших в переписи 1939 г. своим основным занятием "сельское хозяйство" без обозначения специальности (27 млн. человек) только 67% были грамотными. Почти тот же процент приходился на долю женщин в данной категории занятий и около 20% из них составляли лица старше 50 лет (в среднем по стране - 13%). Таким образом, еще накануне войны обозначились деформации в структуре сельского населения.

К колхозникам в советском обществе складывалось неоднозначное отношение. Нередко к ним относились как к гражданам второго сорта. Иногда можно было услышать "колхозник" как презрительную или бранную кличку. Глядя на замордованных тяжелым трудом родителей, не испытывая желания терпеть моральное унижение, постоянно копать в навозе и видеть только коровьи хвосты, сельская молодежь, несмотря ни на какие преграды и препоны, стремилась в город, манивший относительной свободой, чистыми учреждениями, вузами, театрами.

Несколько отличались от основной массы колхозников кадры сельских руководителей и специалистов: председатели колхозов, сельсоветов и их заместители, зав. МТФ, бригадиры, звеньевые и т.п. Они, как правило, были значительно моложе, однако уровень их образования продолжал оставаться крайне низким. Мало кто из них имел среднее или высшее образование. Правда, многим руководителям низших производственных звеньев уже тогда пришлось сесть за учебники.

Наиболее грамотная, образованная, молодая и дееспособная часть сельского населения сосредотачивалась в МТС - агрономы, зоотехники, бригадиры тракторных бригад, трактористы, комбайнеры. Так, среди трактористов молодежь, вернее люди до 30

лет, по переписи 1939 г. составляла 77%, среди зоотехников - 60%, бригадиров тракторных бригад - 58%, агрономов - 44%.

Исчезающими элементами социальной структуры общества были крестьяне-единоличники и кустари, а также так называемые "нетрудящиеся", т.е. лица, не занятые общественно-полезным трудом. Их доля в населении теперь была очень невелика, хотя, по мнению специалистов, несколько занижена статистикой. Следует обратить внимание на то, что и процент кооперированных кустарей оказался невысоким. Это означает, что удельный вес народно-хозяйственных элементов, обслуживаемых мелким производством, в 1930-е годы сильно сократился.

Анализ социальной структуры советского общества был бы неполным без учета ряда специфических категорий: военнослужащих, заключенных, трудпоселенцев. К сожалению, перепись 1939 г. дает о них лишь самые общие сведения, "растворяя" их среди рабочих, служащих и колхозников. В ряде случаев данные о "спецконтингентах" могут быть дополнены текущей статистикой НКВД, ставшей доступной в последние годы.

Согласно переписи, состав РККА и ВМФ насчитывал 1.9 млн. и 0.2 млн. человек соответственно. В течение времени, оставшегося до войны, их численность выросла очень существенно, вобрав в себя значительные призывные контингенты сельской и городской молодежи. Роль армии в жизни общества заметно возросла. Быть военнослужащим стало престижно. Этому способствовало их воспитание в героическом и патриотическом духе, воспевание прошлых побед русского оружия и Красной Армии. Накануне войны были восстановлены генеральские и офицерские звания и отменен институт военных комиссаров. Армия также перестраивалась в духе имперских традиций, единоначалия и строгой иерархии.

Общее население системы, подведомственной НКВД, составляло на начало 1939 г. - 3.7 млн. человек. Из них контингент "А" (административный и оперативно-чекистский состав, пограничные и внутренние войска НКВД) - 366 тыс., континент "Б" (постоянный и переменный состав частей и школ милиции, пожарной охраны, штатный и вольнонаемный состав тюрем, лагерей, колоний, трудпоселков) - 269 тыс., контингент "В" (осужденные и подследственные в тюрьмах, лагерях, колониях, трудпоселенцы) - 3.1 млн. Примерно те же цифры дает текущая статистика НКВД. Согласно ей, на 1 января 1939 г. в тюрьмах содержалось 350 тыс. заключенных, в ИТЛ - 1.3 млн. человек, в ИТК - 365 тыс., на учете отдела трудовых поселений ГУЛАГа состояло 990 тыс. человек. Наибольшее количество заключенных лагерей было сосредоточено на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, в том числе в Бамлаге - 260 тыс., Севвостлаге (Колыма) -

138 тыс., Карелии, Архангельской обл., Коми АССР. Далее шел пояс рассредоточения трудпоселений: Урал, Зап. Сибирь и Казахстан.

Большинство заключенных лагерей было закреплено за промышленными наркоматами и строительными управлениями (531 тыс.), сельским хозяйством (243 тыс.) и лесозаготовками (213 тыс.). Система ИТК распределялась следующим образом: 170 из них определялись как промышленные, 83 - как сельскохозяйственные, остальные 172 были закреплены за различными наркоматами.

Половозрастной состав населения ГУЛАГа также отличался своей спецификой. 86% его жителей по переписи 1939 г. составляли лица 18 лет и старше, мужчины - 79%. Около 60% заключенных находилось в возрасте до 30 лет, что отчасти было свидетельством неблагоприятной ситуации среди молодежи. Доля женщин и детей была значительно выше в трудпоселениях. Так, в Новосибирской области, где наблюдалось наибольшее скопление трудпоселенцев, взрослое население среди них составляло 68%, а количество женщин - 41%.

По уровню грамотности и образования структура заключенных имела как бы двухполюсный характер. С одной стороны, среди них было больше лиц с более высоким уровнем образования, чем среди остального населения. Так, 1,7% заключенных имели высшее образование и 9,1% - среднее. С большой долей уверенности можно сказать, что это качество было скорее присуще осужденным по политическим мотивам. С другой стороны, среди заключенных было существенно больше малограмотных и неграмотных. Обычно эта черта более свойственна уголовному миру, составлявшему значительную часть ГУЛАГовского населения.

Таким образом, сфера принудительного труда отличалась от остального общества более сложной структурой. Здесь происходило "перемалывание" на новый лад остатков прежних классов и социальных групп, представителей различных партий и политических группировок, инакомыслящих, нон-конформистов и т.д. Сюда же попадали представители люмпенизированных слоев и "отбросы" общества.

Широко распространенным является взгляд, что довоенные годы отмечены ослаблением репрессий. Статистика, однако, этого не подтверждает. Впечатление об ослаблении репрессий истекает из осуждения "ежовщины". Кто-то, действительно, был выпущен на свободу, кто-то прощен, но таких оказалось немного. В 1939 г. ГУЛАГовский сектор сократился всего на 120 тыс. человек. На самом же деле НКВД под руководством Берия продолжал методическую "обработку врагов народа", а сами методы

стали более таинственными, а потому - зловещими. Была осуществлена разгрузка тюрем, ужесточен режим содержания заключенных. В связи с этим существенно пополнились ИТЛ, где вместе находились политические заключенные и особо опасные уголовные преступники. При Берии усилился народнохозяйственный уклон в деятельности ГУЛАГа, повысились нормы выработки на отдельного человека. Однако в силу крайнего истощения лишь треть заключенных была способна к тяжелому труду, а четверть относилась к категории "инвалиды и ослабленные", т.е. вообще не могли работать. При Берии в системе НКВД стала быстро оформляться система "шарашек", заводов, институтов, конструкторских бюро. НКВД превращался в ведомство, способное решать крупные народно-хозяйственные задачи.

Продолжалось размывание и растворение "кулацкой ссылки". Однако с конца 1939 г. туда устремился встречный поток так называемых "польских осадников и беженцев". Под ними имелось ввиду довольно пестрое в национальном отношении население недавно присоединенных к СССР территорий. До начала войны оттуда было депортировано 380 тыс. человек. В итоге число трудпоселенцев осталось почти без изменений.

В 1940 г. репрессии снова усилились. 560 тыс. заключенных пополнили тюрьмы, лагеря и колонии. В значительной мере это было связано с применением июньского и августовского указа 1940 г. Всего накануне войны за ГУЛАГом числилось 3 млн. 350 тыс. человек, подвергшихся различным видам наказаний.

Несмотря на широкий размах репрессий, они не затронули уже упомянутую "пятую колонну", т.е. активных противников советского строя, втайне мечтавших устроить массовую резню коммунистов. Показной лояльностью и даже подыгрыванием репрессивной политике им ничего не стоило ускользнуть от сверхбдительного ока НКВД. Но это выяснилось позже, в годы войны. Внутри самого ведомства усилилась "специализация". Более заметной стала его международная активность. Был осуществлен ряд террористических актов за рубежом, в том числе убийство Троцкого в Мексике в августе 1940 г. В самый канун войны из НКВД выделился Наркомат госбезопасности (НКГБ), который возглавил подручный Берии Меркулов.

Наконец, следует сказать несколько слов о влиянии ГУЛАГа на социальную жизнь страны. Положение заключенных было тяжким, и не столько вследствие труднейших условий труда и быта, сколько из-за уголовного террора и моральных унижений. Само существование ГУЛАГа и его расширение вследствие ужесточения карательной политики режима вносило в общество атмосферу страха, неуверенности, подозрительности. Освобожденные из заключения уголовники (для "политических" освобожденные

ние было более проблематичным) отрицательно влияли на общественную жизнь, особенно на подрастающие поколения, способствовали формированию в городах особой молодежной субкультуры, где сбивались весьма своеобразные сообщества, создавались свои традиции и нормы поведения, основанные на уголовной "романтике", со своим "блатным" и "полублатным" языком, фольклором и т.д. Из героев, созданных советской литературой и кино, наибольшей популярностью почему-то пользовались образы "перевоспитавшихся", видимо, как более жизненные, а образцом для подражания нередко было как раз то, против чего был направлен пафос этих произведений.

Обычно общественное сознание в довоенный период в литературе характеризуется в терминах единства и одномерности. Однако это далеко не так, особенно если проанализировать его нижние этажи - обыденное сознание и психологию через призму социальных отношений. Идеология в этот период явно обнаруживает признаки омертвления и догматизации. Это время активного внедрения в сознание людей прописных истин и догм "Краткого курса". Самым значительным событием духовной жизни страны стало празднование 60-летнего юбилея вождя. В связи с этим его культ стал приобретать монументальные, "горно-вершинные" черты. Продолжалось наступление государственно-патриотической идеологии, тоже тесно связанной с именем Сталина, отказ от идей интернационализма и международного братства. Но по мере навязывания идеологических штампов и клише, с не меньшей силой возникает эффект их отторжения, по-разному заметный в различных общественных слоях. Первыми эрозии подверглись коммунистические ценности и идеалы, которые теперь все чаще рассматривались как абстрактные "библейские" заповеди, в рамках которых шла обычная повседневная рутинная жизнь, где каждый руководствовался скорее своими личными и семейными интересами, чем интересами всего общества.

Таким образом, социальная структура советского общества накануне войны была достаточно сложной и пестрой, далекой и от движения к социальной однородности и монотонно-абстрактного единства, о котором толкуют представители тоталитарной школы. Более того, векторы социальных изменений указывали на дальнейшее усложнение и "отверждение" этой структуры. Складывались свои "высшие", "средние" и "низшие" классы. В чем-то новая социальная структура имела сходство с прежней, дореволюционной, лишней раз подчеркивая необходимость учета процессов, протекающих в самом обществе. Это общество в общем-то сумело выйти из периода бурных социальных потрясений, как это не раз бывало в прошлом, вылепило из себя

новые причудливые формы, сообразные с менталитетом и психологией большинства людей, подмяло под себя и переварило "единственно научную идеологию", приспособив для этого ряд социалистических идей, нашедших в нем почву, создало на этой основе новые общественные и государственные институты, несущие на себе как остатки прошлого, так и тенденции новейшего времени. На этой основе сложилась новая советская цивилизация, которую под видом подлинного марксизма-ленинизма официальная идеология пыталась выдать за магистральный путь развития всего человечества.

Вскоре созданной советской системе предстояло пройти страшное испытание на прочность, так же как и в прежнем режиму четверть века назад. Война позволила выделить ее жизнеспособные элементы, которые находились в духе эпохи и способствовали одержанию победы. В чем-то война укрепила основы этой системы, в чем-то, наоборот, расшатала их, обнажила собственные ей противоречия, которые продолжали развиваться в послевоенные годы.

Видимо, самой историей, в силу очень многих причин, этой части земного шара был предопределен очень негладкий путь развития и возвращение к "общечеловеческим ценностям" для нашей страны - вопрос гораздо более сложный, чем представляется иным теоретикам. Как бы то ни было, мы не можем отвлечься от своей истории, какой бы жестокой и суровой она ни была. Надо лишь научиться извлекать из нее полезные уроки, не скрывая противоречий, несовершенств и преступлений, совершенных в тот или иной момент времени, а не переписывать ее каждый раз в угоду очередной конъюнктурной версии.

БИБЛИОГРАФИЯ*

- Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.
- Арутюнян Ю.В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929-57 гг. М., 1960.
- Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.
 - Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
- Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде в феврале 1917 г. М., 1967.
- Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1988.
- Валентинов Н.* Нэп и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.
- Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Рост рабочего класса СССР. 1917-1940. М., 1976.
- Венедиктов А.В.* Организация государственной промышленности в СССР. В 2 томах. Л., 1957-1961.
- Верт Н.* История советского государства. 1900-1991. 2-е изд. М., 1994.
- Власть и общественные организации в России в первой трети XX в. М., 1994.

*В библиографию по алфавитному списку включены только книги (монографии) исторического содержания. Из источников приводятся только те, на которые есть ссылка в лекциях. Основной упор сделан на работы, вышедшие в последние годы.

- Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 1-4. М., 1989.
- Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Вылцан М.А.* Завершающий этап создания колхозного строя (1935-1937 гг.). М., 1978.
- Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970.
- Гимпельсон Е.Г.* Рабочий класс в управлении государством. Ноябрь 1917-1920 гг. М., 1982.
- Советский рабочий класс. 1918-1920. М., 1974.
 - "Военный коммунизм": политика, практика, идеология. М., 1973.
- Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-х годах. М., 1989.
- Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства. 2-е изд. М., 1987.
- Горький М.* Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре. М., 1990.
- Гусев К.В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963.
- Партия эсеров: от мелкобуржуазной революционности к контрреволюции. М., 1975.
 - Эсеровская богородица. М., 1992.
- Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
- Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.
- Деникин А.И.* Очерки истории русской смуты. Т.1-6. М., 1991-1992.
- Дробижев В.З.* Главный штаб социалистической промышленности. ВСНХ: 1917-1932 гг. М., 1966.
- Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972.

- Изменения социальной структуры советского общества. Вып. 1. 1917-1920 гг. М., 1976. Вып. 2. 1921-середина 30-х годов. М., 1979.
- Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985.
- Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
- Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.
 - "Белое дело": генерал Корнилов. М., 1989.
 - Революция и судьба Романовых. М., 1992.
- Историки спорят. М. 1989.
- Исторические силуэты. М., 1991.
- История и сталинизм. М., 1991.
- История коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. М., 1967-1971.
- История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991.
- История политических партий России. М., 1993.
- История рабочего класса СССР. Серия. В 6 томах. Т.1-2. М., 1983-1984.
- История советского крестьянства. Серия. В 5 томах. Т. 1-2. М., 1984-1985.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. В двух сериях. В 12 томах. Т. 5-11. М., 1966-80.
- Кабанов В.В.* Крестьянское хозяйство в условиях "военного коммунизма". М., 1988.
- Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.
- Карр Э.* История Советской России. Кн.1. Том 1 и 2.
- Большевистская революция. 1917-1923. М., 1990.
- Козлов В.А.* Культурная революция и крестьянство. М., 1983.
- Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. Исторический опыт государственного руководства культурным строительством в РСФСР в 1917-1925 гг. М., 1992.
- Коэн С.* Бухарин и большеви́стская революция. Политическая биография 1888-1938. М., 1990.

Лацис О. Перелом. Опыт прочтения несекретных документов. М., 1990.

Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. ПСС. Т.27.

- Пролетарская революция и ренегат Каутский.

ПСС. Т. 37.

- Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. ПСС. Т.40.

- О нашей революции. ПСС. Т.45.

- Очередные задачи Советской власти. ПСС. Т.36

- О продналоге. ПСС. Т.43.

- О кооперации. ПСС. Т.45.

- Письмо к съезду. ПСС. Т.45

- К вопросу о национальностях и об "автономизации".

ПСС. Т.45.

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. В трех томах. Т.II-III. М., 1956.

Макаренко В.Л. Бюрократия и сталинизм. Ростов н/Д, 1989.

Маслов Н.Н. Идеология сталинизма: история утверждения и сущность. М., 1990.

Матюгин А.А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). М., 1962.

Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1917-1924 гг. М., 1990.

Миц И.И. История Великого Октября. В трех томах. М., 1967-1973.

На колени не встану. М., 1992.

Наше отечество. Опыт политической истории. В двух томах. М., 1991.

Непролетарские партии в трех революциях. М., 1989.

Никольский С.А. Власть и земля: Хроника утверждения бюрократии в деревне. М., 1990.

Новая экономическая политика: вопросы теории и истории. М., 1974.

Нэп - взгляд со стороны. М., 1991.

Нэп - приобретения и потери. М., 1994.

- Октябрь 1917 г.: величайшее событие века или социальная катастрофа? М., 1991.
- Они не молчали. М., 1991.
- Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского свабжения. М., 1993.
- Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.
- Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. (Проблемы источниковедения советской истории). М., 1994.
- Преображенский А.П. Новая экономическая политика. Опыт теоретического анализа. М., 1926
- Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989.
- Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991.
- Рогачевская Л.С. Ликвидация безработицы в СССР, 1917-1930 гг. М., 1973.
- Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917-1970 гг. М., 1977.
- Роговин В. Была ли альтернатива? "Троцкизм": взгляд через годы. М., 1992.
- Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970.
- Россия, 1917 год: выбор пути. М., 1988.
- Селунская В.М. Социальная структура советского общества: история и современность. М., 1987.
- Семнадцатый год в Петрограде. Кн.1-2. Л., 1967.
- Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. М., 1978.
- Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991.
- Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968.
- Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.
- Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. М., 1991
- Тепцов Н.В. Аграрная политика: на крутых поворотах. М., 1990.
- Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990.
- Сталинская школа фальсификации. М., 1990.
- Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917-1929. М., 1994.

Тридцатые годы: взгляд из сегодня. М., 1990.

Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа, 1921-1937. М., 1960.

- Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975.

Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958.

Финансовое выздоровление экономики: опыт нэпа. М., 1990.

Формирование командно-административной системы. М., 1992.

Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. (Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы). М., 1994.

Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса. М., 1970.

Экономическая политика советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
I. СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ	
1917-1921 гг.	
1. Причины революции 1917 г. в России	17
2. 1917 год	37
3. Революционные преобразования большевиков	59
4. Гражданская война и "военный коммунизм"	81
5. Кризис 1920-1921 гг.	91
II. НОВАЯ И СТАРАЯ РОССИЯ:	
1920-е годы	
1. НЭП	105
2. Образование СССР	121
3. Политическая борьбы в 1920-годы и "сумерки нэпа"	131
4. "Год великого перелома"	151
III. "СОЦИАЛИЗМ" В ОДНОЙ СТРАНЕ	
1. Индустриализация, коллективизация, культурная революция в СССР	171
2. "Социалистическое наступление" 1930-1932 гг.	183
3. "Социалистическое наступление" 1933-1937 гг.	197
4. "Сталинский социализм"	213
5. "Ежовщина"	229
6. СССР накануне войны	243
7. Довоенное советское общество	257
Библиография	275

ДЕСЯТЬ НОВЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ

Издательство "МОСГОРАРХИВ" в 1995 г. предполагает издать серию "Десять новых учебников по историческим дисциплинам", авторы которых представляют Московский, С.-Петербургский, Уральский университеты, Историко-архивный институт РГГУ, а также Институт российской истории РАН и Институт истории АН Беларуси.

Серия включает следующие книги:

1. А. К. Соколов ЛЕКЦИИ ПО СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ. 1917-1940.
2. КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ
3. РЫНОК И РЕФОРМЫ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ.
4. СССР И ХОЛОДНАЯ ВОЙНА.
5. СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА.
(Материалы к изучению I Государственной Думы и методы их анализа).
6. О. Г. Буховец СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И КРЕСТЬЯНСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА
новые материалы, методы, результаты.
7. С. Г. Кащенко РЕФОРМА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.
(Количественный анализ массовых источников).
8. С. В. Воронцова РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАЧАЛА XX ВЕКА:
источники и методы изучения.
9. Т. И. Славко КУЛАЦКАЯ ССЫЛКА НА УРАЛЕ. 1930-1936.
10. ПРИКЛАДНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАТИКА.

